Л. Григорьевъ и Б. Оленинъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ВЫПУСКЪ IV.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ КЛАССНАГО И ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ.

3-ье изданіе.

P 11

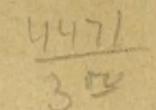
Рига, 1913.

Изданіе К. Г. Зихмана, Колодезная ул. 5/7.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

4471
3

Л. ГРИГОРЬЕВЪ и Б. ОЛЕНИНЪ.

РУССКОЕ СЛОВО.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ДЛЯ КЛАССНАГО и ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Ученымъ Комитетомъ Министр. Нар. Просв. допущено (въ 1-мъ изд.) къ классному употребленію въ народныхъ училищахъ (Согласно разрѣшенію Департамента Мин. Нар. Просв. отъ 15 ноября 1906 г. за № 23651) 2-ое изд. допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ.. Согласно извѣщ. Департамента Мин. Нар. Просв. отъ 28 февраля 1911 г. за № 7268.

Цѣна безъ переплета 75 коп.

РИГА, 1913.
Изданіе К. Г. ЗИХМАНА, Колодезная улица 5/7.

Всѣ иллюстраціи этой книги составляютъ собственность книгоиздательства К. Г. Зихмана въ г. Ригѣ, и всякое недозволенное подражаніе и заимствованіе ихъ подлежатъ судебному преслѣдованію.

Печатано въ типографіи Мюллера въ Ригѣ, Гердерова площадь № 1.

491.786
G857R
Vyp. 4

Народныя сказки.

---

1. Морозко.

У матери была падчерица да родная дочка. Родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головѣ да приговариваютъ: „умница," а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодитъ: все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: „Вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобы мои глаза ея не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вези къ роднымъ въ теплую хату, а во чистое поле на трескунъ морозъ!" Старикъ затужилъ, заплакалъ, однако посадилъ дочку на сани; хотѣлъ прикрыть попонкой, и то побоялся. Повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣй домой, чтобы глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ, красный носъ!" —„Добро пожаловать, Морозъ; знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную." — Морозъ хотѣлъ ее тýкнуть и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи — жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ, красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ, красный носъ!" — „Добро пожаловать, Морозъ; знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную." — Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу: онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ, красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье, шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала такая красавица, такая нарядница! Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ: напекла блиновъ. „Ступай, мужъ, вези хоронить свою дочь!" Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: „тявъ, тявъ! старикóву дочь въ златѣ, въ сéребрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!" — „Молчи, дура: на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стари-

ко́вой однѣ косточки привезутъ!“ Собачка съѣла блинъ и опять: „Тявъ, тявъ! старико́ву дочь въ златѣ, въ се́ребрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: „старико́ву дочь въ златѣ, въ се́ребрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!“

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица, — панья паньей сіяетъ! „Старикъ, старикъ, запрягай лихихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣе, посади на то же поле, на то же мѣсто!“ Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ, красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождался, разсерди́лся, хватилъ ее и убилъ. — „Старикъ, ступай, лихихъ коней запряги, мою дочь привези, да саней не повали, да сундукъ не оборони!“ — А собачка подъ столомъ: „Тявъ, тявъ, тявъ! старико́ву дочку женихи возьмутъ, а стару́хиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!“ — „Не ври! на пирогъ, скажи: „старухину въ златѣ, въ се́ребрѣ везутъ!“ Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто нея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

2. Снѣгурочка.

I.

Жилъ-былъ крестьянинъ Иванъ, и была у него жена Марья, да не было у нихъ дѣтей. Иванъ и Марья жили въ любви и согласіи; такъ и состарѣлись, а дѣтей у нихъ все не было. Сильно они о томъ сокрушались и только глядя на чужихъ дѣтей утѣшались. А дѣлать нечего! Такъ ужъ, видно, имъ Господь судилъ: вѣдь все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ!

Вотъ однажды, — какъ пришла зима да пало молодого снѣгу по колѣно, — ребятишки высыпали на улицу поиграть, а старички наши подсѣли къ окну поглядѣть на нихъ. Ребятишки бѣгали, рѣзвились и стали лѣпить бабу изъ снѣгу. Иванъ съ Марьей глядѣли молча, призадумавшись. Вдругъ Иванъ усмѣхнулся и сказалъ: „Пойти бы и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!“ На Марью, видно, тоже нашелъ веселый часъ. „Что жъ — сказала она, пойдемъ, разгуляемся на старости! Только на что тебѣ бабу лѣпить: будетъ съ тебя и меня одной: слѣпимъ лучше себѣ дитя изъ снѣгу, коли Богъ не далъ живого!“ — „Что правда, то правда,“ сказалъ Иванъ, взялъ шапку и пошелъ на огородъ со старухою. Они и вправду принялись лѣпить куклу изъ снѣгу: склали туловище съ ручками и ножками, наложили сверху круглый комъ снѣгу и обладили изъ него голову.

„Богъ въ помощь!“ сказалъ кто-то, проходя мимо. „Спасибо-благодарствуемъ!“ отвѣчалъ Иванъ. „Божья помощь на все хороша,“ промолвила Марья. — „Что жъ это вы подѣлываете?“ — „Да вотъ, что видишь!“ отвѣчалъ Иванъ. „Снѣгурочку,“ промолвила Марья, засмѣявшись.

Вотъ они вылѣпили носикъ и бородку, сдѣлали двѣ ямочки во лбу, и только что Иванъ прочертилъ ротикъ, какъ изъ него вдругъ дохнуло теплымъ духомъ. Иванъ второпяхъ отнялъ руку; только смотритъ: ямочки во лбу стали ужъ на выкатѣ; и вотъ изъ нихъ проглядываютъ голубенькіе глазки; вотъ ужъ и губки какъ малиновыя, и улыбаются. — „Что это, Господи! не навожденіе ли какое?“ сказалъ Иванъ, кладя крестное зна́меніе. А кукла наклоняетъ къ нему голову, точно живая, и зашевелила ручками и ножками въ снѣгу, словно грудное дитя въ пеленкахъ. „Ахъ, Иванъ, Иванъ!“ закричала Марья, задрожавъ отъ радости: — „да это намъ Господь дитя даетъ“ и бросилась обнимать Снѣгурку, а со снѣгурки весь снѣгъ отвалился, какъ скорлупа отъ яичка, и на рукахъ у Марьи была же въ самомъ дѣлѣ живая дѣвочка. „Ахъ ты, моя Снѣгурушка дорогая!“ воскликнула старуха, обнимая свое желанное и нежданное дитя и побѣжала съ нимъ въ избу. Иванъ на силу опомнился отъ такого чуда; а Марья была безъ памяти отъ радости.

И вотъ Снѣгурка растетъ не по днямъ, а по часамъ, и что день, то все лучше. Иванъ и Марья не нарадуются ею. И весело пошло у нихъ въ дому. Дѣвки съ села у нихъ безвыходно; забавляютъ и убираютъ бабушкину дочку, словно куколку; разговариваютъ съ нею, поютъ ей пѣсни, играютъ съ нею во всякія игры, научаютъ ее всему, какъ что у нихъ ведется. А Снѣгурка такая смышленая, все примѣчаетъ и перенимаетъ. И стала она за зиму точно дѣвочка лѣтъ тринадцати; все разумѣетъ, обо всемъ говоритъ, и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушиваешься. И такая она добрая, послушная, ко всѣмъ привѣтливая. А собою она бѣленькая, какъ снѣгъ; глазки, какъ незабудочки; свѣтлорусая коса до пояса; одного румянца нѣтъ вовсе, словно живой кровинки не было въ тѣлѣ . . . да и безъ того она была такая пригожая и хорошая, что заглядѣнье. А какъ, бывало, разыграется она, такъ такая утѣшная и пріятная, что душа радуется! И всѣ не налюбуются Снѣгуркою; старушка же Марья души въ ней не слышитъ. „Вотъ, Иванъ!“ говорила она мужу, „даровалъ-таки намъ Богъ радость на старость! миновалась-таки печаль моя задушевная!“ . . . А Иванъ говоритъ ей: „благодареніе Господу! здѣсь радость не вѣчна и печаль не безконечна . . .“

II.

Прошла зима. Радостно заиграло на небѣ весеннее солнце и пригрѣло на землю. На прота́линкахъ[1]) зазеленѣла мурава́[2]), и запѣлъ жаворонокъ. Ужъ и красныя дѣвицы собрались въ хороводъ подъ селомъ и пропѣли:

„Весна красна, на чемъ пришла,
На чемъ пріѣхала? . . . .
На со́шечкѣ, на бороночкѣ!“

---

[1]) Прота́лина — мѣсто, гдѣ растаялъ снѣгъ и показалась первая травка.
[2]) Мурава́ — зеленая молодая трава.

А Снѣгурочка что-то скучна стала. — „Что съ тобою, дитя мое?“ говорила не разъ ей Марья, приголубливая къ себѣ — „не больна ли ты? Ты все такая невеселая, совсѣмъ съ личика спала. Ужъ не сглазилъ ли тебя недобрый человѣкъ?“ — А Снѣгурка отвѣчала ей всякій разъ: „ничего, бабушка, я здорова . . .“

Вотъ и послѣдній снѣгъ согнала весна своими красными днями. Зацвѣли сады и луга; запѣлъ соловей и всякая птица, и все въ Божьемъ мірѣ стало живѣй и веселѣе. А Снѣгурка сердечная еще сильнѣе скучать стала; дичится подружекъ и все прячется отъ солнца подъ тѣнь, словно ландышъ подъ деревцомъ. Ей только и любо было, что плескаться у студенаго ключа подъ зеленою ивушкою. Снѣгуркѣ все бы тѣнь да холодокъ, а того лучше частый дождичекъ. Въ дождикъ и сýмракъ она веселѣй становилась. А какъ одинъ разъ надвинулася сѣрая туча, да посыпала крупнымъ градомъ, Снѣгурка ему такъ обрадовалась, какъ иная не была бы рада и жемчугу. Когда же опять припекло солнце и градъ взялся водою, Снѣгурка всплакалась по немъ такъ сильно, какъ будто сама хотѣла разлиться слезами, какъ родная сестра плачется по братѣ. Вотъ ужъ пришелъ и весны конецъ, приспѣлъ и Ивановъ день. Дѣвки съ села собрались на гулянье въ рощу и зашли за Снѣгуркою. И пристали къ бабушкѣ Марьѣ: „Пусти да пусти съ нами Снѣгурку!“ Марьѣ страхъ не хотѣлось пускать ее, не хотѣлось и Снѣгуркѣ итти съ ними; да не могли отговориться. Къ тому же Марья подумала: авось разгуляется ея Снѣгурушка! И она принарядила ее, поцѣловала и сказала: „Поди же, дитя мое, повеселись съ подружками, а вы, дѣвки, смотрите — берегите мою Снѣгурушку . . .“

— „Хорошо, хорошо!“ закричали онѣ весело, подхватили Снѣгурку и пошли гурьбою въ рощу. Тамъ онѣ вили себѣ вѣнки, вязали пучки изъ цвѣтовъ и распѣвали свои заунывно-веселыя пѣсни. Снѣгурка была съ ними безотлучно. Когда закатилось солнце, дѣвки наложили костеръ изъ травы и мелкаго хворосту, зажгли его и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою; а Снѣгурку поставили позади всѣхъ. „Смотри же — сказали онѣ, — какъ мы побѣжимъ и ты также бѣги слѣдомъ за нами, не отставай!“ И вотъ всѣ, затянувши Купаловую пѣсню, поскакали черезъ огонь. Вдругъ что-то позади ихъ зашумѣло и простонало жалобно: ау! . . . Оглянулись онѣ въ испугѣ, нѣтъ никого. Смотрятъ другъ на дружку — и не видятъ между собою Снѣгурки. — „А! вѣрно, она спряталась, шалунья,“ сказали онѣ и разбѣжались искать ее, и никакъ не могли найти, кликали, аукали, — не отзывалась. „Куда это дѣвалася она?“ говорили дѣвки. „Видно, домой убѣжала,“ сказали онѣ потомъ и пошли въ село; но Снѣгурки и въ селѣ не было. Искали ее на другой день, искали на третій, исходили всю рощу — кустикъ за кустикъ, деревцо за деревцо: Снѣгурки не было и слѣдъ пропалъ. Долго Иванъ и Марья горевали и плакали о своей Снѣгуркѣ; долго еще бѣдная старушка каждый день ходила въ рощу искать ее; и все кликала она, словно кукушка горемычная:

„Ау, ау! Снѣгурушка!
Ау, ау! Голубушка!“

И не разъ ей слышалось, будто голосомъ Снѣгурки отзывалось: ау! Снѣгурки же все нѣтъ, какъ нѣтъ. Куда же дѣвалась Снѣгурка? . . . Лютый ли звѣрь умчалъ ее въ дремучій лѣсъ, али хищная птица унесла ее къ синему морю?... Нѣтъ, не лютый звѣрь умчалъ ее въ дремучій лѣсъ, и не хищная птица унесла ее къ синему морю; а когда Снѣгурка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь, — вдругъ протянулась она легкимъ паромъ, свилась она въ тонкое облако и полетѣла въ высоту поднебесную.

3. Кривда[1]) и правда.

I.

Однажды разговорились промежъ[2]) себя двое бѣдныхъ мужиковъ: одинъ изъ нихъ гораздъ[3]) былъ на обманы, перебивался всякими неправдами, и приворнуть[4]) — его было дѣло, а другой шелъ по правдѣ и всячески старался, чтобы вѣкъ свой прожить честнымъ трудомъ. Бесѣдуя другъ съ другомъ, они заспорили; первый утверждалъ, что лучше жить кривдою, а послѣдній возражалъ: „Кривдою вѣкъ не проживешь; лучше жить въ бѣдности, да правдою!“ Вотъ они спорили-спорили — уступить никому не хочется, и рѣшились выйти на большую дорогу и спрашивать встрѣчныхъ, какъ люди посудятъ. Выбрались на дорогу. шли — шли и увидали — барскій мужичекъ землю пашетъ; подошли къ нему и говорятъ: „Богъ на помощь, добрый человѣкъ! разрѣши-ка намъ споръ: какъ лучше жить на бѣломъ свѣтѣ — правдою али кривдою?“ — „Нѣтъ, братцы! правдою вѣкъ не проживешь; кривдою жить вольготнѣе[5]). Правда-то въ лаптяхъ ходитъ, а кривда въ сапогахъ! Вотъ хоть наше дѣло: безперечь у насъ господа дни отнимаютъ, работать на себя некогда; изъ-за неволи прикинешься, будто хворь[6]) напала, а самъ этимъ временемъ въ лѣсъ по дровицы съѣздишь — не днемъ, такъ ночью, коли есть запретъ.“ „Ну, слышишь,“ говоритъ криводушный правдивому: „мои-то слова вѣрнѣе!“ Пустились дальше по дорогѣ. Шли-шли, навстрѣчу имъ ѣдетъ въ кибиткѣ купецъ. Остановись на минутку; хотимъ спросить тебя, не во гнѣвъ твоей милости. Разрѣши нашъ споръ: какъ лучше на свѣтѣ жить — правдою али кривдою?“ — „Эхъ, ребята! правдою мудрено жить, лучше — кривдою: насъ обманываютъ и мы обманываемъ!“ — „Слышишь, опять вышло по-моему!“ говоритъ криводушный правдивому. Вздумали они еще попытать, что скажетъ имъ третій. Шли-шли, ѣдетъ навстрѣчу баринъ. „Остановись на минутку! разрѣши нашъ

1) Неправда, несправедливость.
2) Между.
3) Искусенъ, способенъ.
4) Украсть при случаѣ.
5) Свободнѣе, легче.
6) Болѣзнь.

споръ: какъ лучше на свѣтѣ жить — правдою али кривдою?" — „Нашли о чемъ спрашивать! знамое дѣло, кривдою. Какая нынче правда? За правду въ Сибирь угодишь, скажутъ: „кляузникъ" — „Ну, слышишь," говоритъ криводушный правдивому, „всѣ одно говорятъ, что кривдою жить лучше." — Нѣтъ, отвѣчаетъ правдивый: надо жить по-Божьему: что будетъ — то и будетъ, а кривдою жить не стану!

Послѣ того оба мужика отправились искать себѣ работы. Долгое время шли они вмѣстѣ; криводушный ко всѣмъ умѣетъ прилаживаться; его вездѣ и кормятъ, и поятъ даромъ, и калачами про запасъ надѣляютъ; а правдивый гдѣ водицы изопьетъ, а гдѣ поработаетъ изъ-за куска хлѣба — и тѣмъ доволенъ! Криводушный знай надъ нимъ посмѣивается. Вотъ какъ-то правдивый мужикъ оголодалъ дорогою и сталъ просить у своего товарища: „дай мнѣ кусочекъ хлѣбца." — А что за него дашь? — спрашиваетъ криводушный. „Возьми, что самъ знаешь!" — Давай, я тебѣ глазъ выколю. — „Ну, выколи!" Криводушный выкололъ ему глазъ и далъ за то небольшой кусочекъ хлѣба. Пошли они дальше, шли-шли, правдивый опять проголодался и сталъ просить у криводушнаго хлѣба, а тотъ говоритъ: „Давай, я тебѣ другой глазъ выколю!" — Ахъ, братецъ, пожалѣй: я слѣпой буду! — „Ну, чтожъ! за то ты правдивый, а я живу кривдою!" Что дѣлать? съ голодомъ не сладишь. — „На," говоритъ правдивый: „выколи и другой глазъ, коли грѣха не боишься." Криводушный выкололъ у него послѣднiй глазъ, далъ ему кусочекъ хлѣба и затѣмъ покинулъ слѣпого посреди дороги: „Вотъ стану я тебя водить!" Слѣпой съѣлъ хлѣбъ и пошелъ ощупью. „Авось," думаетъ, „доберусь до деревни." Шелъ-шелъ, сбился съ дороги и не знаетъ, куда ему идти.

II.

Началъ онъ Богу молиться: „Господи, не оставь меня грѣшнаго!" Молился-молился и услышалъ невѣдомый голосъ: „Ступай направо; придешь въ лѣсъ, къ гремучему ключу: умойся изъ того ключа водою, и Богъ даруетъ тебѣ зрѣнiе. Тамъ ты увидишь огромный дубъ, взлѣзь на него, и дожидайся ночи." Слѣпой повернулъ направо, добрелъ кое-какъ до лѣса, напалъ на тропинку и тою тропинкою дошелъ до гремучаго ключа; почерпнулъ ключевой воды и только омочилъ ею глазныя впадины, какъ ту же минуту прозрѣлъ. Осмотрѣвшись вокругъ, онъ увидѣлъ огромный дубъ, подъ которымъ вся трава была выбита и земля утоптана; взлѣзъ на его верхушку и сталъ дожидаться ночи. Когда наступила темная ночь, слетѣлись со всѣхъ сторонъ подъ это дерево нечистые духи и начали похваляться, гдѣ кто былъ и какое зло сдѣлалъ. Одинъ бѣсъ говоритъ: „Я былъ у прекрасной царевны. Уже десять годовъ, какъ ее мучаю: всячески меня изъ дворца прогоняютъ, да не могутъ осилить; а выгонитъ меня тотъ, кто у такого-то богатаго купца достанетъ икону Божiей Матери." Вотъ на утро, когда всѣ бѣсы разлетѣлись,

правдивый слѣзъ съ дуба и пошелъ искать богатаго купца. Долго ли — коротко ли — нашелъ его и нанимается къ нему въ работники. „Цѣлый годъ,“ говоритъ, „на тебя проработаю; ничего мнѣ не надобно, только отдай мнѣ икону Божіей Матери.“ Купецъ согласился; правдивый мужичокъ работалъ на него изо всѣхъ силъ, ни днемъ, ни ночью не зналъ покоя: такой былъ старательный: а когда годъ окончился, сталъ просить разсчета. „Ну, братецъ,“ говоритъ купецъ, „я твоей работой доволенъ, только мнѣ жаль отдавать образъ; возьми лучше деньгами.“ — Нѣтъ, мнѣ денегъ твоихъ не надобно, а давай, что слѣдуетъ по уговору. — „Какъ бы не такъ! проработай на меня другой годъ, тогда и отдамъ тебѣ образъ.“ Нечего дѣлать, остался мужикъ у купца и работалъ на него еще круглый годъ. Пришло время къ разсчету, купцу опять жалко отдавать образъ. „Я,“ говоритъ, „лучше тебя казною награжу; а коли непремѣнно хочешь получить образъ, оставайся у меня въ работникахъ еще на одинъ годъ.“ Съ богатымъ да съ сильнымъ трудно спорить; пришлось мужику поневолѣ согласиться; остался онъ у купца въ работникахъ еще на годъ и работалъ на него пуще прежняго. Вотъ по исходѣ третьяго года купецъ снялъ со стѣны образъ и отдалъ мужику: „На, добрый человѣкъ, возьми за свой трудъ и ступай съ Богомъ!“

Мужикъ взялъ образъ Божіей Матери, распрощался съ купцомъ и отправился въ то самое царство, гдѣ нечистый духъ мучилъ прекрасную царевну. Шелъ-шелъ и пришелъ въ столичный городъ; пришелъ и говоритъ: „Я-де вашу царевну излѣчить могу.“ Сейчасъ подхватили его подъ руки, привели въ царскія палаты и показали ему скорбящую царевну. Онъ спросилъ полную чашу воды, трижды погрузилъ въ нее образъ Божіей Матери, подалъ эту воду царевнѣ и велѣлъ ей умыться. И вотъ, только что стала царевна умываться, вдругъ изъ нея вылетѣла нечистая сила клубомъ; недугъ миновался и красная дѣвица сдѣлалась весела, здрава и невредима. Царь и царица обрадовались и не знали, чѣмъ наградить лѣкаря: и чины ему давали, и вотчину сулили, и жалованіе большое клали. „Нѣтъ, говоритъ, мнѣ ничего не надо!“ Вотъ царевна и молвила: „я за него замужъ иду!“ — Ладно! отвѣчалъ царь, приказалъ обвѣнчать ихъ и задалъ знатный пиръ на весь міръ. Съ этого самаго дня началъ правдивый мужичокъ жить въ царскихъ хоромахъ, ходить въ царскихъ одеждахъ, пить и ѣсть за царскимъ столомъ. Прошло столько-то времени, просится зять у царя съ царицею: „Пустите меня на родину; у меня есть мать старушка.“ А царевна говоритъ: „Поѣдемъ вмѣстѣ!“ Вотъ и поѣхали они вдвоемъ; лошади, коляска, сбруя — все царское. Ѣхали-ѣхали, и попадается имъ на встрѣчу криводушный — тотъ самый, что нѣкогда спорилъ, будто на свѣтѣ надо жить кривдою. Увидалъ его царскій зять и говоритъ: „Здравствуй, братъ. Ну, что? али не узналъ меня? А помнишь, ты со мной спорилъ, что кривдою лучше жить, чѣмъ правдою, да еще мнѣ глаза выкололъ? Криво-

душный оробѣлъ и не знаетъ, что ему дѣлать. „Да ты не бойся! я на тебя не сержусь," молвилъ правдивый и тотчасъ же разсказалъ все, что съ нимъ случилось: какъ онъ прозрѣлъ, какъ работалъ у богатаго купца и какъ женился на прекрасной царевнѣ. Криводушный выслушалъ и задумалъ идти въ лѣсъ къ гремучему ключу. „Авось, думаетъ, и я свое счастіе услышу!" Пошелъ въ лѣсъ, отыскалъ гремучій ключъ, взобрался на высокій дубъ и сталъ дожидаться ночи. Въ самую полночь слетѣлись подъ дубъ нечистые духи. Увидали криводушнаго, стащили съ дерева и растерзали на мелкія части.

4. Изъ были́ны[1]) объ Ильѣ Муромцѣ.

I.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью, про Муромца?
Въ славномъ городѣ, во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Жилъ-былъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ,
У него было дѣтище любимое,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.
Си́днемъ онъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Си́днемъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка,
Иванъ Тимоѳеевичъ, и со матушкой
На работу на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ кали́ки[2]) перехожія
Подъ тое[3]) окошечко косящато;
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ! —
Отворяй каликамъ ворота широкія,
Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ,
Подавай-ка каликамъ напитися!"
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожія!
Радъ бы пустить къ себѣ въ домъ, въ ворота широкія,
Подалъ бы каликамъ напитися,
Да вотъ сиднемъ сижу ровно тридцать лѣтъ,
Не владаю ни руками, ни ногами. —
Опять говорятъ калики перехожія:
„Вставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,
Пускай-ка каликъ къ себѣ въ домъ."
Послушался Илья, силу пробовалъ,
И вставалъ онъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писанному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарку питьеца медвянаго,
Подносятъ то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ то чару питьеца медвянаго,
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Возговорятъ калики таковы слова:
„Что чувствуешь въ себѣ, Илья Муромецъ?"
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
— Слышу въ себѣ силушку великую. —

[1]) Былинами называются народныя произведенія о быломъ, пережитомъ народомъ.
[2]) Калики — перехожіе нищіе, странники. [3]) Тое — вмѣсто то.

Говорятъ калики перехожія:
„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смерть тебѣ на бою не написана.“
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья къ родителю, ко батюшкѣ,
На тую на работу, на крестьянскую.
Очистить надо палъ[1]) отъ дубья-колодья:
Онъ дубы-колоды всѣ повырубилъ,
Въ глубоку рѣку всѣ повыгрузилъ,
А самъ и шелъ домой.
Встали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
На работу пошли — испужалися:
„Что это за чудо подѣялось?
Кто бы намъ это сработалъ работушку?“
И пошли они домой, да дивуются.
Какъ пришли домой, видятъ:
Ходитъ по избѣ Илья Муромецъ, —
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Разсказалъ имъ Илья, родителямъ,
Какъ приходили калики перехожія,
Поили его питьецемъ медвянымъ,
И съ того онъ сталъ владать руками и ногами
И силушку получилъ великую.

II.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ предъ батюшкой,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
„Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньице, —
Я поѣду въ славный столичный Кіевъ-градъ
Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Володимира,
Послужить ему вѣрою-правдою,
Постоять за вѣру христіанскую.“
Отвѣчалъ старый крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина.
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Осѣдлалъ, зануздалъ добра коня,
Говорилъ самъ таковы слова:
„Ай ты, добрый мой, богатырскій конь,
Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою.“
Обкольчужился Илья, облатился[2]),
Бралъ съ собою мечъ-кладенецъ,
Бралъ съ собою тугой лукъ,
Бралъ еще глубокъ колчанъ, калены стрѣлы,
Бралъ копье долгомѣрное,
Бралъ и палицу булатную.
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ.
Ко столъному ко граду Кіеву.
И кладетъ Илья заповѣдь великую:
Что проѣхать до Кіева дорогой прямоѣзжею,
А рукъ дорогой не кровавити,
Не вымáть изъ нáлушна[3]) тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать каленý стрѣлу.
Прощался Илья съ отцомъ, съ матерью,
И садился Илья на добра коня,
А и только его Илью и видѣли.
А и выѣхалъ Илья со двора своего

[1]) Обгорѣлый лѣсъ. [2]) Надѣлъ кольчугу и латы. [3]) Чехла.

Въ тѣ ворота широкія:
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,
А и конь подъ Ильей разсержается:
Онъ первый скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другого ускока не могли найти.
А съ третьимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Ѣхалъ мимо города Чернигова.
Подъ Черниговомъ вражьей силушки чернымъ-черно,
Чернымъ-черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силу басурманскую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени.
И подъѣхалъ онъ къ городу ко Чернигову. —
Приходятъ мужики къ нему черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
„Ай же вы, мужики черниговцы!
Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
А скажите-ка мнѣ дорожку прямоѣзжую,
Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ градъ.“
Говорили ему мужики черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородный добрый молодецъ.
Славный богатырь святорусскій!
Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
Окольною дорожкою цѣла тысяча.
Прямоѣзжая дороженька заколодила,
Заколодила дорожка, замуравила,
Залегла дорожка ровно тридцать лѣтъ,
Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскаетъ,
Черный воронъ не пролетываетъ:
Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному.
И залегъ ту дорогу Соловей-разбойникъ:
Сидитъ онъ, Соловей, на девяти дубахъ,
Захватываетъ воръ-собака на девяти верстахъ;
Свищетъ Соловей онъ по-соловьиному,
Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному, —
Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
Что есть людишекъ – всѣ мертвы лежатъ.–
Стоитъ Илья, пораздумался:
„Прямоѣзжая дорога переломана,
Калиновы мосточки переворочены.
Не честь мнѣ хвала молодецкая
Ѣхать той дорожкою окольноей,
А лучше поѣду дороженькой прямоѣзжею.“

III.

Спущалъ Илья коня богатырскаго,
Поѣхалъ по дороженькѣ прямоѣзжей,
Бралъ онъ въ руку плеточку шолковеньку,
Билъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую.
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы нá гору перескакивать,
Съ холмы нá холму перемахивать,
Мелки рѣченьки,
Озерки межъ ногъ спущать
Подъѣзжаетъ онъ къ рѣчкѣ, ко Смородинкѣ,
Наѣзжалъ Илья на девять дубовъ,
Наѣхалъ онъ на Соловья-разбойника.
И заслышалъ Соловей-разбойникъ
Того ли топу конинаго

И тоя ли поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по-змѣиному,
А втретьи зрявкнетъ по-звѣриному.
Разрушаетъ Илья запопѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника,
И попалъ Соловью да въ правый глазъ.
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой землѣ.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья къ той ко лукѣ ко сѣдельной.
И стегаетъ Илья добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ;
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летитъ.
Пріѣзжаетъ Илья во Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго,
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу;
Проходилъ онъ во гридню [1]) во свѣтлую
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владимира,
У него, князя, почестный пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ Илья единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковый Владимиръ князь:
„Ты скажись, молодецъ, какъ тебя зовутъ,
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати.“
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А ты ласковый, стольный Владимиръ князь!
А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
Изъ стольнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корачарова. —
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владимиръ князь,
Въ очахъ дѣтина завирается:
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья-разбойника.“
Говоритъ Илья Муромецъ:
— Гой еси ты, сударь, Владимиръ князь,
Посмотри мою удачу богатырскую:
Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ къ тебѣ. —
И втапоры Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ.
Выходилъ Илья на широкій дворъ.
Къ тому Соловью-разбойнику.
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
— Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи, змѣй, по-змѣиному,
Зрявкай, звѣрь, по-туриному.
И потѣшь князя Владимира. —
Засвисталъ Соловей по-соловьиному:
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по-змѣиному;
Онъ втретье зрявкаетъ по-туриному;
А князи и бояре испужалися,
Гостинны кони со двора разбѣжалися,

[1]) Комната, гдѣ пируютъ князья, бояре и богатыри.

И Владимиръ князь едва живъ стоитъ
Со душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владимиръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья-разбойника:
А и эта шутка намъ не надобна.“
Сталъ Илья унимать Соловья по своїскому:
Онъ схватилъ его за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю матушку.
Онъ въ подбросъ его кидалъ
Выше башни наугольныя,
Онъ остатки его хлопнулъ о сѣрый камень;
Соловью отъ себя скоро смерть пришла.

5. Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1 декабря 1766 г. въ Симбирской губерніи въ помѣщичьей семьѣ. Рано онъ лишился матери, и воспитывался подъ руководствомъ мачехи. Чтенію и письму онъ научился у сельскаго дьячка очень рано и сталъ зачитываться книгами, которыя остались послѣ его покойной матери. Подъ вліяніемъ богатой волжской природы пробудилась въ немъ горячая любовь къ родинѣ, а книги вызвали въ немъ мечтательность: самой любимой мечтой мальчика было стать самому полезнымъ отечеству. Четырнадцати лѣтъ отвезли его въ Москву, въ пансіонъ, гдѣ главнымъ образомъ обращали вниманіе на изученіе языковъ, такъ что по выходѣ оттуда, 16 лѣтъ, Карамзинъ былъ знакомъ съ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ языками. Онъ поступилъ въ Петербургѣ въ Преображенскій полкъ; на досугѣ онъ занимался переводами, изъ которыхъ нѣкоторые напечаталъ. Вскорѣ умеръ его отецъ, онъ вернулся къ себѣ на родину, но другъ его отца, замѣтившій его способности, не далъ вести разсѣянный образъ жизни, а увезъ его съ собою въ Москву. Въ то время тамъ было много молодыхъ людей, которые вмѣстѣ читали, работали, писали и переводили хорошія сочиненія иностранныхъ писателей; вотъ въ такомъ обществѣ прожилъ Карамзинъ 4 года. Въ 1789 году Карамзинъ поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ полтора года; онъ побывалъ въ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Англіи. Вернувшись домой, Карамзинъ рѣшилъ заняться исключительно литературой и тѣмъ послужить Россіи. Всѣ бывшіе до него писатели были чиновниками, а литературой занимались только на досугѣ, между тѣмъ какъ Карамзинъ до самой своей смерти трудился только на литературномъ поприщѣ. Тогдашняя образованная публика читала только французскія книги, потому что по-русски никто не писалъ повѣстей, а писали

только стихи, да и эти были написаны тяжелымъ языкомъ, смѣшаннымъ съ церковнославянскимъ. Появившіяся вскорѣ по возвращеніи Карамзина изъ за-границы сочиненія его „Бѣдная Лиза" и „Письмо русскаго путешественника" были написаны такимъ простымъ и легкимъ языкомъ, что всѣ читали ихъ съ удовольствіемъ. Слѣдующія 12 лѣтъ Карамзинъ издавалъ сборники, гдѣ помѣщалъ свои и чужія сочиненія и переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній, пока въ 1803 году не принялся за свое лучшее произведеніе „Исторію государства россійскаго." Самъ государь Александръ Павловичъ даровалъ ему 200 р. въ годъ для того, чтобы онъ могъ спокойно заниматься своимъ трудомъ. Напечатана была рукопись также на счетъ государя, очень полюбившаго Карамзина. Въ 1816 г. Карамзинъ переселился въ Петербургъ, гдѣ тихо и безпечно жилъ въ кругу своей семьи, пока въ 1826 году не скончался, надорвавъ трудами свое здоровье. Онъ похороненъ въ Алекандро-Невской Лаврѣ; въ 1845 году поставленъ ему въ Симбирскѣ памятникъ.

6. Рейнскій водопадъ.

Представьте себѣ большую рѣку, которая, переодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростью и, наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и, не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую кипящую пѣну. Тончайшія брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростью летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ; ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ, дѣйствительно, величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ; она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ. Я наслаждался . . . Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ, но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, величественное зрѣлище. Послѣ сильныхъ ощущеній мнѣ нужно были отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти футовъ. Въ срединѣ паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ несмотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злого рока, а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На

противоположномъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

7. Подвигъ Александра Невскаго.

Король шведскій, досадуя на россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего Биргера на ладьяхъ въ Неву, къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ, финновъ. Сей вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надменно сказать Александру: „Ратоборствуй со мною, если смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей.“ Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости посламъ шведскимъ, но поспѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе архіепископа Спиридона и, вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицомъ сказалъ: „Насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ!“ Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего: самые новгородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена. Александръ выступилъ въ поле, и 15 іюля приблизился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный ижерянинъ Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля.

Здѣсь современный лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные новгородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ; Пелгуй содрогнулся — и видитъ на морѣ легкую ладью, гребцовъ, одѣянныхъ мглою, и двухъ лучезарныхъ витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: „Поможемъ родственнику нашему Александру!“ По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ и, какъ молнія, устремился на шведовъ.

Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ возложилъ печать на лицо Биргера. Витязь россійскій Гавріилъ Олексичъ гналъ принца, его сына, до самой ладіи, упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ воеводою шведскимъ. Новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ съ однимъ топоромъ вломился въ середину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки ихъ, или суда. Княжескій ловчій Яковъ полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ и

заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратмиръ, вѣрный слуга князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ: отрокъ Александровъ Савва подсѣкъ его столбъ; шатеръ упалъ, и россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму и спѣшили удалиться Главный воевода ихъ Спиридонъ и епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе Невскаго. Обстоятельства ея тѣмъ для насъ любопытнѣе, что лѣтописецъ, служа сему князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ.

8. Куликовская битва.

I.

6-го Сентября войско наше приблизилось къ Дону, князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать монголовъ, или итти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій — шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благославлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла.

Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ, Димитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ: „Часъ суда Божія наступаетъ!“ 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся. Войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ; слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже, даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ черезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя

воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

II.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ за другомъ и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя,“ говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.“ Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ; стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.“ Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ „Богъ намъ прибѣжище и сила,“ первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ середину полковъ, когда битва сдѣлалась общею. На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ, знаменамъ и едва не овладѣлъ ими; вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „Теперь наше время!“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска, свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоцѣнностями.

III.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, совершивъ побѣду, сталъ на „костяхъ“ или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы; со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ! „Гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?“ — Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живого или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій провожаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухсотъ тысячъ. Князья Бѣлоозерскіе Ѳедоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳедоръ и Мстиславъ, Дорогобужскіе Димитрій, Монастыревъ, первостепенные бояре: Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысячскаго Николай Васильевичъ, внукъ Акиновъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустилъ духъ; кости его и другого Сергіева священновитязя, Ослябы, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою: окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

9. Покореніе Казани.

I.

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Казанскіе вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры. Но народъ, въ пылу геройства, не чувствовалъ своей слабости; и какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то онъ исчислялъ безуспѣшные приступы наши къ его столицѣ и говорилъ: не въ первый разъ увидимъ москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ во свояси, и будемъ смѣяться надъ ними! Таково было расположеніе царя и народа въ Казани.

19-го августа государь съ 150,000 воиновъ былъ уже на луговой сторонѣ Волги. Строго запрещено было чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23-го августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Всѣ наблюдали устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали, ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ.

Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ, самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ.

Россіяне обступили Казань. 7,000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана. Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота, и 15,000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили и сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью: побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ

Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью.

Весь городъ былъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами[1]), а въ грязныхъ — тыномъ; не было пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изъ ста пятидесяти тяжелыхъ орудій. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удалиться отъ стана: князь Япанча, опасный татарскій наѣздникъ, стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу, положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи.

II.

Александръ имѣлъ 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ: однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью орошенныхъ потомъ и кровью, хвалилъ ихъ умъ, доблесть, съ живѣйшимъ восторгомъ изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ.

Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умоляли казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: „Іоаннъ обѣщалъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему.“ Казанцы тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ на своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ и кричали: „лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!“ Сіе остервенѣніе удивило россіянъ и государя. Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, Іоаннъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу, то-есть инженеру, дѣлать подкопъ. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа, близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши

[1]) Туръ — плетеная корзина безъ дна, набиваемая землею, употребляется для прикрытія людей отъ выстрѣловъ.

хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его. Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые рылись въ землѣ десять дней, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, подкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать государю.

5-го сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ и трескомъ, разорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались-было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возновлять усилій для приступа.

6-го сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были бояре Данила Романовичъ и Захарія Яковлевъ. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и вслѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 20 плѣнниковъ.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей; плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса, но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще немало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ — куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ черезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною припасовъ, такъ что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову и 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Луговые черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ. Полкъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ россійскій, производили вѣтеръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали, и люди мокли съ утра до

вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ привести изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана, и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

III.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть саженъ; ночью подвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами, подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолка стрѣляли изъ ружей, пищалей затинныхъ, и мы теряли ежедневно немало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, со своимъ царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми: что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Ни россіяне, ни казанцы не думали объ успокоеніи. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что инженеры кончили дѣло, что 48 бочекъ зелія уже въ построенномъ вполнѣ подкопѣ. Казанцы стояли уже на стѣнахъ, россіяне — передъ ними. Звучали только бубны и трубы — непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ слова: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь," — грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась.... Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ; священное служеніе прервалось въ церкви.

Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: „съ нами Богъ!" — полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости; а казанцы, твердые, непоклебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: „Алла, Алла!", призывали Магомета и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ...., но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло бы быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось: многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха.

Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ . . . И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ свою литургію, причастясь святыхъ тайнъ, взялъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости: Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

IV.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные татары, сломленные, низверженные сверху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ на улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ христіанами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили татаръ. Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки; и самые чиновники, коимъ приказалъ государь итти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ, какъ бы мертвые или раненые; и изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести, ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: „сѣкутъ! сѣкутъ!“ Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе. „Съ нимъ были,“ пишетъ Курбскій, „великіе синклиты[1]), мужи вѣка отцовъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ.“ Государь взялъ святую хоругвь и сталъ передъ царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, какъ буря, грянуло на татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступили до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные и первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили россіянъ не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервенѣніи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами.

Едигеръ съ остальными казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворцѣ царскомъ и сражался около часу. Россіяне отбили ворота . . . Тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья еще бились усильно; на-

[1]) Синклитъ — собраніе высшихъ чиновъ государства.

конецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота къ нижней части города. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своимъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода, князь Димитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. „Слушайте," сказали казанцы: „доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и царя, живого, неуязвленнаго; ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу."

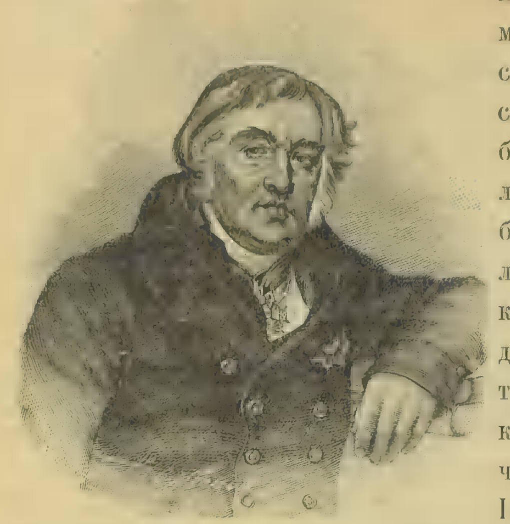
Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго престарѣлаго вельможу, или карача, именемъ Заніеша, и двухъ мамичей, или совоспитанниковъ царскихъ, и начали снова стрѣлять. Татаръ было еще до 5,000, и самыхъ храбрѣйшихъ; они стояли, ибо не страшились смерти; спѣшили къ густому темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервенѣніемъ еще опасный для россіянъ! Государь послалъ князя Симеона Микулинскаго, Михаила Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ татаръ отъ лѣса: воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча перестала, но кровь лилась; раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе, на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей.

10. Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ, сынъ бѣднаго армейскаго офицера, родился въ 1768 году въ Москвѣ. Отецъ его вскорѣ послѣ рожденія сына былъ переведенъ въ Оренбургъ; впослѣдствіи ему пришлось защищать Яицкую крѣпость отъ Пугачева. Послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта, отецъ Крылова вышелъ въ отставку, поселился въ Твери и поступилъ на гражданскую службу. Когда мальчикъ немного подросъ, онъ самъ обучилъ его грамотѣ, но вскорѣ умеръ, оставивъ вдову и одиннадцатилѣтняго сына безо всякихъ средствъ къ существованію. Сыну осталось послѣ него единственное наслѣдство — сундукъ, полный книгъ, къ чтенію которыхъ онъ пристрастился. Особенно нравились ему театральныя произведенія, и онъ сталъ самъ сочинять драмы. Въ одномъ богатомъ домѣ онъ изъ милости учился французскому языку, и этимъ да отцовскими книгами ограничивалось все его воспитаніе. Между тѣмъ мать его принуждена была опредѣлить его на службу и выхлопотала ему мѣсто писца. Свободное отъ службы время онъ проводилъ на улицѣ, любилъ ходить туда, гдѣ собирается простой народъ, прислушивался къ народному языку и познакомился со всѣми

тѣми пословицами и поговорками, которыми столь богаты его басни. Когда ему было 15 лѣтъ, мать рѣшилась поѣхать съ нимъ въ Петербургъ въ надеждѣ выхлопотать пенсію и сыну лучшее доставить мѣсто. Снова поступилъ Крыловъ

писцомъ. Послѣ пяти лѣтъ жизни въ столицѣ, мать его скончалась. Послѣ ея смерти онъ служилъ не долго, всего два года и, оставивъ службу, посвятилъ себя литературѣ. Ему было уже 37 лѣтъ, когда, ободренный похвалами, которыя пришлись на долю двухъ его басенъ, онъ рѣшилъ посвятить себя этому роду литературы. Въ 1809 году вышла въ свѣтъ книжка съ 23 баснями Крылова. Эти басни доставили ему сразу громадную славу. Съ тѣхъ поръ онъ сочиняетъ басни вплоть до конца своей жизни. Въ 1812 году онъ получилъ мѣсто библіотекаря въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которое онъ занималъ 32 года. Нѣкоторыя его басни, относящіяся къ войнѣ двѣнадцатаго года, обратили на него вниманіе императора Александра I; ему назначается особая пенсія. Съ тѣхъ поръ жизнь его течетъ въ славѣ и довольствѣ. Всѣхъ басенъ имъ написано 200; онъ часто беретъ ихъ содержаніе изъ простой народной среды, которой до него не изображалъ ни одинъ писатель, и пишетъ простымъ народнымъ, и малому, и взрослому понятнымъ языкомъ. Онъ скончался 76 лѣтъ въ 1844 году и похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ. Въ 1856 году ему поставленъ въ Петербургѣ прекрасный памятникъ.

11. Слонъ на воеводствѣ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.
На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода.
Нашъ воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ,
„Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.“
— „О, плуты!“ слонъ кричитъ: „какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?“
А волки говорятъ: „Помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкурѣ снять.

Да и того имъ жаль отдать."
— „Ну то-то жъ," говоритъ имъ слонъ, „смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкурѣ, такъ и быть, возьмите,
А больше ихъ не троньте волоскомъ."

12. Ларчикъ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.
Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: „ларецъ съ секретомъ;
Такъ онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою."
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ,
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
„Не тутъ, не такъ, не тамъ!" Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И, какъ открыть его, никакъ не догадался:
А ларчикъ просто открывался.

13. Оселъ и соловей.

Оселъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище.
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье:
Велико-ль подлинно твое умѣнье?"
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:[1])
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно," говоритъ: „сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно,

[1]) Утреннюю зарю древніе римляне представляли себѣ въ видѣ прекрасной богини, которую и называли Авророю.

А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился."

Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

14. Вельможа.

Какой-то въ древности вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
(Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.[1])
Сказать простѣе — умеръ онъ,
И, такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: „Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?"
— „Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ."
— „Что жъ дѣлалъ ты?" — „Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ."
— „Скорѣй же въ рай его!" — „Какъ! гдѣ же справедливость?"
Меркурій[2]) тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— „Эхъ, братецъ!" — отвѣчалъ Эакъ:[3])
Не знаешь дѣла ты никакъ,
Не видишь развѣ ты? покойникъ былъ дуракъ!
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край! . . .
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался."

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

15. Волкъ и кукушка.

„Прощай, сосѣдка!" волкъ кукушкѣ говорилъ:
„Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!

Все тѣ жъ у васъ и люди, и собаки:
Одинъ другого злѣй; и хоть ты ангелъ будь,

---

[1]) Древніе римляне думали, что существуетъ особый владыко подземнаго царства, ада, и называли его Плутономъ.
[2]) Богъ торговли у древнихъ римлянъ.
[3]) Судья въ подземномъ царствѣ.

Такъ не минуешь съ ними драки."
— „А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?"
— „О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи[1]) счастливой.
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки?
Ну, словомъ царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ
И не засни спокойно на ночлегѣ."
— „Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!"
Кукушка говоритъ: „а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?"
— „Ужъ кинуть, вздоръ какой!"
— „Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы."

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

16. Двѣ собаки.

Дворовый вѣрный песъ, Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ и скачетъ.
„Ну что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь: на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?"
— „На счастье грѣхъ роптать," Жужутка отвѣчаетъ:
„Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?" — „Я," отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
„Живу попрежнему: терплю и холодъ, и голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю, и мокну подъ дождемъ;

---

[1]) Область въ южной Греціи; жителей ея считали очень счастливыми людьми.

А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ[1]), —
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?" — „Чѣмъ служишь! вотъ прекрасно!"
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
„На заднихъ лапкахъ я хожу."

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

17. Дубъ и трость.

Съ тростинкой дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
„Поистинѣ, роптать ты вправѣ на природу,"
Сказалъ онъ: „воробей, и тотъ, тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣиваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою и твердъ, и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей, мнѣ все кажется зефиромъ[2]).
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнью вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Берега бурливаго Эолова владѣнья[3]):
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья."
— „Ты очень жалостливъ," сказала трость въ отвѣтъ:
„Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но — подождемъ конца!"
Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ, и съ дождемъ, шумящій Аквилонъ[4]).
Дубъ держится, — къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтеръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и — вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто къ небесамъ главой своей касался,
И въ области тѣней пятою упирался.

18. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,

---

[1]) Попалъ въ милость. [2]) Зефиръ — легкій западный вѣтеръ. [3]) Берега морей. Эолъ — древне-греческій богъ — владыка морскихъ вѣтровъ. [4]) Бурный сѣверный или сѣверо-восточный вѣтеръ.

Покралъ безсовѣстно, что могъ:
(И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!)
Ну такъ, что нашъ мужикъ-бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою,
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя ли,“ говоритъ, „помочь бѣдѣ моей?“
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпичъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.“
Сватъ Климычъ говоритъ: „впередь, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.“
— „Эхъ, братцы, это все не такъ,“
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.“
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

19. Булыжникъ и алмазъ.

Потерянный алмазъ валялся на пути;
Случилось, наконецъ, купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ,
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, булыжникъ разво-
зился,
Блестящею судьбой алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
„Пожалуйста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подъ дождемъ и въ сля-
коти я ною?
А нашъ алмазъ въ чести, какъ-то ворятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;
Такой же камень онъ и мнѣ набитый братъ.
Возьми жъ меня. Какъ знать? Коль я тамъ покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло при-
гожуся.“
Взялъ камень мужичекъ на свой тяжелый возъ,
И въ городъ онъ его привезъ.
Свалился камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

20. Роща и огонь

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ —
Она тебя лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою огонекъ подъ рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ-отъ-часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
— „Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока́,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?"
— „Затѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,"
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
— „Бездѣлица!" огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю, —
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!"
Вотъ, дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ; огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

21. Собачья дружба.

У кухни, подъ окномъ,
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись, —
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ, —
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
— „Что можетъ," говорилъ Полканъ, „пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу,
Не спить безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,

Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ такая дружба завелась!
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло."
— „А что же? Это дѣло!"
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
„Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что бывши одного двора, съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
При томъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно."
— „Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,"
Вскричалъ Полканъ, „дай лапу!" — „Вотъ она!"
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
„Орестъ[1]) мой!" — „Мой Пиладъ; Прочь свары[2]), зависть, злость!"
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся;
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ;
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки:
Послушать,— кажется, одна у нихъ душа,
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

22. Муравей.

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена:
Онъ даже (говоритъ историкъ[3]) вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука[4]).
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ[5]) мѣрилъ
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться.
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво всползъ,

[1]) Орестъ — сынъ греческаго царя Агамемнона; имѣлъ вѣрнаго друга и неразлучнаго спутника — Пилада. [2]) Свара — ссора. [3]) Тотъ, кто о немъ разсказалъ. [4]) Одинъ боролся съ паукомъ. [5]) Гордостью, высокомѣріемъ.

И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ! какой для гордости ударъ;
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ.
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой муравей то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ муравья.
Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
„Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ!
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ."
И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ — дивитъ
Свой только муравейникъ.

23. Откупщикъ и сапожникъ

Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
На всякій день давалъ пиры, банкеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, — чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край,
И, словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда,
Иль, просто, трусить разориться,
Да только все ему некрѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать — такъ власти нѣтъ;
Просить — такъ просьба не беретъ.
Придумалъ, наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
„Пріятель дорогой, здорово!"
— „Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово."
— „Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?"
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ.)
— „Дѣлишки, баринъ? да не худо!"
— „Такъ отъ того-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?"
— „На Бога грѣхъ роптать, и что жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:

А съ доброю женою, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй.“
— „И деньги есть?“ — „Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ,
Зато нѣтъ лишнихъ и затѣй.“
— „Итакъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?“
— „Я этого не говорю,
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало.“
— „Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ:
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ:
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!“ Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ — летомъ.
Примчалъ гостинецъ подъ полой,
И той же ночи въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ—и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);
Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ схватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику.
И говоритъ: „спасибо на пріятствѣ!
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ ни милліонъ.“

24. Василій Андреевичъ Жуковскій.

Василій Андреевичъ Жуковскій, сынъ богатаго помѣщика, родился 29 января 1783 года въ селѣ Мишенскомъ, близъ города Бѣлева, Тульской губерніи. Восьми лѣтъ онъ остался круглымъ сиротой и былъ взятъ на воспитаніе своей сестрой, въ домѣ которой онъ и росъ среди ея дочерей, своихъ сверстницъ. Сестра его была богатая женщина, прекрасно образованная, любившая литературу и музыку; въ домѣ ея постоянно собирались люди, раздѣлявшіе ея вкусы и интересовавшіеся всѣмъ новымъ, что появлялось въ литературѣ. Такая обстановка рано пробудила въ мальчикѣ любовь къ изящному, и дѣтство его, среди нѣжнихъ заботъ окружающихъ его женщинъ, было самое счастливое. 14 лѣтъ онъ поступилъ въ „Московскій благородный пансіонъ“, гдѣ воспитывались

только дѣти дворянъ. Онъ прекрасно учился и въ совершенствѣ овладѣлъ иностранными языками. Уже въ пансіонѣ началъ онъ писать стихи, которые и были напечатаны въ нѣкоторыхъ журналахъ. По окончаніи пансіона, 18 лѣтъ, онъ поступилъ было на государственную службу, но скоро вышелъ въ отставку, вернулся къ себѣ въ деревню и взялся снова за перо. Въ 1802 году онъ напечаталъ свой переводъ „Сельскаго кладбища“ англійскаго поэта Грея. Это стихотвореніе сразу доставила громкую извѣстность Жуковскому: подобно тому, какъ „Бѣдная Лиза“ Карамзина была первой русской повѣстью, стихотвореніе Жуковскаго было первымъ русскимъ поэтическимъ произведеніемъ, въ которомъ звучными, но простыми стихами излагалось содержаніе, взятое изъ обыкновенной жизни, тогда

какъ поэты, предшественники Жуковскаго, писали только о высокихъ предметахъ. Наступившая Отечественная война побудила Жуковскаго поступить въ ополченіе и въ лагерѣ подъ Тарутинымъ онъ написалъ свое патріотическое произведеніе „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ,“ за которое онъ былъ представленъ ко двору и обласканъ императрицей. Въ 1817 году онъ былъ избранъ преподавателемъ русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а затѣмъ дѣлается воспитателемъ наслѣдника престола, будущаго Царя-Освободителя, Александра II. Во все время своей педагогической придворной дѣятельности, продолжавшейся 25 лѣтъ, Жуковскій не переставалъ трудиться и на литературномъ поприщѣ. Не создавъ почти ничего оригинальнаго, онъ обогатилъ нашу литературу переводами лучшихъ произведеній нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Жуковскій, какъ человѣкъ, отличался рѣдкой добротой, и его высокое положеніе, слава, богатство не перемѣнили его душевныхъ качествъ; свою близость къ двору онъ употреблялъ только для того, чтобы испрашивать Высочайшія милости для нуждающихся въ нихъ. По окончаніи воспитанія Александра II, въ 1841 году, Жуковскій переѣхалъ на житье за границу, гдѣ имъ и созданы его лучшія произведенія: переводы греческой поэмы „Одиссея“ и персидской „Рустемъ и Зорабъ.“ Тамъ онъ женился, тамъ и окончилъ свою жизнь въ 1852 году. Тѣло его перевезено въ Россію и предано землѣ въ Александро-Невской Лаврѣ; рядомъ съ нимъ лежитъ другъ его Карамзинъ

25. Родина.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,

Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,

Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить? . . .
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

26. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
„Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя.“

27. Сиротка.

Едва она узрѣла[1]) свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье — спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой,
Ее грядущее[2]) страшило . . .
Но Провидѣніе[3]) хранило
Младенца тайною рукой.
Среди неистовыхъ[4]) враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита,
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье . . .
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.
И, породнившися судьбой[5]),
Сиротка и старикъ убогій
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой.
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель.
Имъ былъ Всевышній предводитель,
Ихъ милость въ пристани ждала.
Играй, дитя, гроза прошла,
Ужасный громъ ударилъ мимо,
Тебя мать добрая нашла
На мѣсто матери родимой;
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта . . .
Молись-же, чтобъ Творецъ защита
Былъ той, кто здѣсь хранитель твой.

28. Лѣтній вечеръ.

Знать[6]), солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ
И, алымъ, тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ[7]) усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ — лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,

1) Увидѣла. 2) Будущее. 3) Богъ. 4) Свирѣпыхъ. 5) Сдружившись благодаря случаю. 6) Видно, должно быть. 7) Лицо.

И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ[1]) приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти межъ вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ, въ холодокъ:
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: „Добрый сонъ!"

29. Лѣсной царь.

(Изъ Гёте)

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
„Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?"
— Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой!
„О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой."
— „Дитя, оглянися! младенецъ ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои."
— Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— „О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы."
— „Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей;
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая тебя усыплять."
—Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ — вижу — киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
— „О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы[2]) сѣдыя стоятъ въ сторонѣ."
— „Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой!"
— Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно,
Мнѣ тяжко дышать! —

[1]) Пичужка — птичка, пташка. [2]) Ивы, вербы. Имѣюъ листья сѣроватаго цвѣта.

Ѣздокъ оробѣлый[1]) не скачетъ — летитъ:
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ:
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

30. Выборъ креста.

Усталый шелъ крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины;
Съ вершины той широкая открылася
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца:
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣна, и прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ
Былъ духъ его изъ бренныя[2]) тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явились
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: „Отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души,
Я исповѣдаю передъ Тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ: облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ — и моя душа
Погибнетъ." Такъ въ безсмысліи онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
„Передъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми." И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было нелегко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ, рѣзалъ
Краями острыми онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, зато
И не въ подъемъ, какъ золото. И словомъ.
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья, крестъ;
Былъ не легокъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но зато какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко,
И онъ воскликнулъ: „Господи! позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ." И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

[1]) Испугавшійся. [2]) Бренный — непрочный, легко разрушаемый, тлѣнный.

31. Боже, Царя храни!

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,
Все ниспошли!
Перводержавную,
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное,
Все жъ недостойное,
Прочь отжени!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ-мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ —
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную,
Ты помяни!
О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьѣ смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

32. Овсяный кисель.

I.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву!
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ, и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ[1]).
Вотъ Господь Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ родного зерна, и растетъ и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ и находитъ.

[1]) Заскородилъ — заборонoвалъ.

Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ... „Какъ бы провѣдать,
Что тамъ на бѣломъ свѣтѣ творится?“ Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... „Ахъ, царь мой небесный, какъ любо!“
Смотритъ — Господь Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
„Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.“
Пьетъ онъ... Ахъ, какъ же малюткѣ сладко, свѣжо и свободно!
Рядится красное солнышко: вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ, идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
„Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!“
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точетъ[1]) облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ — онъ обсохнулъ.
„Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ!
Что мнѣ въ потемкахъ! Здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ.“
Кушайте, свѣты мои, на здоровье! Господь васъ помилуй!
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей[2]) въ полѣ.
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ, какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ! Земля заперлась и негдѣ взять пищи.

II.

„Гдѣ же,“ — онъ думаетъ, — „красное солнышко? Что не выходитъ?
Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко! Дома
Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.“
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
— „Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой.“
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло;
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.

---

[1]) Точетъ — ткать. [2]) Гололедица — ледяная кора, которою покрывается земля, когда послѣ дождя наступитъ морозъ.

Мало-по-малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь и ячмень, и пшеница, и просо.
Наша былиночка думаетъ: „я назади не останусь!"
Кстати-ль! Листики распустила . . . кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался . . . кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ . . .
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій[1]) колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ. Былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: „я знаю, что будетъ . . ."
Смотритъ: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;
Въ сумерки жъ, только-что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ, съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Вотъ ужъ Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной ни осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброненный; имъ помогала втихомолку и мышка . . .
Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: „полно!
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?"
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша;
Ужъ морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ поутру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть — и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшочекъ; сварила кисель, чтобы дѣтушкамъ кушать.
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

---

[1]) Зыбучій — колеблющійся, зыбкій.

33. Кубокъ.

(Изъ Шиллера.)

„Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой,
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.“
Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?“
Но рыцарь и ратникъ недвижно стоятъ:
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?“
И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу[1]), и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ . . .
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
„Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?“
И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину . . .
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.
И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ. . .
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?
И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло[2]);
И воды обратной толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева, —
И глубь застонала отъ грома и рева.
И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ, возопивъ —
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.
Надъ бездной утихло . . . въ ней глухо шумитъ . . .
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!“
Все тише и тише на днѣ ея воетъ. . .
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.
Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: „Кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!“
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.
Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна. . .
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

---

[1]) Епанчá — широкій плащъ безъ рукавовъ.

[2]) Отверстіе, пасть.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ . . .
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.
Вдругъ что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной. . .
Мелькнула рука и плечо изъ волны. . .
И берется, споритъ съ волной. . .
И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича —
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча,
И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ. . .
И каждый съ весельемъ: „онъ живъ!“ повторялъ:
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
Спасъ душу живую красавецъ отважный.“
Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда:
И въ сладость была для него та награда.
„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ. . .
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.
Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда. . .
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой. . .
И страшно меня тамъ кружило и било.
Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ;
Торчащій изъ мглы я видѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.
И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.
Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей — однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая
Мокой[1]) ненасытный, гіэна морская.
И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой
Отъ взора людей далеко,
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.
И я содрогался. . . вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ . . .
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы! . . .
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.“
Чудесенъ разсказъ показался царю:
„Мой кубокъ возьми золотой;
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,

[1]) Акула.

Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морского“..
То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
„Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого.“
Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты.
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою.“
Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ — краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ — въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...
Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна.
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно —
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

34. Сказка о мудрецѣ Керимѣ.

I.

Жилъ на Востокѣ царь, а у царя жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось, что задалъ ему царь такой вопросъ: „Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь и свѣтъ?“ Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ отвѣтствовалъ: онъ попросилъ отсрочки, сначала на день, послѣ на два, послѣ на цѣлую недѣлю; наконецъ пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ: „Вопросъ твой, Государь, неразрѣшимъ; мой слабый умъ объять его не можетъ; позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить.“ И въ путь Керимъ отправился искать отвѣта на вопросъ царя.

Сначала онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ, гдѣ, говорили, находился славный философъ; но философъ тотъ имѣлъ великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный царя, жилъ самъ, какъ царь, и упивался изъ полной чаши сладостью жизни. Ему Керимъ вопросъ свой предложилъ. Онъ отвѣчалъ: „Свѣтъ уподобить можно великолѣпной пировой палатѣ, гдѣ всякій часъ открытый столъ — садись, кто хочетъ, и пируй. Надъ головою гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба; ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы; для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ; а на столахъ предъ ними, безъ числа, стоятъ съ ѣдою блюда золотыя, и янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства, и гости весело сидятъ другъ съ другомъ, бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ; и новые подходятъ безпрестанно, и каждому есть мѣсто. Кто жъ довольно насытился, встаетъ и, распрощавшись съ ближайшими къ нему, уходитъ спать домой, хозяину сказавъ: спасибо за угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь. Доволенъ ли ты повѣстью моею?“ — Керимъ философу не отвѣчалъ ни слова: онъ печально

съ нимъ простился и далѣе поѣхалъ; про себя же такъ разсуждалъ: „твоя картина, другъ философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся; не мало есть голодныхъ, одинокихъ и плачущихъ.“

II.

Кериму тутъ сказали, что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу отшельникъ набожный, смиренномудрый; ему убѣжищемъ была пещера; онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни коренья; пилъ лишь воду; дни и ночи всѣ проводилъ въ молитвѣ. И не медля къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ ему сказалъ: „Послушай, черезъ степи однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать, храпѣть, бросаться; путникъ испугался и побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ онъ у самой дороги водоемъ ужасной глубины, но безъ воды; изъ нѣдра темнаго его торчали вѣтвями длинными кусты малины, разросшейся межъ трещинами стѣнъ, полуразрушенныхъ отъ лѣтъ. Въ него, гонимый бѣшеннымъ верблюдомъ, путникъ въ испугѣ ~~прянулъ~~ прыгнулъ; онъ за гибкій сукъ малины ухватился и повисъ надъ темной бездной. Голову поднявъ, увидѣлъ онъ разинутую пасть верблюда надъ собой: его схватить рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ глаза ко дну пустого водоема: тамъ змѣй ворочался, и на него зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая, что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ. Такъ онъ висѣлъ на гибкой, тонкой вѣткѣ межъ двухъ погибелей. И что жъ ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кустъ малины (за который онъ держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ стѣны разрушеннаго водоема входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна, другая черная, сидѣли рядомъ на корнѣ и его поочередно съ большою жадностію грызли, землю со всѣхъ сторонъ скребли, и обнажали всѣ вѣтки корня: а когда земля шумѣла, падая на дно, оттуда выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто спѣша провѣдать: скоро-ль мыши корень перегрызутъ, и скоро-ль съ ношей кустъ къ нему на дно обрушится? — Но что жъ? Вися надъ этимъ дномъ безъ всякой надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ на ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ малины, зрѣлыхъ, крупныхъ; — сильное желаніе полакомиться ими зажглось въ немъ, и все онъ позабылъ: и грознаго верблюда надъ собою, и подъ собою на днѣ далекомъ змѣя, и двухъ мышей коварную работу; оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда, внизу зіять голодной пастью змѣя, и въ сторонѣ грызть корень и копаться въ землѣ мышей, а самъ, рукой добравшись до ягодъ, началъ онъ спокойно рвать и ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь: кто этотъ жалкій путникъ? — Человѣкъ. Пустыня жъ съ водоемомъ — свѣтъ; а путь черезъ пустыню — наша жизнь земная. Гонящійся за путникомъ верблюдъ — есть врагъ души, тревогъ создатель, грѣхъ; намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно на вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной, гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта смерть — тотъ змѣй, который, пасть рази-

нувъ, ждетъ, чтобъ вѣтка тонкая переломилась. А мыши? ихъ названье — день и ночь; безъ отдыха, смѣняясь онѣ работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни, которая межъ смертію и свѣтомъ тебя невѣрно держитъ, перегрызть; прилежно черная грызетъ всю ночь, прилежно бѣлая грызетъ весь день; а ты, прельщенный ягодой душистой — усладой чувствъ, желаній утомленьемъ, — забылъ и грѣхъ — верблюда въ вышинѣ, и смерть — внизу зіящаго змѣя, и быструю работу дня и ночи — мышей, грызущихъ корень жизни: ты все забылъ, — тебя манитъ одно невѣрное минуты наслажденье. Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ. Доволенъ ли ты повѣстью моею?“ Керимъ отшельнику не отвѣчалъ ни слова: онъ печально съ нимъ простился и далѣе поѣхалъ; про себя же такъ разсуждалъ: святой отшельникъ! твой разсказъ замысловатъ, но моего вопроса онъ еще не разрѣшилъ; не такъ печальна наша жизнь, какъ степь, ведущая къ одной лишь безднѣ смерти, и не однимъ минутнымъ наслажденьемъ плѣняется безпечно человѣкъ.

III.

И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ. Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный, убогимъ рубищемъ покрытый, путникъ. Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла котомка; въ ней же было много хлѣба, плодовъ и всякаго добра; онъ самъ, казалось, былъ веселаго ума, глаза его сверкали остротою и на лицѣ пріятно выражалось простосердечіе. Керимъ подумалъ: задамъ ему, на всякій случай, мой вопросъ! Быть можетъ, дѣло скажетъ этотъ чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ: „Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь и свѣтъ?“ — „На это у меня въ запасѣ есть повѣсть,“ нищій отвѣчалъ. „Послушай:

Одинъ нѣмой сказалъ слѣпому: если увидишь ты арфиста, попроси его ко мнѣ, чтобъ сына моего, въ унылость впадшаго, своей игрой развеселилъ. На то сказалъ слѣпой: такого мнѣ арфиста ужъ случалось здѣсь видѣть; я безногаго за нимъ отправлю сына, онъ его въ минуту найдетъ. Безногій побѣжалъ и скоро нашелъ арфиста; былъ афристъ безъ рукъ, но онъ упрямиться не сталъ, и такъ прекрасно началъ на безструнной арфѣ играть, что меланхоликъ безъ ума расхохотался. То слѣпой увидя, всплеснулъ руками, вслухъ нѣмой хвалить сталъ музыканта, а безногій началъ плясать, и такъ распрыгался, что много сбѣжалось людей, и изъ толпы ихъ выскочилъ дуракъ: онъ изъявилъ арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ свое благоволенье. — Мимо ихъ прошла тихонько мудрость и увидя, что дѣлалось, шепнула про себя: таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ и такова на свѣтѣ наша жизнь. Доволенъ ли ты повѣстью моею?“ Керимъ прохожему не отвѣчалъ ни слова; онъ печально съ нимъ простился и далѣе поѣхалъ, про себя же такъ разсуждалъ: „затѣйливъ твой разсказъ, но моего вопроса не рѣшилъ онъ. Хотя мы въ жизни много пустоты, дурачества и лжи встрѣчаемъ,

но и высшая значительность и правда святая въ ней заключены благимъ Создателемъ.“

Подумавъ такъ, рѣшился Керимъ отправиться въ обратный путь, чтобъ донести царю, что никакого не удалося ему найти отвѣта на заданный вопросъ. Дорогой онъ молился Богу, чтобъ своей правдой Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный и жизни таинство ему открылъ. И предъ царя явился онъ съ веселымъ лицомъ и все, что на дорогѣ съ нимъ случилось, разсказалъ. А царь спросилъ: „Что жъ напослѣдокъ самъ теперь Керимъ, ты думаешь?“

— „Сперва благоволи,“ сказалъ Керимъ, „услышать, что со мною самимъ случилось на пути. Извѣстно тебѣ, что я лишь только по твоей высокой волѣ въ этотъ трудный путь отправился: то, милостію царской хранимый, и вездѣ проводниковъ имѣлъ, и пищу находилъ дневную, и никакихъ не испыталъ тревогъ. Что жъ, на дорогѣ, добраго, худого мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды упоминать: оно ничто въ сравненіи съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро, мой царь, меня осыпалъ. И мое одно желанье было угодить тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду найти между людьми, чтобъ, возвратившись, тебѣ отчетъ принесть въ моихъ дѣлахъ. Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ, достоинъ ли я милости твоей?“ Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку въ знакъ милости Кериму. Умиленно Керимъ ее поцѣловалъ, потомъ промолвилъ: „Такъ я думалъ про себя во время странствованія. Но, подходя къ твоимъ палатамъ царскимъ и печалясь, что безъ малѣйшей предъ тобой заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь, былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой обители твоей, какъ скорлупа съ моихъ упала глазъ, и я постигнулъ, что наша жизнь есть странствіе по свѣту такое жъ, какъ мое, во исполненье верховой воли Высшаго Царя.“ Мудрецъ умолкъ, а царь ему сказалъ: „Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.“

35. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года въ богатой и образованной, старинной дворянской семьѣ. Въ гостепріимномъ домѣ его отца часто бывали тогдашніе знаменитые писатели, между прочимъ Карамзинъ и Жуковскій. Читать и писать по-русски научила его бабушка, а съ 7 лѣтъ онъ начинаетъ учиться французскому языку у француза-гувернера: впослѣдствіи онъ владѣлъ этимъ языкомъ, какъ природный французъ. Благодаря своей нянѣ, Аринѣ Родіоновнѣ, мальчикъ зналъ множество сказокъ и поговорокъ. Съ 9-лѣтняго возраста въ немъ обнаруживается любовь къ чтенію, и, такъ какъ у отца Пушкина была большая библіотека, ребенокъ прочелъ массу книгъ. Въ то же время онъ пробуетъ писать стихи, и скоро у него завелись цѣлыя тетради стиховъ. Когда ему было 11 лѣтъ, онъ поступилъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ пробылъ 7 лѣтъ. Въ лицеѣ между воспитанниками были въ ходу лите-

ратурныя игры: они сочиняли повѣсти, причемъ одинъ писалъ ея начало, другой середину, а третій конецъ; издавали рукописные журналы. Всѣ эти занятія пришлись Пушкину очень по душѣ и онъ принималъ въ нихъ самое живое участіе. Въ послѣдніе годы своей лицейской жизни Пушкинъ былъ уже извѣстенъ, какъ поэтъ, среди Петербургскаго общества. Въ 1817 году онъ окончилъ курсъ лицея и поступилъ въ Петербургѣ на службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ членомъ одного литературнаго общества, члены котораго собирались обыкновенно у Жуковскаго: тамъ то онъ прочелъ въ 1818 году начало, а черезъ 2 года конецъ своей поэмы „Русланъ и Людмила“. Это произведеніе доставило ему сразу любовь всей читающей публики. Въ 1820 г. онъ уѣхалъ на югъ; вскорѣ онъ попалъ на Кавказъ. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Кавказа, онъ изобразилъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, природу Крыма — въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, нравы бессарабскихъ цыганъ — въ „Цыганахъ“. Всего онъ прожилъ на югѣ четыре года, а въ 1824 году онъ поѣхалъ въ свое имѣніе Михайловское, гдѣ прожилъ 3 года вмѣстѣ съ своей няней. За это время онъ написалъ много стихотвореній, а также свою историческую драму „Борисъ Годуновъ“. Въ 1827 году онъ вернулся въ Москву; въ этомъ и слѣдующемъ году имъ написаны 2 произведенія изъ эпохи Петра Великаго „Арапъ Петра Великаго“ и „Полтава“. Слѣдующій годъ онъ посвятилъ поѣздкѣ на Кавказъ, гдѣ въ то время была война, и записки, которыя онъ велъ, были впослѣдствіи названы „Путешествіе въ Эрзерумъ“. Съ 1831 года Пушкинъ поселился навсегда въ Петербургѣ. Имъ написано множество крупныхъ и мелкихъ произведеній; изъ нихъ важнѣйшія: „Евгеній Онѣгинъ,“ „Скупой рыцарь,“ „Мѣдный всадникъ,“ „Капитанская дочка“ и „Исторія Пугачевскаго бунта“. Кромѣ того онъ написалъ нѣсколько сказокъ стихами; ихъ когда то разсказывала ему няня. Уже изъ этого перечня видно, какъ разнообразенъ былъ талантъ Пушкина: онъ изображалъ современное ему общество и деревню, русскую старину, русскую и кавказскую природу и сказочный міръ, писалъ путешествія и исторію, стихи и прозу. Красота языка, которымъ написаны его произведенія, „его стиховъ живая прелесть“ вмѣстѣ съ глубиной его таланта доставили ему славу величайшаго русскаго поэта. Въ 1837 году онъ былъ смертельно раненъ на дуэли. Тѣло его похоронено въ Святогорскомъ монастырѣ неподалеку отъ села Михайловскаго. Первый памятникъ былъ ему поставленъ въ Москвѣ въ 1884 году, а въ 1899 году вся Россія торжественно праздновала столѣтіе дня его рожденія.

36. Москва.

Но вотъ уже близко. Передъ нами
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы, какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва . . . какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою..
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столбы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы:
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

37. Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь . . .
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
„Эй, пошелъ, ямщикъ! . . .“ — „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня:
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.“
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали . . . — Что тамъ въ полѣ? —

„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ!“
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь . . .
Вижу: духи собралися
Среди бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ . . .
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

38. Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
— „Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца.“
— Врите, врите, бѣсенята!
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь . . .
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ, ужъ поплетусь . . .
Гдѣ жъ мертвецъ? — „Вонъ, тятя, э-вотъ!“
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ —
Мужику какое дѣло?
Озираясь онъ спѣшитъ . . .
И потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ . . .
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ . . .
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой.
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по колачу,
Да смотрите жъ: не болтайте,
А не то — поколочу!“
Въ ночь погода зашумѣла.
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ . . . вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ . . .
— „Кто тамъ?“ — Эй, впусти, хозяинъ!

„Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ!
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно."
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится . . .
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло.
Опустились руки внизъ.
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ:
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: „Чтобъ ты лопнулъ!"
Прошепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ . . .
Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

39. Пѣснь о вѣщемъ[1]) Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ[2]):
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ[3]).
Съ дружиной своей въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ[4]),
Покорный Перуну[5]) старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго[6]) вѣстникъ. —
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня."
— „Волхвы[7]) не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада[8]);
Побѣдой прославлено имя твое.
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И воды, и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ[9]), и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы . . .

[1]) Вѣщій — мудрый, пророческій, знающій будущее. [2]) Хозары — народъ, обитавшій въ VII—IX вв. по Р. Х. къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, по Волгѣ. [3]) Рѣшилъ истребить мечомъ и огнемъ. [4]) Кудесникъ — чародѣй, волшебникъ, предсказатель. [5]) Перунъ — богъ молніи и грома у язычниковъ русскихъ. [6]) Будущаго. [7]) Волхвъ то же, что кудесникъ. [8]) Для воина все счастье заключается въ славѣ. [9]) Пращъ — орудіе для метанія камней.

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами
враговъ,
То мчится по бранному[1]) полю;
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего."
Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной крутой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
— „Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный
слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя!
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
Вы, отроки-други, возьмите коня.
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите."
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана[2]) . . .
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ?" промолвилъ
Олегъ:
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? все такъ же ль легокъ его
бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ[3]) отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ
сномъ.
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный ста-
рикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и до нынѣ носилъ бы меня."
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ — на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ[4]), уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!"
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала:
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

---

[1]) По полю брани, т. е. сраженія. [2]) Курганъ — насыпной холмъ на могилѣ. [3]) Слушаетъ.
[4]) Тризна — языческія поминки

40. Изъ поэмы[1]) „Русланъ и Людмила“.

1. Прологъ (вступленіе).

У лукоморья[2]) дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ . . . тамъ Русью пахнетъ;
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню. Сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту . . .

2. Пиръ у князя Владимира.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ[3]) высокой
Владимиръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочу онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Нескоро ѣли предки наши,
Нескоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна[4]),
И славитъ сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ[5]) свитый имъ вѣнецъ.

(Ночью, послѣ пира, Людмила была похищена „безвѣстной силой“. Узнавъ о похищеніи дочери, Владимиръ вызываетъ изъ своей дружины желаю-

[1]) Поэмою называется такое произведеніе, въ которомъ изображается или историческое событіе имѣвшее особенно важное значеніе въ жизни народа, или вымышленное происшествіе, которое выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. [2]) Стар., залива. [3]) Пріемная у древне-русскихъ князей. [4]) Знаменитый древне-русскій пѣвецъ. [5]) Богъ брака у язычниковъ-славянъ.

щихъ отправиться на поиски Людмилы и обѣщаетъ руку ея тому, кто ее отыщетъ и возвратитъ отцу. Отыскивать вызываются Русланъ и еще два витязя. Сначала витязи ѣхали вмѣстѣ, но потомъ каждый поѣхалъ особой дорогой. Русланъ узнаетъ отъ колдуна Фина, что Людмила похищена страшнымъ волшебникомъ Черноморомъ. Продолжая путь свой, Русланъ наѣзжаетъ на поле, бывшее мѣстомъ какой-то битвы и покрытое костями.)

3. Русланъ на полѣ старой битвы.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
„О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья? . . .
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!“

(Далѣе, на пути, Русланъ встрѣчаетъ необыкновенныхъ размѣровъ говорящую голову.)

4. Чудесная голова.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе; слышитъ
— Чудесній холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дымомъ поднялась.
Вдругъ холмъ безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова!
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни, ходятъ, развѣваясь.
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безыменный.
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекочетъ ноздри копіемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула. . .

(Достигнувъ замка Черномора, Русланъ освобождаетъ Людмилу и, послѣ многихъ приключеній, возвращается съ нею въ Кіевъ.)

41. Изъ поэмы „Кавказскій плѣнникъ."

1. Плѣнникъ.

Въ аулѣ[1]) на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей[2]),
Удары шашекъ ихъ жестокихъ
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ,
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ[3])
Младого плѣнника влачилъ.
„Вотъ русскій!" хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ, хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ, недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ:
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

(Плѣнникъ пришелъ въ себя. Съ теченіемъ времени раны его зажили. Живя среди черкесовъ, онъ становится невольнымъ наблюдателемъ ихъ нравовъ и образа жизни.)

2. Черкесы.

. . . . Европейца[4]) все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани[5]),
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани[6]);
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ[7]) склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой;
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ;
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ.
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ,
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечныхъ казаковъ.
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится.

---

[1]) Такъ на Кавказѣ называются деревни горскихъ племенъ. [2]) Начальникъ, князь у горскихъ племенъ Кавказа. [3]) Веревка съ петлей для поимки животныхъ и для захвата въ плѣнъ непріятеля. [4]) Плѣнника. [5]) Брань — война. [6]) Длань — ладонь, рука. [7]) Лука — изгибъ у сѣдла спереди.

Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги.
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается.
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой. . .
Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою.
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтки вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ, и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки,
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя. . . .
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину? . . . Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ берегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня, —
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ ласково встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихиръ[1]) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.
Бывало, въ свѣтлый баиранъ[2]),
Сберутся юноши толпою:
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразный

1) Кавказское вино. 2) Баиранъ или байрамъ — названіе самаго важнаго въ году магометанскаго праздника. Черкесы исповѣдуютъ магометанскую вѣру.

Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

42. Изъ поэмы „Цыганы“.

1. Цыганскій таборъ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ вышинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно все. Луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

2. Переходъ на другое кочевье.

И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ.
Всѣ вмѣстѣ тронулись, и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ;
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ, вослѣдъ идутъ.
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай, и завыванье.

3. Разсказъ старика цыгана объ Овидіи.

Межъ нами есть одно преданье.
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня[1]) житель къ намъ въ изгнанье.
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной.
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего
И слабъ, и робокъ былъ какъ дѣти,
Чужіе люди за него

---

[1]) Юга.

Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.
Но онъ къ печальямъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ:
Скитался онъ изсохшій, блѣдный,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье.
Онъ ждалъ, придетъ ли избавленье . .
И все несчастный толковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости, —
И смертью чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

43. Изъ трагедіи[1]) „Борисъ Годуновъ“.

Сцена V.

Ночь въ Чудовомъ монастырѣ. Отецъ Пименъ. Григорій спящій. Пименъ (пишетъ предъ лампадой.)

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя:
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій[2]) отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною . . .
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно! . . .
Но близокъ день, лампада догараетъ —
Еще одно послѣднее сказанье. *(Пишетъ.)*

Григорій (пробуждается). Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ! . . . А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый . . .
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,

[1]) Трагедія есть такое драматическое произведеніе, въ которомъ представлено страданіе человѣка, съ цѣлью вызывать наше сочувствіе къ нему.
[2]) Хартія — листъ для письма, старая рукопись.

Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.
Пименъ. Проснулся, братъ.
Григорій. Благослови меня,
Честной отецъ.
Пименъ. Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки[1]).
Григорій. Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ:
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался . . .
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?
Пименъ. Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ —
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!
Григорій. Какъ весело провелъ свою
Ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ[2])!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты на старость лѣтъ
Отъ суеты[3]), отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.
Пименъ. Не сѣтуй[4]), братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній, вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.[5])
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники[6]) въ тафьяхъ[7]) и власяницахъ[8])
Послушными являлись чернецами[9]),
А грозный царь игумномъ богомольнымъ . . .
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ —

[1]) Днесь — нынѣ, теперь; присно — всегда; вовѣки — вѣчно. [2]) Инокъ — монахъ. [3]) Суета — пустота. [4]) Не жалуйся, не печалься. [5]) Клобукъ — головной уборъ монашествующихъ лицъ. [6]) Кромѣшники — опричники. [7]) Тафья — шапочка. [8]) Власяница — монашеское одѣяніе. [9]) Монахами.

(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ[1]) Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), — здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней;
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій[2]) спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму[3]) здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши."
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной . . .
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ вздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника[4]). Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ. . .
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане[5]) святой Владыко предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича. Въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ, ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ . . . Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ;
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку . . .
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.

---

[1]) Удостоилъ. [2]) Алкающій — желающій. [3]) Схима — монашескій чинъ, налагающій самыя строгія правила. [4]) Инока, монаха. [5]) Зане — потому что.

„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И, чудо! — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!“ народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій. Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ. Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ, нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво[1]),
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасилъ лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій! *(Уходитъ).*

Григорій. Борисъ, Борисъ! все передъ тобой трепещетъ;
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірского
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Сцена VII.

Царскія палаты. Два стольника.

Первый. Гдѣ Государь?

Второй. Въ своей опочивальнѣ. Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый. Такъ вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй. Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый. Какъ онъ угрюмъ! *(Уходитъ.)*

(Царь входитъ.)

Достигъ я высшей власти:
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложилъ пустое попеченье:

1) Безхитростно, просто.

Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая:
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ:
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ! ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ:
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный.
Я ускорилъ Өеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою.
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста!

Сцена X.

Царскія палаты. Царевичъ Өеодоръ (сынъ царя Бориса) чертитъ географическую карту. Царевна Ксенія (дочь царя Бориса). Мамка царевны.

Ксенія (*цѣлуетъ портретъ*). Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ! не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка. И, Царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ, и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана королевича.

Ксенія. Нѣтъ, мамушка, я и мертвому ему буду вѣрна. (*Входитъ царь Борисъ*).

Царь. Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила,
Виновникомъ быть вашего блаженства;
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Өеодоръ. Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь. А это, что такое
Узоромъ здѣсь віется?

Өеодоръ. Это Волга.

Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ.
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.
(Входитъ Семенъ Годуновъ.)
Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(Ксеніи). Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ, утѣшь тебя Господь.
(Ксенія съ мамкой уходятъ.)
Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?
Семенъ Годуновъ. Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь-Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.
Царь. Ну?
Семенъ Годуновъ. Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.
Царь. Гонца схватить!
Семенъ Годуновъ. Ужъ послано въ догоню.
Царь. О Шуйскомъ что?
Семенъ Годуновъ. Вечоръ онъ угощалъ своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайлу Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.
Царь. Сейчасъ послать за Шуйскимъ.
Семенъ Годуновъ. Государь!
Онъ здѣсь уже.
Царь. Позвать его сюда.
(Семенъ Годуновъ уходитъ)
Сношенія съ Литвою! Это что?...
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...
(Входитъ Шуйскій).
Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ,
И выслушать хочу тебя сперва.
Шуйскій. Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.
Царь. Я слушаю тебя.
Шуйскій. *(Тихо указывая на Өеодора)*
Но, Государь...
Царь. Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори!
Шуйскій. Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...
Царь. Не та-ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?
Шуйскій. (Все знаетъ онъ!...) Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.
Царь. Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.
Шуйскій. Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

Царь. Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ!
Шуйскій. Не вѣдаю.
Царь. Но... чѣмъ опасенъ онъ?
Шуйскій. Конечно, царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, раденьемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна:
Для истины глуха и равнодушна.
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага:
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Дмитрія воскреснувшее имя.
Царь. Дмитрія!... Какъ? этого младенца?
Дмитрія.... Царевичъ, удались!
Шуйскій. (Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...)
Ѳеодоръ. Государь,
Дозволишь ли?...
Царь. Нельзя, мой сынъ, поди.
(Ѳеодоръ уходитъ.)
Димитрія!...
Шуйскій. (Онъ ничего не зналъ!)
Царь. Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ,
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.
Шуйскій. Иду.
Царь. Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива: Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? что жъ не смѣешься ты?
Шуйскій. Я, государь?...
Царь. Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви,
Узналъ ли ты убитаго младенца,
И не было ль подмѣны? Отвѣчай.
Шуйскій. Клянусь тебѣ...
Царь. Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?
Шуйскій. Онъ.
Царь. Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.
Шуйскій. Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Уже тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный;

Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ:
  Димитрій
Во гробѣ спитъ.
Царь. Довольно, удались!
  (Шуйскій уходитъ).

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ
  мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?[1])
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру[2]),
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ на-
  слѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

44. Изъ повѣсти „Арапъ Петра Великаго."

1. Жизнь Ибрагима въ Парижѣ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ испанской войнѣ и, тяжело раненный, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы насчетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ, и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ заботиться о здоровьѣ, благодарилъ за ревность къ ученью и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Регентъ[3]) приглашалъ его не разъ на свои веселые вечера; онъ не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы.

2. Отъѣздъ въ Россію.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на

---

[1]) Супостатъ — врагъ. [2]) Порфира — одежда государей. [3]) Герцогъ Филиппъ Орлеанскій, управлявшій государствомъ за малолѣтняго Людовика XV.

досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или нѣтъ, но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена: на другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. „Подумайте о томъ, что дѣлаете,“ сказалъ ему герцогъ: „Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую уже вы проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.“ Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи. „Жалѣю,“ сказалъ ему регентъ: „но, впрочемъ, вы правы.“ Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ русскому царю. Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу.

3. Путешествіе въ Россію и встрѣча съ царемъ.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступала, но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра, и черезъ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. „Ба, Ибрагимъ!“ закричалъ онъ, вставая съ лавки, „здорово, крестникъ!“ Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. „Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ,“ сказалъ Петръ: „и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.“ Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. „Вели же“, продолжалъ государь, „твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною, и поѣдемъ ко мнѣ.“ Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ, и они поскакали.

4. Новорожденная столица.

Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію[1]) своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій[2]). Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, т. е. Царицына Сада.

5. Въ гостяхъ у царя.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: „Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его попрежнему.“ Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру. „Лиза,“ сказалъ онъ одной изъ нихъ, „помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.“ Великая княжня засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ, гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меньшикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника

[1]) Маніе или мановеніе — знакъ рукою, означающій повелѣніе, приказаніе.
[2]) Стихіи — у древнихъ основныя вещества всѣхъ тѣлъ: земля, вода, воздухъ и огонь

Петра; ученаго Брюса, прославшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ; молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища, и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

6. Первые шаги на служебномъ поприщѣ.

Гусударь вышелъ часа черезъ два. „Посмотримъ,“ сказалъ онъ Ибрагиму: „не позабылъ ли ты своей старой должности? Возьми-ка аспидную доску да ступай за мной.“ Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицеймейстеромъ Девіеромъ и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: „Ужъ поздно; ты, я чай, усталъ; ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину: завтра я тебя разбужу.“

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную праздностію и тайнымъ уныніемъ. Мысль — быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа — возбудила въ немъ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ семъ расположеніи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную постель.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ! Придворные окружили Ибрагима, всякій по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меньшиковъ дружески пожалъ ему руку. Шереметьевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашеній, по крайней мѣрѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

45. Изъ поэмы „Полтава[1])“.

1. Кочубей и его дочь.

Богатъ и славенъ Кочубей.
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы.

---

[1]) Въ поэмѣ Пушкина „Полтава“ изображаются борьба императора Петра I съ шведскимъ королемъ Карломъ XII и отношенія малороссійскаго гетмана Мазепы къ семейству генеральнаго судьи Кочубея.

Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами. —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла:
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ:
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
Зато завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ. .

2. Горе Кочубея.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послыша тяжкій летъ: —
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.
И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
„Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно ль?. . . Нѣтъ, пока мы живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
Онъ, должный быть отцомъ и другомъ
Невинной крестницы своей . . .
Безумецъ, на закатѣ дней,
Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!“
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ, какъ неживая,
Упала дѣва на крыльцо.
Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горе разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить . . .
Напрасно! Цѣлые два дня,
То молча плача, то стеня,
Марія не пила, не ѣла,
Шатаясь, блѣдная, какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.
Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
И утромъ слѣдъ восьми подковъ
Былъ виденъ на росѣ луговъ.

3. Замыселъ Кочубея.

Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ, его проникъ.
„Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
Скрежеща, мыслитъ Кочубей:
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
Въ рукахъ московскихъ палачей
Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ.“
Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они.
Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный,
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему,
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубитъ
Едину мысль и день, и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубитъ —
Отмститъ поруганную дочь.
А между тѣмъ, орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнихъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ:
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копитъ.
И гнѣва женскаго полна,
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопитъ.
Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра[1]) заодно.
И оба мыслятъ: „одолѣемъ,
Врага паденье рѣшено...“

4. Гонецъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?
Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.
Какъ стекло, булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бѣжитъ, размахивая гривой.
Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже,
Но шапка для него дороже.
За шапку онъ оставитъ радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою.
Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

[1]) Искра — полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

5. Козни и коварство Мазепы.

Грозы не чуя, между тѣмъ,
Не ужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ . . .
Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ.
Мазепа, въ горести притворной,
Къ царю возноситъ гласъ покорный:
„И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ —
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной:
Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно, вознесенъ . . .
О, какъ слѣпа, безумна злоба! . . .
Ему ль теперь у двери гроба
Начать ученіе измѣнъ? . . .
Вѣдь онъ, усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ, —
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!“
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй . . .

6. Кочубей въ темницѣ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады.
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье:
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дремá долитъ. Но, Боже правый,
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье!
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье!
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собою на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья! . . .
Ложась безвиннымъ подъ топоръ!
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему! . . .
И вспомнилъ онъ свою Полтаву:
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ . . .

7. Полтавскій бой.

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки:
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки . . .
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ[1]) рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ:
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью.
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновленный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ; ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры . . . Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ . . . Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь:
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ:
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки:
Ровняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се[2]) — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой:
Онъ поле пожиралъ очами . . .
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова[3]) —
Въ премѣнахъ счастія земного,
Въ трудахъ державства[4]) и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметьевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ[5]).
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился. —
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье . . .
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —

---

[1]) Валовъ, насыпей. [2]) Се — вотъ. [3]) Сподвижники Петра. [4]) Управленія государствомъ. [5]) Разумѣется Меньшиковъ.

И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ...
Бой барабанный, клики, скрежетъ...
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ...
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ[1]).

46. Изъ повѣсти „Капитанская дочка“.

I. Сержантъ гвардіи.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ и вышелъ въ отставку премьеръ-майоромъ въ 17 . . году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было десять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли въ младенчествѣ... Я былъ записанъ въ Семеновскій полкъ сержантомъ, по милости майора гвардіи, князя Б., близкаго нашего родственника. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по нынѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремянному[2]) Савельичу, за трезвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки[3]). Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году, выучился я русской грамотѣ. Въ это время батюшка нанялъ для меня француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла. Пріѣздъ его сильно не понравился Савельичу.

„Слава Богу“, ворчалъ онъ про себя: „кажется, дитя умытъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!...“

---

[1]) Онъ пилъ за здоровье шведовъ — учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. [2]) Слуга при всадникѣ, принимающій отъ него лошадь и подающій ему стремя. [3]) Слуга, которому порученъ надзоръ за барскимъ ребенкомъ.

Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ „Придворный календарь“, ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ея безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знавшая наизусть всѣ его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу, какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ „Придворный календарь“ не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Зато, когда онъ случайно его находилъ, то, бывало, по цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужъ изъ своихъ рукъ.

Итакъ, батюшка читалъ „Придворный календарь“, изрѣдка пожимая плечами и повторяя въ полголоса: „Генералъ-поручикъ! . . . Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ! . . . Обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ! . . . А давно ли мы? . . .“ Наконецъ батюшка швырнулъ „Календарь“ на диванъ и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ: „Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?“

— Да вотъ пошелъ семнадцатый годокъ, отвѣчала матушка. — Петруша родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Натасья Герасимовна, и когда еще . . .

„Добро“, прервалъ батюшка: „пора его въ службу.“

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку въ кастрюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того, трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что, по мнѣнію моему, было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику и потребовалъ пера и бумаги.

„Не забудь, Андрей Петровичъ,“ сказала матушка: „поклониться и отъ меня князю Б.: я, дескать, надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своими милостями.“

— Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка нахмурясь, — Съ какой стати стану я писать къ князю Б.?

„Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петруши.“

— Ну, а тамъ что?

„Да вѣдь начальникъ Петрушинъ князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ Семеновскій полкъ."

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло, что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать. Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку[1]), да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ[2]) въ гвардіи! Гдѣ его паспортъ? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ его передъ собою на столъ и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда же отправляютъ меня, если ужъ не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшки, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки и, подозвавъ меня, сказалъ: „Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ служить подъ его начальствомъ."

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Вмѣсто веселой петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ, показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка: уложили въ нее чемоданъ, погребецъ[3]) съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: „Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь: слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся, и помни пословицу: береги платье снову, и честь съ смолоду." Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дитятей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

(Пріѣхавъ въ Оренбургъ, Гриневъ является къ генералу, подъ начальствомъ котораго онъ долженъ былъ служить. Генералъ назначаетъ Г. на службу въ Бѣлогорскую крѣпость, подъ начальствомъ капитана Миронова.)

2. Бѣлогорская крѣпость.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика[4]). Рѣка еще не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразыхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ.

[1]) Тянуть лямку — исполнять трудную работу, службу. Лямка — ремень, веревка черезъ плечо для носки или поддержки чего-либо. [2]) Человѣкъ, бродящій безъ цѣли по улицамъ. [3]) Погребецъ — дорожный ларецъ. [4]) Урала.

За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частью печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. „Далече ли до крѣпости?“ спросилъ я у своего ямщика. — „Недалече“, отвѣчалъ онъ: „вонъ ужъ видна“. Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны[1]), башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой — скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. „Гдѣ же крѣпость?“ спросилъ я съ удивленіемъ. — „Да вотъ она“, отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузьмичъ[2]), вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностью. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла, какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостію такъ точно, какъ и своимъ домикомъ. Марья Ивановна[3]) скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству.

3. Приступъ.

Изъ-за высоты, находившейся въ полуверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками[4]). Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженною саблей въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь упоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ.

Мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали

[1]) Бастіонъ — укрѣпленіе на углу крѣпостной стѣны. [2]) Комендантъ. [3]) Дочь коменданта. [4]) Сайдакъ — лукъ съ чехломъ и колчанъ со стрѣлами.

свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. „Василиса Егоровна!“ сказалъ комендантъ: „здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва“. Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: „Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу! Маша, подойди къ отцу!“

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— „Ну, Маша, будь счастлива! Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ мы жили съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша! Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе“. Маша кинулась ему на шею и зарыдала. — Поцѣлуемся же и мы, сказала, заплакавъ, комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ! Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила.

— Прощай, прощай, матушка! сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. Ну, довольно! ступайте, ступайте домой, да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вослѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ обратился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣхались около своего предводителя, и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. „Теперь стойте крѣпко“, сказалъ комендантъ: „будетъ приступъ“... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе, и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Мятежники хлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. „Ну, ребята“, сказалъ комендантъ: „теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ! Ребята! впередъ на вылазку, за мной!“

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. „Что же вы, дѣтушки, стоите?“ закричалъ Иванъ Кузьмичъ. Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!“ Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь; нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали

купаками, приговаривая: „Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!“ Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь: насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. „Который комендантъ?“ спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: „Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?“ Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: „Ты мнѣ не государь; ты воръ, самозванецъ, слышь ты!“ Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. „Присягай“, сказалъ ему Пугачевъ: „государю Петру Ѳеодоровичу!“ — „Ты намъ не государь“, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана: „ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!“ Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на-ухо нѣсколько словъ. „Вѣшать его!“ сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ погрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. „Небось, небось“, повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: „Постойте, окаянные! погодите!...“ Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. „Отецъ родной!“ говорилъ бѣдный дядька: „что тебѣ въ смерти барскаго дитяти! Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради вели

повѣсить хоть меня, старика!“ Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. „Батюшка нашъ тебя милуетъ“, говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однакожъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили предъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. „Цѣлуй руку, цѣлуй руку! говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. „Батюшка, Петръ Андреичъ!“ шепталъ Савельичъ, стоя за мной и толкая меня: „Не упрямься! что тебѣ стоитъ! плюнь да поцѣлуй у злод . . . (тьфу!) поцѣлуй у него ручку“. Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: „Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!“ Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ, Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатою сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло; онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую донага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. „Батюшки мои!“ кричала бѣдная старушка: „отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу!“ Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. „Злодѣи!“ закричала она въ изступленіи: „что это вы съ нимъ сдѣлали! Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!“ — „Унять старую вѣдьму!“ сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

4. Судъ.

Марья Ивановна принята была моими родителями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ, которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божію въ томъ, что имѣли случай пріютить и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не

полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшкѣ простою блажью; а матушка только того и желала, чтобы ея Петруша женился на милой капитанской дочкѣ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто разсказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ . . . Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева и что де злодѣй его таки жаловалъ; но клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностію и осторожностію.

Прошло нѣсколько недѣль . . . Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя Б. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа онъ объявилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. „Какъ!“ повторялъ онъ, выходя изъ себя: „сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ[1]) мой умеръ на лобномъ мѣстѣ[2]), отстаивая то, что почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ[3]). Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями! . . . Стыдъ и срамъ нашему роду! . . .“ Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людского мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды, вечеромъ, батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы „Придворнаго Календаря“, но мысли его были далеко, и чтеніе не производило

---

1) Пращуръ — отецъ прапрадѣда. 2) Лобное мѣсто — мѣсто казни, видное со всѣхъ сторонъ. 3) Невинно казненные въ 1740 г. временщикомъ Бирономъ.

надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. „Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?" сказала она. „Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?" Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія и что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. — „Поѣзжай, матушка!" сказалъ онъ ей со вздохомъ. „Мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго[1]) измѣнника." Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкой, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрною Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался, по крайней мѣрѣ, мыслью, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію[2]) и, узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ-Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника[3]), и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ бы нѣсколько страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное; солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осеняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра

---

[1]) Признаннаго негодяемъ, преступникомъ. [2]) Софія — городъ С.-Петербургской губерніи, близъ Царскаго Села. [3]) Истопникъ — служитель, на обязанности котораго лежитъ топка печей.

Александровича Румянцева[1]). Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: „Не бойтесь, она не укуситъ.“ Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противъ памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

— „Вы, вѣрно, не здѣшняя?“ сказала она. — Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи. — „Вы пріѣхали съ вашими родными?“ — Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна. — „Одна! Но вы такъ еще молоды?“ — У меня нѣтъ ни отца, ни матери. — „Вы здѣсь, конечно, по какимъ нибудь дѣламъ?“ — Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

— „Вы сирота; вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?“

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

— „Позвольте спросить, кто вы таковы?“

— Я дочь капитана Миронова.

— „Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?“

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

— „Извините меня,“ сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ! „если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.“

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекала сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось, и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

— „Вы просите за Гринева?“ сказала дама съ холоднымъ видомъ: „Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.“

— „Ахъ, неправда!“ вскрикнула Марья Ивановна.

— „Какъ, неправда?“ возразила дама, вся вспыхнувъ.

[1]) Знаменитый своими побѣдами надъ турками полководецъ времени Екатерины II.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю. Дама выслушала ее со вниманіемъ.

— „Гдѣ вы остановились?“ спросила она потомъ, и услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкой: „А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.“

Съ этими словами она встала и вышла въ крутую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чаю только было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. „Ахти, Господи!“ закричала она: „Государыня требуетъ васъ ко двору! Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умѣете. . . Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могъ предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ[1])?“

Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобы Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ ней отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну. Мысль увидѣть Императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашила ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: „Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово

[1]) Старинное женское платье.

и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру". Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. „Знаю, что вы не богаты", сказала она: „но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе".

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно.

Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть н Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню . . .

47. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Дѣтство Михаила Юрьевича Лермонтова, родившагося 2-го октября 1814 года въ Москвѣ, прошло въ имѣніи Тарханахъ, Пензенской губерніи, принадлежавшемъ бабушкѣ его, Арсеньевой. Онъ рано лишился матери, и воспитательницей его была бабушка, которая горячо любила своего внука. Онъ рано научился грамотѣ и зналъ прекрасно иностранные языки, благодаря окружавшимъ его гувернерамъ. Уже въ дѣтствѣ онъ замѣчаетъ и любитъ красоты природы; эта черта характера особенно развилась въ немъ, когда бабушка повезла его десятилѣтнимъ мальчикомъ на Кавказъ лѣчиться. Красоты горной природы оставили въ душѣ его неизгладимый слѣдъ. По возвращеніи съ Кавказа Лермонтовъ поступилъ въ Московскій „Благородный университетскій пансіонъ", гдѣ пробылъ 4 года. Онъ принималъ участіе въ рукописномъ журналѣ, издававшемся воспитанниками, и его переводныя и собственныя стихотворенія обратили на себя вниманіе учителей; но занятія поэзіей не помѣшали ему прекрасно учиться. По выходѣ изъ пансіона Лермонтовъ пробылъ 2 года въ университетѣ, гдѣ имъ написано много стихотвореній, между прочимъ знаменитыя „Ангелъ" и „Бородино". Въ 1832 году Лермонтовъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ Петербургѣ, которую окончилъ черезъ 2 года, и былъ назначенъ на службу въ гусарскій полкъ. Тутъ онъ уже становится извѣстнымъ

публикѣ; особенно же онъ прославился своимъ стихотвореніемъ „На смерть Пушкина“. 1837 годъ Лермонтовъ провелъ на Кавказѣ и здѣсь написалъ свою поэму „Мцыри“, гдѣ съ наибольшей полнотой имъ изображена кавказская природа, хотя у него немало и другихъ произведеній, въ которыхъ онъ описываетъ любимый имъ Кавказъ, какъ напримѣръ: „Демонъ“, „Измаилъ-Бей“, „Хаджи-Абрекъ“ и много мелкихъ стихотвореній.

Въ 1838 году Лермонтовъ напечаталъ свою „Пѣснь про купца Калашникова“, которая настолько прославила его, что публика стала въ немъ видѣть достойнаго преемника Пушкина. Время съ 1838 по 1840 годъ онъ проводитъ въ Петербургѣ, гдѣ появляются его стихотворенія, между прочимъ „Вѣтка Палестины“, „Три пальмы“ и романъ „Герой нашего времени“. Въ 1840 году онъ уѣхалъ на Кавказъ, участвовалъ въ походѣ, а въ 1841 году онъ поселился въ Пятигорскѣ, гдѣ усердно занимается чтеніемъ и предается поэтической дѣятельности. Но 15 іюля того же года Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли. Его безвременная смерть глубоко опечалила всю Россію, и вотъ, что говоритъ одинъ поэтъ:

„Мѣтко пуля роковая
„Его сразила въ цвѣтѣ лѣтъ.
„Погибла сила молодая!
„Погибъ безвременно поэтъ“.

Тѣло Лермонтова предано землѣ въ Тарханахъ, а въ 1889 году ему поставленъ памятникъ въ Пятигорскѣ.

48. Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами[1]) райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна[2]) была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

49. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда, росой обрызганный душистой
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу

[1]) Куща — шатеръ, палатка изъ древесныхъ вѣтвей, шалашъ. [2]) Искренняя, нелицемѣрна.

И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу[1])
Про мирный край, откуда мчится онъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

50. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ[2]);
Злой чеченъ[3]) ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ —
Закаленъ въ бою...
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю!

Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю!

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду:
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю!

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю!

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!

51. Дубовый листокъ и чинара[4]).

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя.
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;

---

[1]) Сага — сказаніе, преданіе. [2]) Валъ — волна. [3]) Чеченецъ — житель Чечни, одной изъ областей Кавказа. [4]) Дерево съ широкими листьями, яворъ, платанъ.

На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой,
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: „Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я.
Засохъ я безъ тѣни, овялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ:
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.“

— „На что мнѣ тебя?“ отвѣчаетъ младая чинара.
„Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! Тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.“

52. Споръ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры: Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ, —
Берегися! многолюденъ
И могучъ востокъ!“
— „Не боюся я востока!“
Отвѣчалъ Казбекъ:
„Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорныя шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна[1])
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.

[1]) Кальянъ — употребляемый на востокѣ приборъ для куренія табаку.

Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ[1]) забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня . . .
Нѣтъ! не дряхлому востоку
Покорить меня!“
— „Не хвались еще заранѣ!“
Молвилъ старый Шатъ:
„Вонъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!“
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ;
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И — не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И навѣкъ затихъ.

53. Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки[2])
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ,
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

[1]) Кочующій арабъ. [2]) Отверстіе на корабляхъ для пушекъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ[1]),
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника сына
И старую гвардію онъ.

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ[2]) громко онъ кличетъ,
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ

По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ.
Зоветъ онъ любезнаго сына —
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полъ-міра,
А Францію только — себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

54. Три пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой.
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ!
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!“ . . .

[1]) Въ годовщину смерти Наполеона I. [2]) Сподвижниковъ, товарищей по военнымъ походамъ.

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса[1]) вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.
Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая мохровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.
Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ.
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ въ степи ихъ потомъ разнесло.
И нынѣ все дико и пусто кругомъ:
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ.
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ,—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ[2]),
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

55. Бѣглецъ.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла;
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата[3])
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шапку и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны,
Широкой, бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока,
И надъ пустынею пророка[4])
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.

[1]) Фарисъ — наѣздникъ. [2]) Человѣкъ угрюмый, склонный жить одиноко. [3]) Супостатъ — врагъ. [4]) Магомета.

Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой.
И къ скалѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ дома,
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ.
Старикъ пришельца не узналъ.
На ложѣ, мучимый недугомъ,
Одинъ, онъ молча умиралъ.
„Великъ Аллахъ! отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы. . .
Что новаго?“. . . спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды,
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды;
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
— Два дня мы билися въ тѣснинѣ.
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ.
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ!
И — вотъ пророкъ! — твоихъ заслуг
Я до могилы не забуду. —
А умирающій въ отвѣтъ:
„Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!“
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.

И, саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ . . .
И хочетъ онъ войти — и слышитъ. . .
И слышитъ пѣсню старины,
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.
„Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ,
А юноша воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,[1])
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року,
Молися Востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрнѣй.
Своимъ измѣнившій —
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ!“
Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза порою
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ:
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ.
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него.
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его не одного.

[1]) Джигитъ — наѣздникъ, молодецъ, воинъ.

„Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ . . .“
— Одинъ?
„Одинъ.“
— А гдѣ отецъ и братья?
„Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли.“
— Ты отомстилъ?
„Не отомстилъ . . .
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставивъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.“
— Молчи, молчи, гяуръ[1]) лукавый!
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ. . . а мнѣ не сынъ;
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ,
И, наконецъ, ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать по утру увидала
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь.
И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

56. Мцыри [2]).

1. Плѣнный горецъ.

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ: не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ, и гибокъ, какъ тростникъ.
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился; слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ;
Онъ знакомъ пищу отвергалъ
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больного призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ, вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской

[1]) Невѣрный. [2]) Груз. не служащій монахъ, монастырскій служака.

По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ;
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли.
И вновь въ обитель принесли. —
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ,
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ,
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой.
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ.
И долго такъ онъ говорилъ.

2. Исповѣдь.

а. Причины, побудившія плѣнника къ бѣгству.

„Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ: благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь.
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Немного пользы вамъ узнать;
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если-бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.
Старикъ, я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ.
Зачѣмъ? . . . Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ: „отецъ“ и „мать“
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ.
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ, — могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.

Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ;
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной, вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ[1]): ты слабъ, ты сѣдъ
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть!
Ты жилъ: я также могъ бы жить!"

б. Скитанія бѣглеца.

„Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ? Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано.
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года, —
Имъ не сойтиться[2]) никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые[3]), какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ
Въ снѣгахъ, горящихъ, какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый[4]) Кавказъ,
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...
И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше, и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ.
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я вспомнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица,
И блескъ оправленныхъ ножонъ[5])
Кинжаловъ длинныхъ... И, какъ сонъ,
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой,
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и вспомнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ,
Лучи ихъ сладостныхъ очей
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи томъ бѣжалъ потокъ.

[1]) Противенъ, скученъ. [2]) Не сойтись. [3]) Фантастическіе, странные. [4]) Не шаткій, стойкій, устойчивый. [5]) Ножны — футляръ для кинжала, сабли.

Онъ шуменъ, но не глубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ,
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.
Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ, и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля;
Узнать, прекрасна ли земля;
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой."

(Послѣ продолжительныхъ странствованій мцыри убѣдился, что онъ заблудился въ лѣсу и что выйти изъ него онъ не въ состояніи.)

в. Борьба съ барсомъ.

„Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда,
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры, и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость,
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ, и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... И началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.

Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной, —
Бой закипѣлъ, смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье . . . Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ,
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я, и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ . . .
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня послѣдній разъ . . .
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!"

г. Возвращеніе въ обитель.

„Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ,
И смерть навѣки заживитъ.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной . . .
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!
Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ[1]) исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ . . .
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ.
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ; понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей,
Что безполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ.
И все зачѣмъ? Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство[2]) вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ! . . .
Еще въ сомнѣнье погруженъ,
Я думалъ, — это страшный сонъ . . .

---

[1]) Указывающихъ направленіе пути; по звѣздамъ мцыри надѣялся выбраться изъ лѣсу. [2]) Блаженство — счастье.

Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ,
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ[1])
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда."
„Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что я предъ нимъ? Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила!... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ: все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія[2])...
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжегъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...
И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался[3]), и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Міръ Божій спалъ
Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Тамъ я найденъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ."

д. Послѣднее желаніе.

„Прощай, отецъ; дай руку мнѣ.
Ты чувствуешь: моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей!
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожогъ свою тюрьму[4]),
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой.
Когда я стану умирать,
И вѣрь, тебѣ недолго ждать,
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!

[1]) Мечты. [2]) Жизни. [3]) Причинялъ страданія. [4]) Тѣло.

Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прощальнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной.
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..."

57. Изъ романа „Герой нашего времени".

(На Кавказѣ.)

I.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Уже солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ[1]) и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ — высоко, высоко — золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой, безыменной, рѣчкой, шумно врывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана[2]). Тутъ толпились шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобы втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины. Нечего дѣлать — я нанялъ шесть быковъ и нѣсколько осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ

[1]) Плющъ — вьющееся растеніе особаго рода. [2]) Духанъ — на (Кавказѣ) мелочная лавка трактиръ.

солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма. — „Мы съ вами попутчики, кажется?“ Онъ молча опять поклонился. — „Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?“ — „Такъ-съ точно . . . съ казенными вещами.“ — „Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?“ Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — „Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?“ — „Съ годъ,“ отвѣчалъ я. Онъ улыбнулся вторично. — „А что жъ?“ — „Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете — они помогаютъ, что кричатъ? А кто ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста . . . Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ . . . Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!“

— „А вы давно здѣсь служите?“ — „Да, я уже здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ,“[1]) отвѣчалъ онъ, пріосанившись. „Когда онъ пріѣхалъ на линію, я былъ подпоручикомъ,“ прибавилъ онъ: „и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.“ — „А теперь вы?“ — „Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ.“

„А вы, смѣю спросить.“

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различить дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и не единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались. — „Вѣдь этакій народъ!“ сказалъ онъ: „и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: Офицеръ, дай на водку! Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе . . .“

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небо-

---

[1]) Извѣстный генералъ Ермоловъ.

склонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни, кой-гдѣ изъ подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика. — „Завтра будетъ славная погода!“ сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— „Что же это?“ спросилъ я.

— „Гутъ-Гора.“

— „Ну, такъ что жъ?“

— „Посмотрите, какъ курится.“

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, — такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей[1]), и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана . . .

— „Намъ придется здѣсь ночевать,“ сказалъ онъ съ досадою: „въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что, были ль обвалы на Крестовой (горѣ)?“ спросилъ онъ извозчика.

„Не было, господинъ,“ отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ: „а виситъ много-много.“

II.

За неимѣніемъ комнаты для пріѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ.

Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову. Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери.

Тутъ открылась картина, довольно занимательная. Широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По

[1]) Сакля — хижина кавказскаго горца.

серединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такою густою пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! — мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— „Жалкіе люди!“ сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи. — „Преглупый народъ!“ отвѣчалъ онъ. „Повѣрите ли? Ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы — хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!“

— „А вы долго были въ Чечнѣ?“

— „Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода — знаете?“

— „Слыхалъ.“

— „Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы. Нынче, слава Богу, смирнѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, — ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!“

Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ.

„Не хотите ли подбавить рому?“ сказалъ я моему собесѣднику: „у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.“

— „Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.“

— „Что такъ?“

— „Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ нáвеселѣ; да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: иной разъ цѣлый годъ живешь — никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!“

III.

Чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала

намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли, по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти; и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-Гору. Мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ: казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще вчера отдыхало на вершинѣ Гутъ-Горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать: кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ. Вотъ наконецъ мы взобрались на Гутъ-Гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы совершенно о немъ забыли . . .

— „Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ?“ сказалъ я штабсъ-капитану.

— „Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, т. е. привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.“

— „Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?“

— „Разумѣется, если хотите, оно и пріятно; только все жъ потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: что за край!“ И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую, и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить на вѣки. Солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ

особенное вниманіе. „Я говорилъ вамъ,“ воскликнулъ онъ: „что нынче будетъ погода[1]); надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ закричалъ онъ ямщикамъ. Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобы они не раскатывались; взяли лошадей подъ-уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки.

Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой — осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ-уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ, — а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: — „И, баринъ! Богъ дастъ, не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые!“ И онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали . . .

VI.

Итакъ, мы спускались съ Гутъ-Горы въ Чертову долину (названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова „черта“, ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи). Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія милыя мѣста нашего отечества.

— „Вотъ и Крестовая!“ сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, — указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо него вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извозчики объявили, что обваловъ еще не было, и, сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги, и уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались: лошади падали: налѣво зіяла разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяною корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору — двѣ версты въ два часа. Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ, какъ Соловей-разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока.

---

1) Тутъ погода въ смыслѣ: непогода, дождь, буря.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобы достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе.

— „Плохо!“ говорилъ штабсъ-капитанъ: „посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ; того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, рѣка такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ это мнѣ Азія! Что люди, что рѣчки — никакъ нельзя положиться!“ Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали. упирались, не хотѣли ни за что на свѣтѣ тронуться съ мѣста. „Ваше благородіе,“ сказалъ наконецъ одинъ: „вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ: не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется — вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку,“ прибавилъ онъ, указывая на осетина. — „Знаю, братецъ, знаю безъ тебя!“ сказалъ штабсъ-капитанъ. „Ужъ эти бестіи! Рады придраться, чтобы сорвать на водку.“

— „Признайтесь однако,“ сказалъ я: „что безъ нихъ намъ было бы хуже.“

— „Все такъ,“ пробормоталъ онъ: „Ужъ эти мнѣ проводники! Чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться; будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.“ Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоящаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева насъ приняли радушно. Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; мятель утихла, небо прояснилось, и мы отправились.

58. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ 2 октября 1809 года. Родители его были люди совсѣмъ простые, хотя и достаточные, и на воспитаніе ребенка никто не обращалъ никакого вниманія. Онъ рано полюбилъ природу, убѣгая на цѣлые дни въ лѣсъ и степь. Грамотѣ и первоначальной ариѳметикѣ научился Кольцовъ у одного семинариста, а затѣмъ его отдали въ Воронежское уѣздное училище, гдѣ онъ пробылъ недолго — всего 1 годъ 4 мѣсяца, такъ какъ отецъ его, торговавшій скотомъ, желалъ имѣть въ своемъ сынѣ помощника въ торговомъ дѣлѣ и потому не находилъ нужнымъ давать ему

больного образаванія. Съ 12 лѣтъ Кольцовъ начинаетъ помогать отцу: лѣтомъ живетъ въ степи, наблюдая за стадами, зимою — ѣздитъ по селамъ и базарамъ скупать скотъ. При такой жизни онъ познакомился съ степной природой и крестьянской жизнью. Всѣ деньги, которыя отецъ ему давалъ на лакомство, онъ еще въ училищѣ употреблялъ на покупку книгъ; онъ продолжаетъ читать книги, пока случайно не попалась ему книжка стиховъ, которымъ онъ пробуетъ подражать. Первые стихи его были неумѣлы, но друзья его своими совѣтами помогали ему выбраться на настоящую дорогу. Въ 1830 году нѣкоторыя его стихотворенія появились въ печати, имя Кольцова становится извѣстнымъ, а въ 1835 году выходитъ въ свѣтъ книжка съ 18 стихотвореніями Кольцова. Предметомъ ихъ служатъ любимая имъ степь и близкая его сердцу крестьянская жизнь. Эта книжка сдѣлала его знаменитымъ, и въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1836 году онъ находитъ у всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей, въ особенности же у Пушкина, самый радушный пріемъ.

По возвращеніи своемъ оттуда, Кольцовъ до конца своей жизни жилъ въ Воронежѣ, дѣля время между поэзіей и торговыми дѣлами отца. Хотя онъ и мечталъ переселиться въ столицу, но сдѣлать этого ему не удалось. Онъ умеръ еще совсѣмъ молодымъ въ 1843 году.

59. Раздумье селянина.

Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.
Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны́, сохи,
Коня-пахаря. . .

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ,
Силу крѣпкую;
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.
Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

60. Старая пѣсня.

Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная — могучая,
Царя грознаго, московскаго;
Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее —
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.
И пришла она, незваная,
Къ царству славному Казанскому —
Къ басурману — хану лютому,
Къ своему недругу заклятому.

И куда еще спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ, —
Стѣны крѣпкія разрушила
И пошла гулять по городу.

Воеводы раты храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ татаръ по улицамъ;
А на башнѣ съ русскимъ знаменемъ
Юный царь стоитъ, какъ солнышко!

61. Крестьянская пирушка.

Ворота́ тесо́вы
Растворилися;
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали.
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись,
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку[1]).
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные[2]).
На сосновыхъ скамьяхъ.
Сѣли званые[3]).
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя!
Бахромой, кисеей[4])
Принаряжена[5]),
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькаго[6]),
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмельною[7])
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ,[8])
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ[9])
Обносила кругомъ
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ, ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ[10])
Про хлѣба, про покосъ.
По старинушку:
„Какъ-то Богъ-Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?“
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись[11]),
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ.
Отъ воротъ поворотъ
Видѣнъ по снѣгу.

---

[1]) Чистая половина крестьянской избы, назначенная для пріема гостей. [2]) Убранные, уставленные посудою. [3]) Приглашенные, т. е. гости. [4]) Тонкая ткань изъ хлопка. [5]) Одѣтая, украшенная [6]) Спиртнаго напитка. [7]) Напитокъ въ родѣ пива. [8]) Угощаетъ. [9]) Медъ, разбавленный на спиртъ, приготовленный для питья. [10]) Говорятъ. [11]) Признакъ близости разсвѣта.

62. Могила.

Чья эта могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа,
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ
И свѣжею кровью,
Горячею, брызнулъ
На русскую быль[1])? . . .
Или молодая
Жница, поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его,
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ, на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ[2]) дитя? . . .
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;[3])
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы! . .

63. Ночлегъ чумаковъ.[4])

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ:
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между́ возовъ огонь горитъ;
На таганѣ[5]) котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые[6]), сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ тамъ развлечены?
Бывало, часто ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной. . .

---

[1]) Траву. [2]) Вм. положено. [3]) Растеніе. [4]) Ломовые извозчики на волахъ въ Малороссіи. [5]) Треножникъ. [6]) Смуглые

Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли . . .
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя [1]) сыновъ . . .

И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны . . .

64. Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?
Что, Бова-силачъ[2]),
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался . . .
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль было —
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная . . .
У тебя ль было —
Въ дни роскошества:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются . . .
У тебя ль было —
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ — холодомъ.
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ,
Держи около! . . .“
Закружитъ она, разыграется . . .
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься. —
Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ . . .
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море . . .
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ;
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье[3]) . . .
Такъ то, темный лѣсъ,

[1]) Стар. родит. падежъ ед. числа. [2]) Дѣйствующее лицо одной русской народной сказки. [3]) Непогода, ненастье.

Бгоатырь-Бова,
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами,
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой[1])

65. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней — десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю!

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ[2]) съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю . , .
Ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая.
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну, тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы.
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

66. Урожай.

Краснымъ полымемъ[3])
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день.
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя[4]) горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила

[1]) Покончили съ тобой очень легко. [2]) Вдвоемъ. [3]) Пламя. [4]) Вмѣсто темени.

Свою родину . . .
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго . . .
Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ,
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко.
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости[1])
Ждали съ трепетомъ
И молитвою . . .
Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ[2])
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали,
Богу-Господу
Помолилися.
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать . . .
Посмотрю, пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ.
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается.
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ, лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается . . .
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко, —
Жатва кончена;
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

67. Косарь.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю . . .
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая —
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черные
Лежатъ скобкою;

[1]) Дождя. [2]) Вмѣстѣ, вереницею, гуськомъ.

Что работаю —
Все мнѣ спорится[1]).
Да, въ несчастный день
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью.
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку,
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
На отрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки;
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ — травой
Разстилается!...
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко, ты, степь
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Въ ней хотѣлося...
Раззудись[2]), плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На ряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ.
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной!

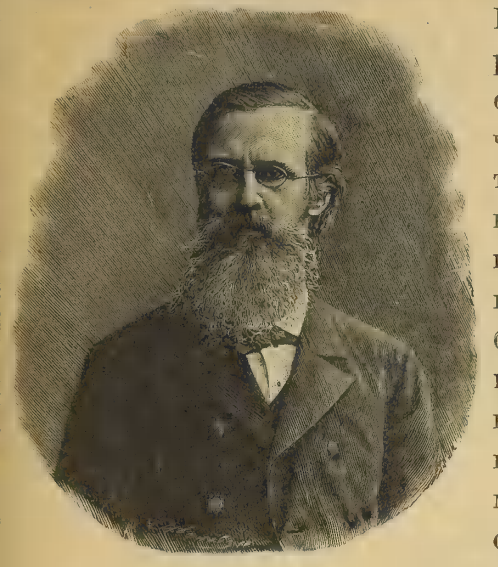
68. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился 23-го мая 1821 года въ старинной дворянской семьѣ. Среди предковъ его было немало замѣчательныхъ людей, любившихъ и занимавшихся искусствомъ. Отецъ его, отставной офицеръ, участвовавшій въ битвѣ подъ Бородиномъ, сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ художникомъ. Въ домѣ Майкова часто собиралось общество, состоявшее изъ ученыхъ, художниковъ, музыкантовъ и писателей. Такіе люди окружали будущаго поэта въ дѣтствѣ, которое онъ провелъ въ деревнѣ. 12 лѣтъ, отвезли его въ Петербургъ, гдѣ онъ настолько прекрасно учился, что 16 лѣтъ могъ

---

[1]) Удается. [2]) Раззудиться — раззадориться, возымѣть сильное желаніе что-либо сдѣлать.

поступить въ петербургскій университетъ, который и окончилъ черезъ 4 года. Семья его тѣмъ временемъ уже перебралась въ Петербургъ. Уже съ 15 лѣтъ

Майковъ началъ писать стихи въ домашнихъ рукописныхъ журналахъ: съ 1838 года слухи о его стихотвореніяхъ проникаютъ въ публику, черезъ 2 года появляются въ печати нѣкоторыя его произведенія, а въ 1842 году вышла въ свѣтъ первая книжка его стиховъ, имѣвшая чрезвычайный успѣхъ. На ряду съ поэтическимъ талантомъ Майковъ обладалъ большимъ даромъ живописи и Государь Николай Павловичъ, восхищенный стихами и картиной Майкова, даровалъ ему средства на путешествіе въ Италію, бывшее завѣтной мечтой Майкова. По возвращеніи оттуда онъ окончательно посвятилъ себя литературѣ. Изъ числа написанныхъ имъ стихотвореній наибольшей извѣстностью пользуются его патріотическія произведенія „Кто онъ“ и „Картинка“. Вся послѣдующая жизнь поэта протекла въ Петербургѣ; онъ все время состоялъ на службѣ и достигъ высокихъ чиновъ. Скончался онъ 8-го марта 1897.

69. Звуки ночи.

О ночь безлунная!... Стою,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка подъ ризою твоей!
Кругомъ — стеклянный звонъ ліющихся ключей;
Тамъ — листикъ задрожалъ подъ каплею алмазной;
Тамъ — пташки полевой свистокъ однообразный;
Стрекозы, какъ часы, стучатъ между кустовъ;
По рѣчкѣ, въ камышахъ, отъ топкихъ островов,
Съ разливовъ хоры жабъ несутся, какъ глухіе
Органа дальняго аккорды басовые,
И царствуетъ надъ всей гармоніей ночной,
По вѣтру, то звончѣй, то въ тихомъ замираньи,
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звѣзды... Нѣтъ, и тамъ, по тверди голубой,
Въ ихъ металлическомъ сіяньи и движеньи
Мнѣ чувствуется гулъ ихъ вѣчнаго теченья.

70. Осень въ лѣсу.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу;
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.
Съ холоду щеки горятъ;
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣднiй орѣхъ,
Свянулъ послѣднiй цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...
Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой
И, какъ безумный, пою!

71. Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Нарстурцiй[1]) въ немъ огненный кустъ...
Мнѣ грустно! Меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.
Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...
А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!
Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!
И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!
И вотъ ихъ гнѣздо одиноко:
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

72. Нива.

По нивѣ прохожу узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкою лебедой.
Куда ни оглянусь — овсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду, я наклоняясь,

1) Настурцiя — родъ садовыхъ цвѣтовъ оранжеваго цвѣта.

Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!... О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
И жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ — на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ абмарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
Гуськомъ[1]), какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бечевой[2]) по влагѣ[3]) ударяя...
О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба; —
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

73. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.
Только — вотъ рыбачья хата.
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился и вздыхалъ.
Всадникъ подлѣ; онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „Здравствуй, дѣдъ!“
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.
Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди да у моря сиди.
„Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака —
То жъ, что бабѣ веретена
Али конь для сѣдока.
„Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ: ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ...
„Чуть кого вдали завидишь,
Смотришь, въ лѣсъ бы...Вѣдь грѣшно...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...
„Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!...
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ.“
Всадникъ прочь съ коня и, молча
За работу принялся.
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.
Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото,
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ, что рѣшето.
„Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,

---

[1]) Другъ за другомъ по одному въ рядъ. [2]) Веревкой. [3]) Водѣ.

Да закинуть сѣть на счастье,
На Петрово, попытай."
— На Петрово! Эко слово
Молвилъ! думаетъ рыбакъ:
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ. . .
А по рѣчи . . . Какъ же такъ? . . .
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

74. Въ Кремлѣ.

Вхожу ли въ старый Кремль, откуда взглядъ привольно
Покоится на всей Москвѣ первопрестольной,
Въ соборы ль древніе, съ гробницами царей,
Первосвятителей; когда кругомъ читаю
На декахъ ихъ имена, а возлѣ нихъ внимаю
Молитвы шопоту притекшихъ къ нимъ людей, —
А тамъ въ сіяніи иконъ святые лики,
И мѣсто царское, и патріаршій тронъ,
А между тѣмъ гудитъ, гудитъ Иванъ Великій,
Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущій звонъ, —
Благоговѣніемъ душа моя объята,
И все мнѣ говоритъ: „сіе есть мѣсто свято! . . ."
Смотри: когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ святого Спаса
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ, —
Бесѣда вѣщая таинственно велася
Здѣсь межъ святителемъ и княземъ.
Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыка
На собираніе народа своего.
Святителевъ завѣтъ исполнился великій:
Помалу собралась вкругъ Бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся Русская земля,
И каждый градъ свою здѣсь церковь строилъ,
И высилась Москва! . . .

75. Три правды.

1. Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти;
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что же? птичка
Говоритъ ему по-человѣчьи:
„Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
Я тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,
И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!"
„Чудеса Господни, да и только!"
Думаетъ купчина: „эко диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!"
— Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды!
Скажешь дѣло — выпущу на волю.

2. — „Ну, такъ слушай," молвила пичуга:

„Плачь не плачь, что было — не воротишь;
Не тянись за тѣмъ, что не подъ-силу,
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ!
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды.“
— Ну, сказалъ купецъ, оно немного,
И въ торговлѣ — тертая монета![1])
Плачь не плачь, что было—не воротишь.
Гдѣ ты, значитъ, лишнее просадишь,
Хоть расплачься, не поможешь горю;
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ
Да гляди ужъ въ оба. Знаемъ это!
Не тянись за тѣмъ, что не подъ-силу.
Мало ль тутъ у насъ ошмыгъ-то[2]) ходитъ!
Торговалъ лѣтъ двадцать, сбилъ копейку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись.
Не учить насъ стать и этой правдѣ!
А — не вѣрь людскимъ словамъ и толкамъ . . .
Ужъ на что жъ еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата?
Нѣтъ ужъ, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки.
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли[3]).
Ну, такъ какъ же? что съ тобой мнѣ дѣлать?
Ты сама-то проку небольшого.
Аль пустить ужъ уговора ради?
Ну, ступай себѣ, Господь съ тобою!
3. И пустилъ купецъ на волю птичку;
Заложилъ самъ за спину онъ руки
И пошелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Подъ носомъ шмыгнетъ, на вѣтку сядетъ
И звенитъ-гремитъ, что колокольчикъ,
И, выходитъ, словно какъ смѣется.
„Ты никакъ,“ купецъ спросилъ, „смѣешься?“
Я смѣюсь, на вашу братью глядя.
— Ничего! пичуга отвѣчала:
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,
Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ,
Еслибъ ты моихъ не слушалъ басенъ
И пошелъ да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы брилліантикъ —
Не соврать-сказать — величиною,
Что яйцо куриное, не меньше!
А о томъ вѣдь только, чай, и мысли,
Чтобъ весь свѣтъ въ мошну къ себѣ упрятать!
За умомъ, знать, только дѣло стало!“
4. У купца ажъ[4]) ноги подкосились;
Весь сомлѣлъ[5]) и руки растопырилъ.
„Какъ же такъ далъ маху! ахъ, мой Боже!
Какъ-нибудь поправить надо дѣло.“
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
Рѣчь повелъ сторонкой, осторожно,
Будто самъ съ собою разсуждаетъ:
„Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ:
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще, какъ лѣто;
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ — все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи,
И живи, что въ царствіи небесномъ!
Право, ты вѣдь умница, пичужка,
Разсудить могла бы не по-птичьи!“
5. А пичуга пуще заливалась:
„Ахъ, купецъ, купецъ ты именитый!
Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
На словахъ, поди ты, что на гусляхъ,
А на дѣлѣ — хуже балалайки!
Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь не плачь, что было—не воротишь.

---

[1]) Ничего не стоитъ. [2]) Бѣдняковъ. [3]) Въ этомъ мы опытны. [4]) Даже. [5]) Растерялся.

Упустилъ меня и ужъ горюешь!
Съ горя всѣ дѣла, пожалуй, кинешь.
Не тянись за тѣмъ, что не подъ-силу;
А ко мнѣ какъ началъ подступаться!
И найдись теперь какой пройдоха[1]),
Посули меня тебѣ представить,
Капиталъ ему по каплѣ спустишь!
Самъ людскимъ смѣялся толкамъ глупымъ;
Моему же, птичьему, повѣрилъ.

Ну, какой во мнѣ быть можетъ камень,
И какой еще величиною!
Что яйцо куриное! ишь, умникъ!
А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ—
Вся то я не болѣе наперстка!"
Обругалъ купецъ пичугу, плюнулъ,
Увидалъ, что въ дуракахъ остался;
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай,
Разсказалъ почти что передъ смертью...

76. Дурочка Дуня.

1. Всѣмъ довольна я, старушка:
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка;
Хоть мала, да можно жить!
У меня — семья большая;
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ...
Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка,
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка,
Просто, дурочка была;
Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; что ни дай
Ей, хоть шелковое платье,
Вмигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!
Благородныя дѣвицы
Къ намъ прiѣдутъ. — „Да поди!"
Говорю: „тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди!"
— Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего! — „Какъ такъ?„
— Что мнѣ съ этакими злыми!...
И забьется на чердакъ.
Только встала — полетѣла!...
Всю деревню обѣжитъ!...
Это — первое ей дѣло:

Все друзья вѣдь. Просто, стыдъ!
Свадьба ль въ домѣ — все равно ей.
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!
Мать учить начнетъ, бывало;
Говоритъ, подчасъ и бьетъ...
Какъ къ стѣнѣ горохъ! нимало,
То-есть ухомъ не ведетъ.
Ну, ее жъ за то и гнали:
Вѣчно съ нею воркотня[2]);
На хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я.
И она какъ будто чуетъ
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, — цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ,
Надорветъ мое сердечко...
„Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!"
„Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?" говорю
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю[3]).
Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей;

[1]) Обманщикъ. [2]) Ссора. [3]) Браню.

Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.
Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ разревутся,
И унять потомъ нельзя.
Въ снѣгъ — на улицу и скачетъ!
А возьмутъ ее домой,
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно, какъ чужой.
Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.
Мы видали, — къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ...
Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой;
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.
И жила она немного.
Видимъ, — нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лѣчить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не итти.
Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повезти бы по мощамъ.
Ну, да лѣтомъ недосужно[1]):
Жатва, сѣвы, знаешь самъ...

2. Вотъ и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: „Гдѣ ты пропадала?“
Вздоръ разсказываетъ намъ, —
Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;
Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ растетъ, что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;
Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы изъ всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;
Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями,
А они все не сдались;
Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;
Вавилонская царица
Тамъ какая то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;
Да безумная невѣста...
Но всего не передать.
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...
Только видимъ, — дѣвка бредитъ;
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ придетъ зима.
Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

3. Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей.
Разъ ушла она; мы ждали.
Нѣтъ! Ужъ поздно мы за ней
Разослали по сосѣдямъ.
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ.
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...

[1]) Некогда.

„Взглянь-ка,“ говорю я, „Саша,“
А сама-то вся дрожу.
„Что тамъ? Ужъ не Дуня ль наша?“
Такъ и есть! Она!... Гляжу, —
Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...
Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...
Послѣ все ужъ мы узнали.
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.
У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ:
Такъ, пятнадцатый годокъ.
Съ нимъ-то наша и сошлася
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.
И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ[1]),
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жъ.
Гдѣ же ей пройти лѣсами;
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужъ, видно, суждено!
Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ недолго жить даетъ
Юродивымъ[2]). Божьи дѣти:
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ.
Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хоть соображенья
Вовсе не было у ней,
Хоть пути въ ней было мало
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жъ замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ...

77. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ родился въ городѣ Уфѣ въ 1791 году. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Отецъ его служилъ чиновникомъ въ Уфѣ, гдѣ прошли первые годы жизни Аксакова. Послѣ смерти дѣда Аксаковы переѣхали въ доставшуюся имъ отъ него по наслѣдству деревню, и здѣсь подъ крыломъ у безумно любившей его матери счастливо и привольно текло дѣтство Аксакова. 10 лѣтъ онъ поступилъ въ Казанскую гимназію, но уже 14 лѣтъ сталъ студентомъ, такъ какъ въ то время открылся Казанскій университетъ, и ученики старшихъ классовъ гимназіи были записаны въ

[1]) Дорога, путь, путешествіе. [2]) Юродивый — уродливый, полуумный, человѣкъ, лишенный отъ природы здраваго смысла.

студенты. Въ 1808 году семья Аксаковыхъ переѣхала въ Петербургъ, гдѣ Аксаковъ поступилъ на государственную службу; около 1812 года онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался хозяйствомъ, будучи въ то же время страстнымъ охотникомъ и рыболовомъ. Въ 1826 году онъ поселился въ Москвѣ на постоянное жительство, поступивъ въ 1827 году снова на службу. Хотя Аксаковъ началъ писать еще 16 лѣтъ, но прославившія его сочиненія всѣ написаны имъ въ зрѣломъ возрастѣ. Первыми появились его „Записки объ уженьи рыбы“ и „Записки ружейнаго охотника“, имѣвшія громкій успѣхъ. Затѣмъ вышли въ свѣтъ „Семейная хроника“, „Дѣтскіе годы Багрова внука“ „Воспоминанія“. Въ своихъ сочиненіяхъ Аксаковъ съ любовью описываетъ: русскую природу и охоту, свое дѣтство, преданія своего семейства и вообще всю старинную дворянскую жизнь съ исключительно хорошей стороны. Всѣ его произведенія написаны прекраснымъ языкомъ и отличаются живыми изображеніями не только людей, но и животныхъ. Отдѣльныя мелкія сочиненія Аксакова продолжали появляться въ журналахъ вплоть до его смерти, послѣдовавшей въ 1859 году.

78. Изъ Семейной хроники.

1. Степанъ Михайловичъ Ба́гровъ[1]).

Степанъ Михайловичъ Багровъ, такъ звали дѣдушку, былъ небольшого роста. Но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистыя руки, каменное, мускулистое тѣло обличали въ немъ силача. Въ юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей, на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды страхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнетъ вѣтеръ. Не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ. Его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ и свѣтелъ. Онъ не получилъ никакого образованія и русскую грамоту зналъ плохо. Но, служа въ полку, еще до офицерскаго чина, выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно, онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ. Я слышалъ, что онъ бывалъ часто употребляемъ для поимки волжскихъ разбойниковъ и что разбойники знали его въ лицо и боялись, какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Троицкомъ, Багровотожъ, и сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Приведя въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на Аннѣ Васильевнѣ Неклюдовой, небогатой дѣвицѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома.

---

[1]) Дѣдушка Аксакова.

2. Добрый день Степана Михайловича..

а) Утро.

Въ исходѣ іюня стояли сильные жары. Послѣ душной ночи потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ. Проснулся дѣдушка, высунулъ голову изъ-подъ полога¹) и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никанорка Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу въ карикатурно-живописныхъ положеніяхъ. „Экъ храпятъ собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Послѣ такого сильнаго словеснаго приступа слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ²) въ бокъ спящаго или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ. Но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги и вышелъ на крыльцо. Никого не безпокоя, онъ самъ, досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда на чуланѣ, подостлалъ его подъ себя на верхней ступени крыльца и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидались у того же крыльца. Заходили также и коровы, и овцы. Но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, напротивъ, любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ.

б) Въ полѣ.

Накушавшись чаю и поговоривъ о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Старый бурый меренъ³), запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, т.-е. просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ, краснымъ поясомъ. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла, какъ стѣна. Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы⁴) и всѣ яровые хлѣба. потомъ отправился въ паровое⁵) поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни. Всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги. Если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую черезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого родился хлѣбъ хорошо и у кого плохо.

---

¹) Пологъ — занавѣсъ, окружающій кровать со всѣхъ сторонъ. ²) Палкой. ³) Конь. ⁴) Колосистое хлѣбное растеніе, среднее между пшеницей и ячменемъ. ⁵) Поле, которое пашутъ лѣтомъ для озимыхъ посѣвовъ.

в) Обѣдъ.

Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги, кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. Запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. У дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля рано или поздно, — чтобъ кушанье стояло на столѣ. Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Но въ этотъ блаженный день все шло какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николай Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи дѣдушка хлѣбалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы. Обѣдъ былъ превеселый . . . Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись. Но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками. Дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно.

г) Отъ обѣда до вечера.

Послѣ обѣда онъ сейчасъ легъ спать. Скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Только духота скоро ихъ разбудила. Захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки. Въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ. и требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги. Когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ, Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрешняго проснулся баринъ, и первое его слово было: „Студеной бражки“. Перепугались лакеи. Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами. Она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся. Дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги. И что жъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка? . . . Расхохотался, послалъ за Аришей и за дочерьми и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и

даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился. Грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „Ну, Богъ проститъ на этотъ разъ; но если въ другой . . .“; договаривать было не нужно.

д) Вечеръ.

Накушавшись досыта чаю, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать на мельницу. Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ. Рыба играла и плескалась безпрестанно. „Пора домой; староста, чай, ждетъ меня“, сказалъ онъ. Степанъ Михайловичъ не ошибся. У крыльца его ожидалъ староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ. Нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности и просьбы, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе квасного стакана, домашняго крѣпкаго вина. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой, заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулаки и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы. Но дѣдушка, досыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

3. Материнская любовь.

Осенью, когда я сталъ больше сидѣть дома, больше слушать и больше смотрѣть на мою мать, то сталъ примѣчать въ ней какую-то перемѣну: прекрасные глаза ее устремлялись иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ тайной грусти: я подглядѣлъ даже слезы, старательно отъ меня скрываемыя. Встревоженный и огорченный, я приставалъ съ разспросами къ моей матери. Сначала она увѣряла меня, что это такъ, что это ничего не значитъ; но скоро въ ея разговорахъ со мной я началъ слышать, какъ сокрушается она о томъ, что мнѣ не у кого учиться, какъ необходимо ученье мальчику; что она лучше желаетъ умереть, нежели видѣть дѣтей своихъ, выростающихъ невѣждами: что мужчинѣ надобно служить, а для службы необходимо учиться . . . Сердце жалось у меня въ груди, я понялъ, къ чему клонится рѣчь, понялъ, что бѣда не прошла, а пришла и что мнѣ не уйти отъ казанской гимназіи. Мать подтвердила мою догадку и сказала, что она

рѣшилась; а я зналъ, что ея рѣшенья тверды. Нѣсколько дней я только плакалъ и ничего не слушалъ и какъ будто не понималъ, что говорила мнѣ мать. Наконецъ, ея слезы, ея просьбы, ея разумныя убѣжденія, сопровождаемыя нѣжнѣйшими ласками, горячность ея желанія видѣть во мнѣ образованнаго человѣка были поняты моей дѣтской головой, и съ растерзаннымъ сердцемъ я покорился ожидающей меня участи. Всѣ мои деревенскія удовольствія вдругъ потеряли свою прелесть: ни къ чему меня не тянуло, все смотрѣло чужимъ, все опостылѣло[1]), и только любовь къ матери выросла въ такихъ размѣрахъ, которые пугали ее. Меня стали приготовлять къ школьному ученью. Для своего возраста я читалъ, какъ нельзя лучше, но писалъ по-дѣтски. Отецъ еще прежде хотѣлъ мнѣ передать всю свою ученость въ математикѣ, то-есть первыя четыре ариѳметическія правила, но я такъ непонятливо и лѣниво учился, что онъ бросилъ ученье. Тутъ все перемѣнилось: въ два мѣсяца я выучилъ эти четыре правила, которыя только одни изъ всей математики и теперь не позабыты мной; въ остальное время до отъѣзда въ Казань, отецъ только повторялъ со мною зады, въ списываніи прописей я достигъ также возможнаго совершенства. Все это я дѣлалъ на глазахъ у своей матери и единственно для нея. Она сказала мнѣ, что сгоритъ со стыда, если меня не похвалятъ на экзаменѣ, который надобно было выдержать именно въ этихъ предметахъ, при вступленіи въ гимназію, что она увѣрена въ моихъ отличныхъ успѣхахъ, — этого было довольно. Я не отходилъ отъ матери ни на шагъ. Напрасно посылала она меня погулять или посмотрѣть на голубей и ястребовъ. Я никуда не ходилъ и всегда отвѣчалъ одно: „мнѣ не хочется, маменька". Съ намѣреніемъ пріучить меня къ мысли о разлукѣ, мать безпрестанно говорила со мною о гимназіи, объ ученьи, непремѣнно хотѣла впослѣдствіи отвезти меня въ Москву и отдать въ университетскій благородный пансіонъ, куда нѣкогда опредѣлила она, будучи еще семнадцатилѣтней дѣвушкой, прямо изъ Уфы, своихъ братьевъ. Умъ мой былъ развернутъ не по лѣтамъ: я много прочелъ книгъ для себя и еще болѣе прочелъ ихъ вслухъ для моей матери; разумѣется, книги были старше моего возраста. Надобно къ этому прибавить, что все мое общество составляла мать, а извѣстно, какъ общество взрослыхъ развиваетъ людей. Итакъ, она могла говорить со мной о преимуществахъ образованнаго человѣка передъ невѣждой, и я могъ понимать ее. Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла всѣмъ моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея пламенное желаніе, оправдать ея надежды, что я, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань. Мать моя казалась бодрою и веселою; но чего стоили ей эти усилія! Она худѣла и желтѣла съ

[1]) Опротивѣло.

каждымъ днемъ: никогда не плакала и только болѣе обыкновеннаго молилась Богу, заперпись въ своей комнатѣ.

Вотъ гдѣ было настоящее торжество безграничной, безкорыстной, полной самоотверженія, материнской любви! Вотъ гдѣ доказала мнѣ мать любовь свою! Я былъ прежде больной ребенокъ, и она нѣкогда проводила цѣлые годы безотлучно у моей дѣтской кровати; никто не зналъ, когда она спала; ничья рука, кромѣ ея, ко мнѣ не прикасалась. Впослѣдствіи она перешла весною, въ растополь, страшную, посинѣвшую рѣку Каму, уже ни для кого непроходимую, ежеминутно готовую взломать свои льды, — узнавъ, что тоска меня одолѣла и что я лежу въ больницѣ . . . Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ рѣшимостью отдать въ гимназію свое ненаглядное, слабое, изнѣженное, буквально обожаемое дитя, по девятому году, на казенное содержаніе, за четыреста верстъ, потому что не было другихъ средствъ доставить ему образованіе.

79. Изъ „Записокъ ружейнаго охотника“.

1. Голубь.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемою[1]) чистоты, кротости и любви, и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми ветхо- и новозавѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками. Слова ласки и сожалѣнія: голубчикъ и голубушка постоянно слышны въ рѣчахъ простого народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живутъ мужъ съ женою, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собою пріятели и пріятельницы, и непремѣнно скажутъ: „они живутъ, какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга“; желая выразить чье-нибудь простодушіе и доброту, говорятъ: „у него голубиная душа“; сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: „охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя“.

Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ; какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла; какая круглота, мягкость въ очертаніи его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго; все такъ кротко, спокойно, граціозно.

Всѣ изъявленія его чувства до такой степени мягки, кротки и робки, что даже любовь къ дѣтямъ, при угрожающей имъ очевидной опасности, не оказывается никакими стремительными, смѣлыми порывами. Мнѣ случалось много разъ подходить близко къ дереву, на которомъ находилось гнѣздо съ голубятами, даже влѣзать на него, — и голубь съ голубкой не бросались на

---

[1]) Эмблема — образецъ.

меня, какъ болотные кулики, не отводили въ сторону, прикидываясь, что не могутъ летать, какъ то дѣлаютъ утки и тетеревиныя курочки: голуби, перелетывали робко съ дерева на дерево, тоскливо повертываясь, подвигаясь или переступая вдоль по сучку, на которомъ сидѣли, безпрестанно мѣняя мѣсто и приближаясь къ человѣку, по мѣрѣ его приближенія къ дѣтямъ; едва были слышны какіе-то тихіе, грустные, ропотные, прерывающіеся звуки, не похожіе на ихъ обыкновенное воркованье. Однимъ словомъ, голубиная кроткая природа вполнѣ выражалась и тутъ.

2. Зайцы.

Заяцъ имѣетъ въ себѣ замѣчательную особенность. Заднія ноги его гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно эластическими[1]), крѣпкими, сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ, и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Присѣвъ на заднія ноги, упершись въ какое-нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротой и силой разогнуть ихъ, что, буквально, бросаетъ на воздухъ все свое тѣло. Едва обопрется онъ о землю передними лапками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчокъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіей, вытянутою въ воздухѣ. Безъ сомнѣнія, быстротѣ прыжковъ много способствуетъ крѣпость спинного хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бѣжать подъ гору и, наоборотъ, очень ловко — на гору. Перваго онъ всегда избѣгаетъ. Но, вынужденный иногда къ тому преслѣдованіемъ враговъ, преимущественно борзыхъ собакъ, онъ нерѣдко скатывается кубаремъ съ вершины до самой подошвы горы.

Заяцъ не ходитъ, а только прыгаетъ. Онъ даже не можетъ стоять вдругъ на всѣхъ четырехъ ногахъ. Какъ скоро онъ останавливается на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги: такъ онѣ длинны. Онъ особенный мастеръ вдругъ сѣсть на всемъ бѣгу. Шея у зайца не повертывается: онъ не можетъ оглянуться назадъ. Услыхавъ какой-нибудь шумъ сзади или сбоку, онъ упирается на заднія ноги, перекидываетъ всего себя въ ту сторону, откуда послышался шумъ, садится на корточки, какъ сурокъ и насторожитъ свои длинныя уши.

Зайцы травоядныя животныя, хотя имѣютъ очень острые зубы, которыми больно кусаются, если возьмутъ ихъ въ руки неловко (живого зайца должны всегда держать за уши и заднія ноги). Когда есть трава, зайцы питаются ею, также древесными листьями, всякими хлѣбными посѣвами и особенно любятъ озимь. Зимою гложутъ они древесную кору, продпочтительно молодыхъ осинъ и кустовъ, а въ степяхъ всякую травяную ветошь, разгребая для того своими лапками довольно большіе снѣжные сугробы. Плодовые сады могутъ жестоко

[1]) Эластическій — упругій.

пострадать отъ зайцевъ въ продолженіе зимы, если не будутъ приняты извѣстныя предохранительныя мѣры. Русаки[1]) — большіе охотники до хлѣбной пищи, поэтому ближайшіе отъ деревень постоянно посѣщаютъ хлѣбныя гумна, даже ложатся въ нихъ на день и, несмотря на ежедневныя крестьянскія работы, остаются спокойно на своихъ лóговахъ. Такихъ русаковъ называютъ гуменниками. Я много разъ самъ нахаживалъ русаковъ на гумнахъ и бивалъ ихъ. Одинъ разъ при мнѣ поймали у самой риги русака въ огромной кучѣ длинныхъ дровъ, куда онъ залѣзалъ на день. Крестьянинъ, сушившій ригу, замѣтилъ на зарѣ, что заяцъ влѣзъ въ дрова, и заставилъ лазéю плахой. Хлѣбный русакъ до того бываетъ жиренъ, что, не видавши, трудно повѣрить.

3. Степь.

Въ Оренбургской губерніи всякое пространство никогда не паханной земли зовутъ степью. Такія степныя мѣста бываютъ чудно хороши весной — своею роскошною, свѣжею растительностью. Сочными, пышными, высокими трáвами и цвѣтами покрыта ихъ черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ. Въ благопріятный годъ степные сѣнокосы обильнѣе и лучше заливныхъ луговъ. Только по скáтамъ горныхъ хребтóвъ попадаются горныя породы мелкорослыхъ травъ. Особеннымъ ароматомъ наполняютъ онѣ воздухъ. Кто не ночевывалъ лѣтомъ въ нашихъ степяхъ, на покатостяхъ горныхъ кряжéй, тотъ не можетъ имѣть понятія о мягкомъ, живительномъ ихъ воздухѣ, который здоровѣе даже лѣсного. Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степного воздуха очевидно доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ кочевыхъ башкирцевъ. Они каждую весну выѣзжаютъ въ свои степные[2]) кочи исхудалые, изможденные голодною зимой. Да не приписываютъ возстановленія силъ употребленію одного кумы́са: онъ мало оказываетъ пользы безъ степного воздуха, безъ жизни въ степи.

Рано весной, какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ обсыхать прошлогодняя трава, начинаются степные пожары. Это обыкновеніе выпаливать прошлогоднюю сухую траву для того, чтобы лучше росла новая, не обходится иногда безъ дурныхъ послѣдствій. Огонь, раздуваемый и гонимый вѣтромъ, бѣжитъ съ неимовѣрною быстротою, истребляя на своемъ пути все, что можетъ горѣть, иногда и самыя деревни. Степные пожары въ темную ночь представляютъ великолѣпную картину. Въ разныхъ мѣстахъ то стѣны, то рѣки, то ручьи огня лѣзутъ на крутыя горы, спускаются въ долины и разливаются моремъ по гладкимъ равнинамъ. Все это сопровождается шумомъ, трескомъ и тревожнымъ крикомъ степныхъ птицъ. Хорошо, что степныя мѣста никогда не выгораютъ всѣ до тла, а то негдѣ было бы водиться полевой птицѣ. Мокрые долочки,

---

[1]) Одна изъ породъ зайцевъ. Всѣхъ породъ три: русаки, бѣляки и тумаки. [2]) Лѣса для кочевки.

перелѣски и опушки лѣсовъ съ нерастаявшимъ снѣгомъ останавливаютъ и прекращаютъ огонь, если нѣтъ по близости сухихъ мѣстъ, куда могъ бы онъ перебраться и даже перескочить. Это перескакиванье въ ночной темнотѣ бываетъ также очень живописно. Если лѣто дождливо, то роскошная растительность сохраняетъ свою свѣжесть до начала іюля и достигаетъ великолѣпныхъ размѣровъ. Къ концу іюня поспѣваетъ ранняя полевая клубника. Эта ароматная превосходная вкусомъ и цѣлебная для здоровья ягода родится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ удивительномъ изобиліи. Въ голой степи ея мало; но около перелѣсковъ и по долинамъ клубника родится сплошная и точно краснымъ сукномъ покрываетъ цѣлые загоны. Въ іюлѣ поспѣваетъ полевая вишня. Мѣста, гдѣ растетъ она, занимаютъ иногда огромное пространство и еще ярче краснѣютъ издали, чѣмъ клубника. Русскіе туземцы только сушатъ полевую клубнику для продажи и для употребленія во время поста, а всѣ азіатскія племена приготовляютъ изъ нея пастилу́, которая бываетъ очень вкусна. Вишню также сушатъ, а больше отдаютъ мѣста, гдѣ она растетъ, на съемъ пріѣзжающимъ нарочно для этого промысла торгашамъ, которые набираютъ вишенъ цѣлые десятки возовъ, бьютъ морсъ[1]) и увозятъ въ большихъ сосудахъ. Изъ этого мо́рса выгоняется превосходная водка. Но прежде нашествія человѣческаго нападаютъ на ягоды птицы.

80. Рыбы.

I.

Рыба живетъ въ водѣ; назначеніе рыбы — плавать въ водѣ, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушеннымъ хвостомъ. Для погруженія себя въ воду и стоянія на всѣхъ ея глубинахъ имѣетъ она во внутренности своей пузырь, лежащій вдоль спинного хребта, наполненный воздухомъ и перетянутый на двѣ неравныя половинки: должно предположить, что посредствомъ сжиманія этого пузыря рыба погружается внизъ или поднимается вверхъ.

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же водѣ: для однѣхъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и ти́нистое. Бо́льшая часть рѣкъ начинаются холодными, какъ ледъ, ключами; протекая на открытомъ воздухѣ, прогрѣваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками — онѣ постепенно теплѣютъ. Въ самой головѣ такихъ ключей или родниковъ живетъ форель, то есть пеструшка, кутема́ и лохъ, или красуля; за ними лошекъ, голецъ и налимъ. Потомъ появляются головль, плотва, окунь, щука и пескарь; далѣе — уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жѣрихи, а если вода велика, наконецъ — лещи́, лини́, ка́рпы и караси́. Нѣкоторые изъ поименованныхъ

1) Фруктовый сокъ.

породъ, какъ-то: гольцы и караси, могутъ жить и водиться въ водахъ самыхъ холодныхъ и самыхъ теплыхъ, въ самыхъ чистыхъ и въ самыхъ грязныхъ. Разумѣется, точность такого порядка иногда нарушается.

Итакъ, всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же рѣкѣ, если теченіе ея продолжительно, только однѣ выше, гдѣ вода холоднѣе и чище, а другія ниже, гдѣ вода теплѣе и мутнѣе; въ этомъ убѣдиться не трудно, изслѣдовавъ теченіе какой-нибудь порядочной рѣки. Въ водополье вода вездѣ одинакова; вездѣ мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая въ теплой, сравнительно, водѣ, поднимается вверхъ до самыхъ холодныхъ ключей; но при возвращеніи назадъ, если случайно что-нибудь захватитъ ее въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода для нея еще холодна, или, наоборотъ, скатится она слишкомъ низко, такъ что вода для нея окажется уже тепла — рыба или поднимается выше, или опускается ниже, только непремѣнно отыщетъ сродную ей теплоту. Если не можетъ этого сдѣлать въ тотъ же годъ, по причинѣ прудовыхъ затворовъ и рѣшетокъ, то непремѣнно сдѣлаетъ въ слѣдующую весну.

Непреодолимость такого стремленія къ обычной водѣ испытали многіе охотники, пробуя развести у себя въ пруду тѣ породы рыбъ, которыя водились въ той же самой рѣкѣ, только нѣсколько верстъ пониже. Всѣ усилія оказывались безполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днемъ и ночью, во всѣ времена года, держали сначала мѣсяца по два въ сáжалкахъ, загороженныхъ въ томъ же пруду, — ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверхъ, такъ что ее ловили верстъ за 15 выше; и потомъ вся безъ остатка скатывалась внизъ. Итакъ, оставалось одно средство; заставить рыбу выметать икру въ той самой водѣ, гдѣ назначалось жить ея потомству, и оно иногда удавалось.

II.

Хищныя породы рыбъ питаются мелкою рыбешкой; нехищныя — глотаютъ все, что ни попало; тѣмъ не менѣе питанье этихъ послѣднихъ иногда дѣло загадочное. Въ прудахъ, озерахъ и рѣкахъ, поросшихъ водяными травами и растеніями, рыба кормится ими и водящимися около нихъ водяными насѣкомыми и гадами. Это понятно, и всѣ рыбаки знаютъ, что самую питательную пищу представляетъ рыбѣ молодой камышъ, первые побѣги котораго на вкусъ сладки. Если подойти тихонько къ пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься — какой странный и неумолкаемый шумъ, даже чавканье производитъ рыба, кушая траву. Но чѣмъ питается нехищная рыба въ большихъ рѣкахъ, текущихъ всегда въ берегахъ песчаныхъ, на которыхъ не растетъ ни одной былинки, дно которыхъ также песчано и чисто, и гдѣ очень мало водится водяныхъ насѣкомыхъ? Наконецъ, чѣмъ питается рыба въ деревянныхъ сажалкахъ съ деревяннымъ дномъ, называемыхъ прорѣзами (потому что онѣ прорѣзаны, или просверлены), въ которыхъ

обыновенно рыбаки держатъ пойманную рыбу иногда по нѣсколько мѣсяцевъ и никогда ее не кормятъ? На эти вопросы я отвѣчать утвердительно не умѣю. Поневолѣ надобно согласиться съ мнѣніемъ рыбаковъ, которые говорятъ, что рыба, кромѣ всякой другой пищи, питается тиною, иломъ, землею, пескомъ и даже одной водой.

Рыба имѣетъ тонкій слухъ и острое зрѣніе, особенно форель; но, кажется, рыба больше вообще боится стука, чѣмъ вида человѣка или животнаго, — по крайней мѣрѣ скоро къ нимъ привыкаетъ; но къ звуку она чувствительна до невѣроятности, звукомъ можно ее оглушить до безпамятства, чему служитъ доказательствомъ всѣмъ извѣстное оглушеніе рыбы ударами дубинки по тонкому, осеннему льду. Рыбаки знаютъ, что на рыбу сильно дѣйствуетъ самый слабый звукъ. Кому изъ нихъ не случалось смирно стоять или сидѣть близъ закинутыхъ удочекъ, ожидая крупной рыбы, и видѣть, какъ мелкая, поднявшись вверхъ, покрываетъ и рябитъ всю поверхность воды около его поплавковъ? Вдругъ рыбакъ кашляетъ или чихнетъ, и, какъ брызги, во все стороны разсыплются серебряныя стайки мелкихъ рыбокъ, точно мгновенный дождь спрыснулъ воду.

81. Весна въ деревнѣ.

I.

Въ серединѣ Великаго поста, именно на середокрестной недѣлѣ, наступила сильная оттепель. Снѣгъ быстро началъ таять, и вездѣ показалась вода. Приближеніе весны въ деревнѣ производило на меня необыкновенное, раздражающее впечатлѣніе. Я чувствовалъ никогда не испытанное мною особаго рода волненіе. Много содѣйствовали тому разговоры съ отцомъ и Евсеичемъ, которые радовались веснѣ, какъ охотники, какъ люди, выросшіе въ деревнѣ и страстно любившіе природу; находя во мнѣ живое сочувствіе, они съ увлеченіемъ предавались удовольствію разсказывать мнѣ: какъ сначала обтаютъ горы, какъ побѣгутъ съ нихъ ручьи, какъ спустятъ прудъ, разольется полая вода, пойдетъ вверхъ по полоямъ[1]) рыба, какъ начнутъ ловить ее вятелями и мордами какъ прилетитъ лѣтняя птица, запоютъ жаворонки, проснутся сурки и начнутъ свистать, сидя на заднихъ лапкахъ по своимъ сурчинамъ[2]), какъ зазеленѣютъ луга, одѣнется лѣсъ, кусты, и зальются, защелкаютъ въ нихъ соловьи . . . Простыя, но горячія слова западали мнѣ глубоко въ душу, потрясали какія-то невѣдомыя струны и пробуждали какія-то неизвѣстныя, томительныя и сладкія чувства. Только намъ троимъ — отцу, мнѣ и Евсеичу — было не грустно и не скучно смотрѣть на почернѣвшія крыши и стѣны строеній и голые сучья

---

[1]) Полой — мѣсто, заливаемое водой во время разлива. [2]) Сурочья нора.

деревъ, на мокредь и слякоть, на грязные сугробы снѣга, на лужи мутной воды, на сѣрое небо, на туманъ сырого воздуха, на снѣгъ и дождь — то вмѣстѣ, то попеременно падавшіе изъ потемнѣвшихъ низкихъ облаковъ.

II.

Заключенный въ домѣ, потому что въ мокрую погоду меня и на крыльцо не выпускали, я тѣмъ не менѣе слѣдилъ за каждымъ шагомъ весны. Въ каждой комнатѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ, были у меня замѣчены особенные предметы или мѣста, по которымъ я производилъ мои наблюденія: изъ нашей спальни съ одной стороны виднѣлась гора, оголявшая постепенно свой крутой и круглый взлобокъ, съ другой — часть рѣки съ противоположнымъ берегомъ; изъ гостиной виднѣлись проталины, особенно около круглаго родниковаго озера, въ которомъ мочили коноплн; изъ залы стеклянѣлась лужа воды, подтоплявшая грачевую рощу, изъ бабушкиной горницы видно было гумно на высокой горѣ и множество сурчинъ по ней, которыя съ каждымъ днемъ освобождались отъ снѣга. Шире, длиннѣе становились грязныя проталины, полнѣе наливалось озеро въ рощѣ, и, проходя сквозь заборъ, уже показывалась вода между капустныхъ грядъ въ нашемъ огородѣ. Все замѣчалось мною точно и внимательно, и каждый шагъ весны торжествовался, какъ побѣда! Съ утра до вечера бѣгалъ я изъ комнаты въ комнату, становясь на свои наблюдательныя сторожевыя мѣста. Чтенье, письмо, игры съ сестрой, даже разговоры съ матерью — все вылетѣло у меня изъ головы. О томъ, чего не могъ видѣть своими глазами, получалъ я безпрестанныя извѣстія отъ отца, Евсеича, изъ дѣвичьей и лакейской: „прудъ посинѣлъ и надулся, ѣздить по немъ опасно, мужикъ съ возомъ провалился; Антошкинъ оврагъ ночью прошелъ, да и Мордовскій напружился и почернѣлъ, скоро никуда нельзя будетъ проѣхать; дорожки начали проваливаться, въ кухню не пройдешь, Мазанъ провалился съ миской щей и щи пролилъ; мостки снесло, вода залила людскую баню“ — вотъ что слышалъ я безпрестанно, и неравнодушно принимались всѣ такія извѣстія.

II.

Грачи давно расхаживали по двору и начали вить гнѣзда въ грачевой рощѣ. Скворцы и жаворонки тоже прилетѣли; и вотъ стала появляться настоящая птица, дичь — по выраженію охотниковъ. Отецъ съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ лебедей, такъ высоко летѣвшихъ, что онъ едва могъ разглядѣть ихъ, и что гуси потянулись большими станицами. Евсеичъ видѣлъ нырковъ и кряковныхъ утокъ, опустившихся на прудъ, видѣлъ дикихъ голубей по гумнамъ, дроздовъ и пиголицъ около родниковъ . . . Сколько волненій, сколько шумной радости! Вода сильно прибыла. Немедленно спустили прудъ — и

безъ меня: погода была слишкомъ дурна, и я не смѣлъ проситься. Съ каждымъ днемъ извѣстія становились чаще и важнѣе. Наконецъ Евсеичъ съ азартомъ объявилъ, что „всякая птица валомъ валитъ, безъ перемежки!“ Переполнилась мѣра моего терпѣнья. Невозможно стало для меня все это слышать и не видѣть, и, съ помощью отца, слезъ и горячихъ убѣжденій, выпросилъ я позволенье у матери, — одѣвшись тепло, потому что дулъ сырой и пронзительный вѣтеръ, — посидѣть на крылечкѣ, выходившемъ въ садъ, прямо надъ рѣкой. Внутренняя дверь еще не была откупорена. Евсеичъ обнесъ меня кругомъ дома на рукахъ. потому что вездѣ была вода и грязь.

Въ самомъ дѣлѣ, то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видѣвши, и чего увидѣть теперь уже невозможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, потому что нѣтъ такого множества прилетной дичи.

IV.

Рѣка выступила изъ береговъ, подняла урему[1]) на обѣихъ сторонахъ и, захвативъ половину нашего сада, слилась съ озеромъ грачевой рощи. Всѣ берега полóевъ были усыпаны всякаго рода дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушками затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы: однѣ летѣли высоко, не останавливаясь, а другія — низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто; крикъ, пискъ, свистъ наполняли воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ пищитъ или свиститъ — я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ. Отецъ и Евсеичъ, которые стояли возлѣ меня, сами находились въ большемъ волненіи. Они указывали другъ другу на птицу, называли ее по имени, отгадывая часто по голосу, потому что только ближнюю можно было различить и узнать по перу. „Шúлохвости, шилохвости-то сколько!“ говорилъ торопливо Евсеичъ. „Эки стаи! А кряковныхъ-то! Батюшки, видимо-невидимо!“ — „А слышишь ли“, подхватывалъ мой отецъ: „вѣдь это степняги, кроншнепы заливаются! Только больно высоко. А вотъ сивки играютъ надъ озимями . . . точно туча! Веретенниковъ-то сколько! а турухтановъ-то — я ужъ и не видывалъ такихъ стай!“. . . Я слушалъ, смотрѣлъ, и тогда ничего не понималъ, что вокругъ меня происходило: только сердце то замирало, то стучало, какъ молоткомъ; но зато послѣ все представлялось, даже теперь представляется мнѣ ясно и отчетливо, доставляло и доставляетъ неизъяснимое наслажденіе — и все это понятно вполнѣ только однимъ охотникамъ. Я и въ ребячествѣ былъ уже въ душѣ охотникъ, и потому можно судить, чтó я чувствовалъ, когда воротился въ домъ! Я казался, я долженъ былъ казаться какимъ-

[1]) Урема — кусты и лѣсъ, растущіе около рѣкъ.

то полуумнымъ, помѣшаннымъ; глаза у меня были дикіе, я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, что со мной говорили. Я держался за руку отца, пристально смотрѣлъ ему въ глаза и съ нимъ только могъ говорить — и только о томъ, что́ мы сейчасъ видѣли . . .

Вдругъ грянулъ выстрѣлъ подъ самыми окнами; я бросился къ окошку и увидѣлъ дымокъ, расходящійся въ воздухѣ, стоящаго съ ружьемъ стараго Филиппа и пуделя Тритона, который, держа за крылышко какую-то птицу, выходилъ изъ воды на берегъ. Скоро Филиппъ пришелъ со своей добычей: это былъ кряковный се́лезень, до того красивый перомъ, что я долго любовался имъ, разсматривая его бархатную зеленую голову и шею, багря́ный зобъ и темнозеленыя коси́чки въ хвостѣ.

Мало-по-малу привыкъ я къ наступившей веснѣ и къ ея разнообразнымъ явленіямъ — всегда новымъ, потрясающимъ и восхитительнымъ; говорю: привыкъ — въ томъ смыслѣ, что уже не приходилъ отъ нихъ въ изступленіе. Погода становилась теплая, мать безъ затрудненья пускала меня на крылечко и позволяла бѣгать по высохшимъ мѣстамъ; даже сестрицу отпускала со мной. Всякій день кто-нибудь изъ охотниковъ убивалъ то утку, то кулика́, а Мазанъ застрѣлилъ даже дикаго гуся и принесъ къ отцу съ большимъ торжествомъ, разсказывая подробно, какъ онъ подкрался камышами, въ водѣ по горло, къ двумъ гусямъ, плававшимъ на пруду, какъ прицѣ́лился въ одного изъ нихъ, и заключилъ разсказъ словами: „Какъ ударилъ, такъ и не ворохнулся!“ . . . Несмотря однакоже на всѣ предосторожности, я какъ-то простудился, получилъ насморкъ и кашель и, къ великому моему горю, долженъ былъ оставаться заключеннымъ въ комнатахъ.

82. Въ декабрѣ.

I.

Въ 1813 году, съ самаго Николина дня установились трескучіе декабрьскіе морозы, особенно съ зимнихъ поворотовъ[1]), когда, по народному выраженію, солнышко пошло на лѣто, а зима на морозъ. Стужа росла съ каждымъ днемъ, и 29-го декабря ртуть застыла и опустилась въ стеклянный шаръ. Птица мерзла на лету и падала на землю уже окоченѣлою. Вода, взброшенная вверхъ изъ стакана, возвращалась оледенѣлыми брызгами и сосульками, а снѣгу было очень мало, всего на вершокъ, и неприкрытая земля промерзла на три четверти аршина. Врывая столбы для постройки рижнаго сарая, крестьяне говорили, что не запомнятъ, когда бы такъ глубоко промерзала земля, и ожидали въ будущемъ году богатаго урожая озимыхъ хлѣбовъ. Воздухъ былъ сухъ, тонокъ, жгучъ, пронзителенъ, и много хворало народу отъ жестокихъ простудъ и воспаленій; солнце вставало и ложилось съ огненными ушами, и мѣсяцъ ходилъ по небу,

---

1) Зимній поворотъ солнца — 10-ое декабря, когда дни начинаютъ прибывать.

сопровождаемый крестообразными лучами; вѣтеръ совсѣмъ упалъ, и цѣлые ворохá хлѣба оставались невѣянными, такъ что и дѣваться съ ними было некуда. Съ трудомъ пробивали пешня́ми и топорами проруби на пруду; ледъ былъ толщиною слишкомъ въ аршинъ, и когда доходили до воды, то она, сжатая тяжелою ледяною корою, била, какъ изъ фонтана, и тогда только успокаивалась, когда широко затопляла прорубь. Скотъ грѣлся постоянно ѣдою, корма выходило втрое противъ обыкновеннаго, и какъ отъ лѣтней засу́хи уродилось мало травъ и соломы, то крестьяне начинали охать и бояться, что корму, пожалуй, не хватитъ и до Алексѣя Божьяго человѣка. Стали бить лишнюю скотину, и мясо такъ подешевѣло, что говядину продавали по три копейки, а баранину по двѣ копейки за фунтъ; достаточные крестьяне уже не обѣдали безъ свѣжинки.

II.

Великолѣпенъ былъ видъ зимней природы. Морозъ выжалъ влажность изъ древесныхъ сучьевъ и стволовъ, и кусты и деревья, даже камыши и высокія травы опушились густымъ и́неемъ, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая ихъ только холоднымъ блескомъ алмазныхъ огней. Красны, ясны и тихи стояли короткіе зимніе дни, похожіе, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой: а какъ-то невесело, безпокойно становилось на душѣ да и народъ пріунылъ. Болѣзни, безвѣтріе, безснѣжіе — и впереди безкормица для скота. Какъ тутъ не пріуныть? Всѣ молились о снѣгѣ, какъ лѣтомъ о дождѣ; и вотъ наконецъ морозъ началъ сдавать; померкла ясность синяго неба; потянулъ западный вѣтеръ, и пухлая, бѣлая туча, незамѣтно надвигаясь, заволокла со всѣхъ сторонъ горизонтъ. Какъ будто сдѣлавъ свое дѣло, вѣтеръ опять утихъ, и благодатный снѣгъ началъ прямо, медленно, большими клочьями, опускаться на землю. Радостно смотрѣли крестьяне на порхающія въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, которыя, сначала порхая и кружась, опускались на землю. Снѣгъ началъ итти съ деревенскаго ранняго обѣда, шелъ безпрестанно, часъ отъ часу сильнѣе и гуще.

Я всегда любилъ смотрѣть на тихое паденіе или опущеніе снѣга. Чтобы вполнѣ насладиться этой картиной, я вышелъ въ поле, и чудное зрѣлище представилось глазамъ моимъ: все безграничное пространство вокругъ меня представляло видъ снѣжнаго потока, будто небеса разве́рзлись, разсыпались снѣжнымъ пухомъ и наполнили весь воздухъ движеніемъ и поразительною тишиной. Наступали длинныя зимнія сумерки; падающій снѣгъ начиналъ закрывать всѣ предметы и бѣлымъ мракомъ одѣвалъ землю . . .

Я воротился домой, но не въ душную комнату, а въ садъ, и съ наслажденіемъ ходилъ по дорожкамъ, осыпаемымъ снѣжными хлопьями. Засвѣтились огоньки въ крестьянскихъ избахъ, и блѣдные лучи легли поперекъ улицы;

предметы смѣшались, утонули въ потемнѣвшемъ воздухѣ. Я вошелъ въ домъ, но и тамъ долго стоялъ у окошка, стоялъ до тѣхъ поръ, пока нельзя было различать опускающихся снѣжинокъ . . .

III.

Длинна зимняя ночь, и особенно въ деревнѣ, гдѣ ложатся рано: бока пролежишь, дожидаясь бѣлаго дня. Я всегда просыпался часа за два до зари и любилъ встрѣчать безъ свѣчки зимній разсвѣтъ. Въ этотъ день я проснулся еще ранѣе и сейчасъ пошелъ узнать, что дѣлается на дворѣ.

На дворѣ была совершенная тишина. Воздухъ сталъ мягокъ, и, несмотря на двѣнадцатиградусный морозъ, мнѣ показалось тепло. Высыпались снѣжныя тучи, и только изрѣдка какія-то запоздалыя снѣжинки падали мнѣ на лицо. Въ деревнѣ давно проснулась жизнь; во всѣхъ избахъ свѣтились огоньки и топились печки, а на гумнахъ, при свѣтѣ пылающей соломы, молотили хлѣбъ. Гулъ рѣчей и стукъ цѣповъ съ ближнихъ овиновъ долеталъ до моего слуха. Я засмотрѣлся, заслушался — и нескоро воротился въ свою теплую комнату.

Я сѣлъ противъ окошка на востокъ и сталъ дожидаться свѣта; долго нельзя было замѣтить никакой перемѣны. Наконецъ показалось особенная бѣлизна́ въ окнахъ, побѣлѣла изразцовая печка, и обозначился у стѣны шкапъ съ книгами, котораго до тѣхъ поръ нельзя было различить. Въ другой комнатѣ, дверь въ которую была отворена, уже топилась печка. Гудя, потрескивая и похлопывая заслонкой, она освѣщала дверь и половину горницы какимъ-то веселымъ, отраднымъ и гостепріимнымъ свѣтомъ. Но бѣлый день вступалъ въ свои права, и освѣщеніе отъ топящейся печки постепенно исчезало. Какъ хорошо, какъ сладко было на душѣ! Спокойно, тихо и свѣтло!

83. Буранъ въ Оренбургскихъ степяхъ.

I.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней проселочной, неторной дорожкѣ или, лучше сказать, слѣду, будто недавно проложенному по необозримымъ снѣжнымъ пустынямъ. Пронзительно скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дубленые полушубки, тулупы и сѣрые суконные зипуны[1]), нахлобученные башкирскими глухими малахаями[2]), весело бѣжали мужики за своими возами. Запушенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, они шутили, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, другъ друга съ узенькой тропинки въ глубокій сугробъ; столкнутый долго барахтался и не скоро вылѣзалъ изъ мягкаго снѣгового пуха на твердую дорогу. Тутъ-то сыпались

---

[1]) Зипунъ — простонародная верхняя одежда. [2]) Малахай — большая шапка на мѣху, съ наушниками.

русскія остроты. — „Не больно болтай,“ говорилъ одинъ другому: — „языкъ обожжешь; вишь, зной какой, такъ и палитъ!“ — „Шути, шути,“ отвѣчалъ другой: — „самого-то цыганскій потъ прошибаетъ!“ — Всѣ хохотали. Такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужика.

II.

Въ такомъ положеніи находился веселый обозъ, состоящій изъ осьмнадцати подводъ и десяти возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ. Переѣздъ былъ длиненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминучая . . .

Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока, и когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца, уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка. — „Поздно, ребята!“ закричалъ старикъ. — „Стой, нечего гнать и мучить понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги, — авось, Богъ помилуетъ.“ — „Петровичъ,“ сказалъ онъ, обратясь къ высокому, плотному мужику, также не молодому; — „поѣзжай сзади: твой Гнѣдко хоть не боекъ, зато неистомчивъ, не отстанетъ, да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ, да въ сторону по дровяной или сѣнной дорогѣ не отбился; а я поѣду передовымъ!“ Съ большимъ трудомъ перетащили стариковъ возъ впередъ; а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сторону, объѣхали: потомъ вытащили ее изъ сугроба, и Петровичъ сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысій малахай, помолился Богу, и сѣвъ на возъ: „Ну, Сѣрко!“ сказалъ хотя не веселымъ, но твердымъ голосомъ: „выручалъ ты меня не одинъ разъ: послужи и теперь, не сшибись съ дороги . . .“ и обозъ поѣхалъ шагомъ.

III.

Снѣговая, бѣлая туча, огромная, какъ небо, обтянула весь горизонтъ и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь . . . наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ. . . Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратились въ пучину кипящаго снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханіе, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самого неробкаго человѣка, кровь стынетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время булановъ значительно уменьшается. Такъ ужасенъ видъ возмущенія зимней сѣверной природы. Человѣкъ теряетъ память, присутствіе духа, безумѣетъ . . . и вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ.

IV.

Долго тащился нашъ обозъ со своими двадцтипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди по большей части шли пѣшкомъ увязая по колѣнѣ въ снѣгу; наконецъ всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и хотя его Сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги, — старикъ остановилъ обозъ. — „Други,“ сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ — „дѣлать нечего: надо отдаться на волю Божію, надо здѣсь ночевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и подниимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами[1]), сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашомъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось, не всѣ замерзнемъ.“

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ: но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенію. По несчастью, въ обозѣ были люди молодые неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе другихъ пристала[2]), не захотѣлъ послушаться старика. „Полно, дѣдушка!“ — сказалъ онъ: „Сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ помирать съ тобою? Ты уже пожилъ на бѣломъ свѣтѣ, тебѣ все равно; а намъ еще хочется пожить. До умета[3]) верстъ семь больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! Пусть дѣдушка остается съ тѣми, у кого совсѣмъ лошади стали. Завтра, Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ.“ Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что Сѣрко истомился менѣе другихъ; напрасно поддерживали его Петровичъ и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ, на двѣнадцати подводахъ, пустились далѣе.

V.

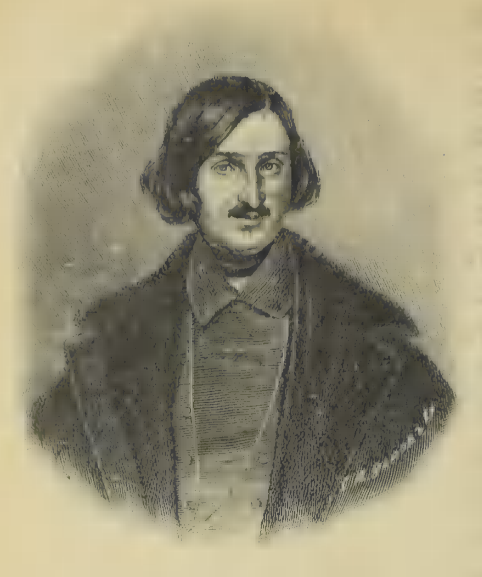
Буранъ свирѣпѣлъ часъ-отъ-часу, бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день такъ. что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми . . . Наконецъ стало понемного затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ, улеглись снѣга. Степи пред-

[1]) Кошма́ — большой и тонкій войлокъ. [2]) Устала, утомилась. [3]) Уметь — пристанище для проѣзжихъ, постоялый домъ.

ставляли видъ бурнаго моря, внезапно оледенѣвшаго . . . Выкатилось солнце на ясный небосклонъ, заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись пережидавшіе буранъ обозы и всякіе проѣзжіе. По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на стогъ снѣга или копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣло, принялись отрывать, чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича и троихъ ихъ товарищей: всѣ они находились въ сонномъ безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ, и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который точно былъ не далеко. Свѣжій морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза; но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія. — Въ уметѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали вина и потомъ уложили спать на полати. Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы. Шестеро смѣльчаковъ или, лучше сказать глупцовъ, послушавшихся молодого удальца, вѣроятно скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ — и всѣ замерзли. Весною отыскали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ, сидѣлъ, прислонясь къ забору того самого умета.

84. Николай Васильевичъ Гоголь.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 19 марта 1809 года въ имѣніи Васильевкѣ Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи. Свое дѣтство онъ провелъ среди роскошной малороссійской природы въ семьѣ, окружавшей его любовью и лаской. Отецъ его былъ человѣкомъ образованнымъ; онъ любилъ литературу и самъ сочинялъ пьесы для домашнихъ спектаклей, на которые съѣзжались всѣ сосѣди. Дѣдъ Гоголя любилъ разсказывать мальчику различныя преданія малорусской старины, и разсказы дѣда навсегда запечатлѣлись въ душѣ ребенка, въ которой примѣръ отца рано пробудилъ любовь къ литературѣ. Тринадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Нѣжинскую гимназію, предварительно научившись грамотѣ у учителя-семинариста. Въ гимназіи онъ, кромѣ занятій науками, усердно читалъ и, подобно Пушкину, участвовалъ въ составленіи рукописнаго журнала. Онъ былъ еще очень молодъ, когда умеръ его отецъ, и съ тѣхъ поръ Гоголь начинаетъ заботиться о матери и сестрахъ, къ которымъ и относится всю жизнь съ горячей любовью. Въ 1829 году онъ кончаетъ

курсъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Тамъ онъ было поступилъ на службу чиновникомъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и съ 1831 года, когда вышла первая часть его „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, посвящаетъ себя писательской дѣятельности. Это первое произведеніе Гоголя, написанное съ горячей любовью къ изображаемымъ въ нихъ малорусской природѣ и стариннымъ преданіямъ, было встрѣчено всей публикой, а особенно Пушкинымъ съ большимъ восторгомъ. Продолженіемъ „Вечеровъ“ послужили повѣсти подъ названіемъ „Миргородъ“; изъ нихъ наиболѣе извѣстны „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарасъ Бульба“. Подъ вліяніемъ знакомства съ чиновничьимъ міромъ въ частности и Петербургомъ вообще, является рядъ повѣстей изъ петербургской жизни: „Шинель“ и многія другія. Въ 1836 году на сценѣ явилась большая комедія Гоголя, сюжетъ которой далъ ему Пушкинъ. Это былъ знаменитый „Ревизоръ“. Въ то время, какъ одна часть публики отнеслась къ „Ревизору“ съ полнымъ сочувствіемъ, другая — перенесла свою непріязнь къ пьесѣ на самого автора. Такое отношеніе чрезвычайно огорчило Гоголя. Въ томъ же году онъ уѣзжаетъ за границу, получивъ на это денежное пособіе отъ Государя Николая Павловича. Съ тѣхъ поръ онъ большую часть времени проводитъ за границей. Тамъ онъ создаетъ свое величайшее произведеніе „Мертвыя души“, появившееся въ печати въ 1842 году. Въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ произведеніяхъ, Гоголь изображаетъ современную ему русскую дѣйствительность со всѣми ея хорошими и дурными людьми, имѣя въ виду, конечно, изображеніемъ и осмѣиваніемъ зла направить читателя къ добру. Въ этомъ его главная заслуга. Самъ Гоголь былъ чрезвычайно добръ и часто отдавалъ бѣднымъ всѣ деньги, оставаясь самъ безъ копѣйки. Скончался Гоголь въ 1852 году въ Москвѣ и погребенъ тамъ же въ Даниловомъ монастырѣ.

85. Днѣпръ.

(Изъ повѣсти „Страшная месть“.)

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни погремитъ; глядишь и не знаешь, идетъ или нейдетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ[1]) и вьется по зеленому міру. Любо тогда

[1]) Рѣять — плавно нестись, быстро течь.

и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ въ небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле-разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею, — напрасно! нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и среди ночи, какъ среди дня, виденъ на столько вдаль, на сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ, — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, провожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

86. Изъ романа „Мертвыя души“.

1. Дорога.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ дорога; и какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ . . . покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмешься къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся . . . Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся и „не бѣлы снѣги“, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ; и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся — пять станцій убѣжало назадъ; луна, невѣдомый

городъ, церкви, со старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечіями, темные бревенчатые и бѣлые каменные дома. Сіянія мѣсяца тамъ и сямъ — будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души — все спитъ. Одинъ-одинешенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А ночь . . . небесныя силы, какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ въ недоступной глубинѣ своей такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся! . . . Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный притиснутый къ углу сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего, вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цыфрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель! . . . Какой славный холодъ; какой чудный, вновь обнимающій тебя, сонъ! Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. „Полегче! легче!“ слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая, широкій ясный прудъ, сіяющій какъ мѣдное дно передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ. Боже, какъ ты хороша, подчасъ далекая — далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній: . . .

2. Комната Плюшкина.

Чичиковъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ шкафъ, съ старинннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе

желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка кресла, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія, какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинная, пожелтѣвшая гравюра какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ, и тонущими конями, безъ стекла, вставленная въ рамку краснаго дерева, съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку.

Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ.

Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ.

3. Садъ Плюшкина.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый, колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленный бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители[1]), темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій по-

[1]) Капитель — украшеніе на верху колонны.

томъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломанную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть. Оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его; бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густою щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

4. Запущенная усадьба.

Чичиковъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это порядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, передъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, поднимались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо, многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ, въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней незачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, словомъ — гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ; иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышками съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ

дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже неживописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ; на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой, — опустѣвшая деревянная, и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ, и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась и на мѣстѣ ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей старый замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку, и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

5. Хлѣбосолъ-помѣщикъ.

— Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку сказано, не полагаться: Петрушка бревно, Петрушка глупъ . . .

— Вѣдь тутъ не мудрость какая! сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. — Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ . . . — Коляска стала между тѣмъ спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами. Быстро пролетали мимо нихъ кусты лозъ, тонкихъ ольхъ, серебристыхъ тополей, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который посадилъ его, но привязать картузъ или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что это послѣдній разъ и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединились — осина, береза, ель. Лѣсъ затемнѣлъ и, казалось, готовился превратиться въ ночь.

Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, проблески становились больше . . . и вотъ передъ ними озеро — водная равнина, версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводы . . .

Въ это время баринъ, наблюдавшій за рыбной ловлей своихъ людей, увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали? закричалъ баринъ, входя съ пойманною рыбой на берегъ . . .

— Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ, приподнимая картузъ и продолжая раскланиваться изъ коляски.

— Ну, такъ благодарите же Бога!

— А что? спросилъ Чичиковъ съ любопытствомъ, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ что! Брось, Ѳома Меньшой сѣть да приподними осетра изъ лоханки! Телепень Кузьма, ступай, помоги! — Двое рыбаковъ приподняли изъ лоханки голову какого-то чудовища. — Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ! кричалъ круглый баринъ. — Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ! Побѣги, телепень Ѳома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ . . .

„Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ“, подумалъ про себя Чичиковъ. Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались по старому русскому обычаю, троекратно накрестъ. Баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ!

— Генералъ Бетрищевъ, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Незнакомъ, сказалъ онъ съ изумленіемъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ же это? Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Слава Богу, вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ! подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. „Какъ же вы?“ сказалъ онъ, оборотясь къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ,

сидя на козлахъ, другой-стоя у дверецъ коляски: „Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Копкареву! А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...

— Ребята сдѣлали отлично! Ступайте въ кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки, сказалъ Петръ Петровмчъ Пѣтухъ. — Откладывайте коней и ступайте сейчасъ же на людскую!

— Я совѣщусь: такая нежданная ошибка... говорилъ Чичиковъ

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Изъ покоевъ вышли къ нимъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники... Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною. — Сказавъ это, хозяинъ исчезъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить.

„Понимаю“, подумалъ Чичиковъ: „кончится дѣло кондитерскими да бульварами“. — А что? спросилъ онъ вслухъ, — въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?

— Заложено, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной — заложено.

„Плохо,“ подумалъ Чичиковъ. „Этакъ скоро не останется ни одного имѣнія“. — Напрасно, однако-же, сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья, — поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, сказалъ Пѣтухъ. — Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь: дай-ка еще попробую пожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенія столичнаго.

„Дуракъ, дуракъ!“ думалъ Чичиковъ: „промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотами. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ!“

— А вѣдь я знаю, что вы думаете, сказалъ Пѣтухъ.

— Что? спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! Зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ.“ Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженая дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ. Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобъ поскорѣе прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ же ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозей Емельянъ и воръ Антошка явилис съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ, со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ, для поощренья. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ кличекъ не можетъ обойтись.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: „Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не можетъ жить на свѣтѣ.“ У кого два — подкладывалъ ему третій, приговаривая: „Чтожъ за число два? Богъ любитъ троицу.“ Съѣдалъ гость три — онъ ему: „Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?“ На четыре у него была тоже поговорка, на пять — опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: „Ну, теперь ничего не приберетъ хозяинъ больше.“ Не тутъ-то было; хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ, сказалъ хозяинъ: ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу, сказалъ Чичиковъ. — Вы попробуйте, да потомъ скажите, не могу. — Не войдетъ, нѣтъ мѣста. — Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Вошелъ городничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго. Нашлось ему мѣсто, а казалось, ничего нельзя помѣстить.

„Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!“ думалъ Чичиковъ. Съ винами была та же исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего же не допивали гости, давали допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой. Съ гостьми было не то: въ силу, въ силу перетащились они на балконъ и въ силу помѣстились на креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ и заснулъ.

87. Шинель.

(Изъ повѣсти того же названія.)

I.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 руб. въ годъ жалованья, или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ. Акакій Акакіевичъ (чиновникъ одного изъ петербургскихъ департаментовъ) съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать какъ можно скорѣе законное пространство, въ пять-шесть улицъ отъ квартиры до департамента. Онъ подумалъ наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точно серпянка[1]): сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползалась. Увидѣвшій, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу — портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ. Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню и вступилъ наконецъ въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашенномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ иглиное ухо, не попадалъ, и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку.

— Здравствуй, Петровичъ! — сказалъ Акакій Акакіевичъ. — Здравствовать желаю, сударь! — сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

— А я вотъ того, Петровичъ . . . шинель-то, сукно . . . вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое . . . оно немножко запылилось и, кажется, какъ-будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того. . . на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного протерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко . . . видишь? вотъ и все. И работы немного. Петровичъ взялъ шинель, разложилъ ее сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и наконецъ сказалъ: — Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!

— Нѣтъ, — сказалъ Петровичъ рѣшительно, — ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать. При словѣ „новую“ у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло передъ нимъ путаться. — Какъ же новую? — сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ: — У меня и денегъ нѣтъ! . .

---

[1]) Грубый, рѣдкій холстъ, идущій на чехлы и разнаго рода обертки.

II.

Понялъ наконецъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось заплатить сапожнику старый долгъ, заказать три рубахи и т. д., словомъ всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что вмѣсто сорока рублей наградныхъ опредѣлилъ бы сорокъ пять рублей или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ непомѣрную цѣну. Онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако все же откуда взять эти восемьдесятъ рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину? Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертый на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ и, такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину, гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ, думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, итти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ и т. д. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось, пошло на ладъ, — даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу.

III.

Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять рублей, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья, и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще, весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе — она была бы готова раньше. За работу онъ взялъ двѣнадцать рублей, — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытисняя ими разныя фигуры. Это было . . . трудно сказать, въ какой именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественный въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее по утру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было итти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Казалось, онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ не малое дѣло. Онъ вынулъ шинель изъ платка, въ которомъ ее принесъ. Вынувши шинель, онъ гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плечи Акакію Акакіевичу; потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой книзу, потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько въ распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать рукава; Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава, — вышло, что и въ рукава было хорошо. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ въ пору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и при томъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево; а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и пошелъ нарочно въ сторону, чтобы обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то есть прямо въ лицо.

88. Изъ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики.“

1. Усадьба старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими,

которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ, передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкой отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ, и провѣтривающимися коврами, возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара, отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, оттого, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь, иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

2. Старосвѣтскіе помѣщики.

I.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ — и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его, Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бъ я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностью, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, заполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на о, слогъ въ. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія, такъ же, какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь: они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: „вы, Аѳанасій Ивановичъ;“ „вы, Пульхерія Ивановна.“ „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“ — „Ничего, не сердитесь. Пульхерія Ивановна: это я.“

II.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки

эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ, и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которою обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ . . . Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностью, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „Батюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей . . . и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехугольные столики по угламъ, четырехугольные передъ диваномъ и зеркаломъ, въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которыя мухи усѣяли черными точками; передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ — вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

III.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и какъ только двери заводили свой разноголосый концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Афанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувъ платкомъ, говорилъ: „Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!“ На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ: онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но приказчикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: „А что, Пульхерія Ивановна! можетъ быть, пора закусить чего-нибудь?“ — „Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?“ — „Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ,“ отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, — и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. — „Мнѣ кажется, какъ будто эта каша,“ говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ: „немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?“ — „Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.“ — „Пожалуй,“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку: „попробуемъ, какъ оно будетъ.“ Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ. Послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: „Вотъ, попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.“ — „Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ рединѣ,“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: „бываетъ, что и красный, да не хорошій.“ Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ ко двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и

закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу[1]) въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночовкахъ и въ прочихъ фрукто-хранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: „Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?“ — „Чего же бы такого?“ говорила Пульхерія Ивановна: „развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли вареников съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить!“ — „И то добре,“ отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. — „Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселику?“ — „И то хорошо,“ отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ; послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закусывалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

IV.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановной и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ. „А что, Пульхерія Ивановна,“ говорилъ онъ: „если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?“ „Вотъ это, Боже сохрани!“ говорила Пульхерія Ивановна, крестясь. — „Ну, да положимъ, домъ нашъ сгорѣлъ; куда бы мы перешли тогда?“ — „Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не допуститъ.“ — „Ну, а если бы сгорѣлъ?“ — „Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.“ — „А если бы и кухня сгорѣла?“ — „Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобъ вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.“ — „А если бы и кладовая сгорѣла?“ — „Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи!“ Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріей Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего мнѣ пріятно было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что я поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіемъ чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ

[1]) Дрязгъ — мелкіе малоцѣнные предметы.

васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день; онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. — „Какъ можно такою позднею порой отправляться въ такую дальную дорогу!“ всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ нихъ.) — „Конечно,“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „Неравно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.“ — „Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!“ говорила Пульхерія Ивановна: „и къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать“. . .

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, веєда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ, со всегдашнею своею улыбкою и слушаетъ со вниманіемъ и даже съ наслажденіемъ гостя. Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: „Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ не могу итти на войну?“ — „Вотъ уже и пошелъ!“ прерывала Пульхерія Ивановна. „Вы не вѣрьте ему,“ говорила она, обращаясь къ гостю: гдѣ уже ему, старому, итти на войну — его первый солдатъ застрѣлитъ! ей Богу, застрѣлитъ! вотъ такъ таки прицѣлится и застрѣлитъ“. — „Что жъ,“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: — „и я его застрѣлю.“ — „Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!“ подхватывала Пульхерія Ивановна: „куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бы вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлять, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!“ — „Что жъ!“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „я куплю себѣ новое вооруженіе. Я возьму саблю или казацкую пику.“ — „Это все выдумки; такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову, и начнетъ разсказывать!“ подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою: „я и знаю, что онъ шутитъ, а все таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.“ Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя, согнувшись, на своемъ стулѣ . . .

Добрые старички!

89. Изъ повѣсти „Тарасъ Бульба“.

I. Пріѣздъ сыновей.

— А поворотись-ка сынъ! Экой ты смѣшной какой! Что это на васъ? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской бурсѣ[1]) и пріѣхавшихъ домой къ отцу. Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжихъ молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень смущены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— „Стойте, стойте! дайте мнѣ разглядѣть васъ хорошенько!“ — продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: — „какія же длинныя на васъ свитки[2])! экія свитки! такихъ свитокъ еще и на свѣтѣ не было. А побѣги который-нибудь изъ васъ: я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы“. — „Не смѣйся, не смѣйся, батьку!“ — сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ. — „Смотри ты, какой пышный! а отчего же бы не смѣяться?“ — „Да такъ; хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!“ — „Какъ! батька?“ — сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько шаговъ назадъ. — „Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого“. — „Какъ же хочешь ты со мною биться? развѣ на кулаки?“ — „Да ужъ на чемъ бы то ни было“. — „Ну, давай на кулаки!“ — говорилъ Бульба, засучивъ рукавъ: — „посмотрю я, что за человѣкъ ты въ кулакѣ!“

И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней разлуки, начали насаживать другъ другу тумаки и въ бока, и въ поясницу, и въ грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— „Смотрите, добрые люди: одурѣлъ старый!“— говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. — „Дѣти пріѣхали домой, больше года ихъ не видали, а онъ задумалъ ни вѣсть что: на кулаки биться!“

— „Да, онъ славно бьется!“ — говорилъ Бульба, остановившись: — „хорошо! — продолжалъ онъ, немного оправляясь: — „такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здорово, сынку, почеломкаемся! А все таки на тебѣ смѣшное убранство: что это за веревка висить? А ты что стоишь и руки опустилъ?“ — говорилъ онъ, обращаясь къ младшему: — „что же ты не поколотишь меня?“

— „Вотъ еще что выдумалъ!“— говорила мать, обнимавшая между тѣмъ

---

[1]) Бурса — прежнее названіе общежитія учениковъ духовныхъ училищъ. Бурсакъ — живущій въ бурсѣ. [2]) Верхняя одежда у южныхъ россіянъ.

младшаго: „и придетъ же въ голову такое, чтобы дитя родное било отца! Да будто и до того теперь: дитя молодое, проѣхало столько пути, утомилось . . . (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ его биться!“

„Э,“ — говорилъ Бульба. — „Не слушай, сынку, матери: она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле, да добрый конь: вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша мать! А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ, гдѣ наука! Тамъ вамъ школа, тамъ только наберетесь разума“.

— „И всего только одну недѣлю быть имъ дома?“ говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать: — „и погулять имъ, бѣднымъ, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!“

— „Полно, полно выть, старуха! Ступай, ступай, да ставь намъ скорѣе на столъ все, что есть; тащи намъ всего барана, козу давай, меды сорокалѣтніе! да горилки побольше, чистой пѣнной горилки.“

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу. Свѣтлица была убрана во вкусѣ того времени. Все было чисто вымазано цвѣтной глиной. На стѣнахъ — сабли, нагайки, сѣтки для птицъ, невода и ружья, хитро обдѣланный рогъ для пороха, золотая уздечка на коня и путы съ серебряными бляхами. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми тусклыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ; на полкахъ по угламъ стояли кувшины, бутыли и фляжки зеленаго и синяго стекла, рѣзные, серебряные кубки, позолоченныя чарки; берестовыя скамьи вокругъ всей комнаты; огромный столъ подъ образами въ переднемъ углу; широкая печь съ запечьями и выступами, покрытые цвѣтными, пестрыми изразцами. Все это было очень знакомо нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ потому, что у нихъ не было коней, и потому, что не въ обычаѣ было позволять школярамъ ѣздить верхомъ. Бульба только при выпускѣ ихъ послалъ имъ изъ табуна пару молодыхъ коней. Бульба, по случаю пріѣзда сыновей, велѣлъ созвать всѣхъ сотниковъ и весь полковой чинъ, кто только былъ налицо; и когда пришли двое изъ нихъ и есаулъ Дмитро Товкачъ, старый его товарищъ, онъ имъ тотъ же часъ представилъ сыновей, говоря: „Вотъ смотрите, какіе молодцы! на Сѣчь ихъ скоро пошлю“. Гости поздравили и Бульбу, и обоихъ юношей, и сказали имъ, что доброе дѣло дѣлаютъ и что нѣтъ лучшей науки для молодого человѣка, какъ Запорожская Сѣчь.

— Ну жъ, паны браты, садись всякій, гдѣ кому лучше, за столъ. Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горилки! — такъ говорилъ Бульба: — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобъ бусурмановъ били, и турковъ

бы били, татаръ били бы, когда и ляхи пачнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били. Ну, подставляй свою чарку! . . .

II. Характеръ Тараса.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ тяжелый XV вѣкъ, на полукочующемъ востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, перѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украйна. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій[1]) устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ[2]), онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и казацкими войсками, была раздѣлена между ними не поровну, и польскія войска получили болѣе преимущества.

Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя свое достоинство и сказалъ: „когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы!“

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ, и совершенно покорствовалъ его желанію. Вообще онъ былъ охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. „Ну, дѣти! что и какъ? кого и за что нужно бить?“ обыкновенно говорилъ онъ — и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ прежде всего онъ строго разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла ихъ скотъ, или отрѣзывала часть земли, или комиссары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣивались надъ православною вѣрою: въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ басурмановъ[3]) же, татаръ и турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, христіанства и казачества.

---

[1]) Стефанъ Баторій — польскій король, современникъ Іоанна Грознаго. [2]) Днѣпровскихъ пороговъ. [3]) Басурманъ — иновѣрецъ, враждебно относящійся къ православію.

Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядового казака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защищать что-нибудь.

III. Отправленіе сыновей въ Запорожскую Сѣчь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: „вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ!“ Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны, представитъ своимъ товарищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ вначалѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостью заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему есаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблею, какъ будто бы мѣсилъ тѣсто, какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ „чертомъ“.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе, и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣльку мнѣ по-

глядѣть на васъ!" говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо . . .

Въ самомъ дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки, она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? Можетъ быть при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю! Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ! Можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ."

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ.

Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! пора! Напойте коней! А гдѣ стара́? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣй, стара́, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку,

Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ[1]); къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ, сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать! произнесъ наконецъ Бульба.— Теперь по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! сказалъ Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то, пусть лучше пропадутъ, чтобъ духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ... Далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдемте, дѣти! сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяніемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какой-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

---

[1]) Очкуръ — поясъ на брюкахъ, шароварная опояска.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же, съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только видны были надъ землей двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; ужъ равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собой закрыла. — Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

4. Битва.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: „Запорожцы, показались запорожцы!“

Войско рѣшилось прямо итти на городъ Дубно, гдѣ, носились слухи, было много казны и богатыхъ обывателей. Въ полтора дня походъ былъ сдѣланъ, и запорожцы показались передъ городомъ. Высокій земляной валъ окружалъ городъ; гдѣ валъ былъ ниже, тамъ высовывались каменная стѣна или домъ, служившій батареей, или, наконецъ, дубовый частоколъ.

Въ городѣ услышали казацкое движеніе Всѣ высыпали на валъ. Казацкіе ряды стояли тихо передъ стѣнами. Но вотъ на валу засуетились, показался самъ сѣдой воевода на конѣ. Ворота отворились и выступило войско.

— Не давать имъ! Не давать имъ строиться и становиться въ ряды! — кричалъ кошевой[1]): — разомъ напирайте на нихъ всѣ курени[2])!

И ударили со всѣхъ сторонъ казаки, сбили и смѣшали ляховъ и сами смѣшались. Не дали даже и стрѣльбы произвести; пошло дѣло на мечи, да на копья. Всѣ сбились въ кучу и каждому привелъ случай показать себя. Почувствовали ляхи, что уже становилось дѣло слишкомъ жарко, отступили и перебѣжали поле, чтобы собраться на другомъ концѣ его. А изъ города выступало уже свѣжее непріятельское войско, гремя въ литавры и трубы, и подбоченившись, выѣзжали паны, окруженные несмѣтными слугами. Толстый полковникъ отдавалъ приказы. Уже не видно было за великимъ дымомъ, обнявшимъ то и другое воинство, не видно было, какъ то одного, то другого недоставало въ рядахъ: но чувствовали ляхи, густо летѣли пули и жарко становилось дѣло; и когда попятились назадъ, чтобы посторониться отъ дыму и оглядѣться, то многихъ не досчитали въ рядахъ своихъ; а у казаковъ, можетъ

---

[1]) Начальникъ казачьяго стана, обоза.

[2]) Такъ назывались у запорожскихъ казаковъ въ старину избы, собранныя въ кучу.

быть, другой-третій былъ убитъ на всю сотню. И все продолжали палить казаки изъ пищалей, ни на минуту не давая промежутка.

— А что, паны? — сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными,— есть еще порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла ли казацкая сила? не мутятся ли казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще казацкая сила! еще не мутятся казаки!

И наперли сильно казаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низкорослый полковникъ ударилъ сборъ и велѣлъ выкинуть восемь знаменъ, чтобы собрать своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали къ знаменамъ.

— Что, паны? — перекликнулся атаманъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ, — есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? крѣпка ли еще казацкая сила, не гнутся ли уже казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка казацкая сила; еще не гнутся казаки!

И рванулись снова казаки такъ, какъ бы и потерь никакихъ не понесли. — Вотъ и наша побѣда! — раздались со всѣхъ сторонъ запорожскіе голоса, затрубили въ трубы и выкинули побѣдную хоругвь. Вездѣ бѣжали и крылись разбитые ляхи. — Ну, нѣтъ еще не совсѣмъ побѣда! — сказалъ Тарасъ, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду.

Отворились ворота и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ.

— На коня, Остапъ! — сказалъ Тарасъ. — Остапъ, Остапъ! не поддавайся! — кричалъ онъ, а самъ, схвативши саблю наголо, сталъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки. А на Остапа уже наскочило вдругъ шестеро; но не въ добрый часъ видно наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ третьяго; четвертый былъ поотважнѣе, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля — вздыбилъ бѣшеный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника. — Добре, сынку! добре, Остапъ! — кричалъ Тарасъ. — Вотъ я слѣдомъ за тобою. А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплетъ гостинцы тому и другому въ голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остапа и видитъ, что уже вновь схватилось съ Остапомъ не мало, восьмеро разомъ. „Остапъ, Остапъ! не поддавайся!“ Но уже одолѣваютъ Остапа; уже одинъ накинулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остапа.

„Эхъ, Остапъ, Остапъ,“ кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ. „Эхъ, Остапъ, Остапъ!...“ Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту. Все закружилось и перевернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшанно сверкнули передъ нимъ голо-

вы. копья, дымъ, блескъ огня, сучья съ древесными листьями. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ на землю. И туманъ покрылъ его очи.

5. Смерть Тараса.

— Долго же я спалъ! — сказалъ Тарасъ, очнувшись, какъ послѣ труднаго хмельнаго сна, и стараясь распознать окружающіе его предметы. Страшная слабость одолѣвала его члены. Едва метались передъ нимъ стѣны и углы незнакомой свѣтлицы. Наконецъ, замѣтилъ онъ, что передъ нимъ сидѣлъ Товкачъ и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханію.

— „Да,“ подумалъ про себя Товкачъ, „заснулъ бы ты, можетъ быть, и навѣки!“ но, ничего не сказавъ, погрозилъ ему пальцемъ и далъ знакъ молчать.

„Хоть не живого, да довезу тебя!“ Такъ говорилъ вѣрный товарищъ, скакалъ безъ отдыха дни и ночи и привезъ его безчувственнаго въ самую Запорожскую Сѣчь. Тамъ принялся онъ лѣчить его неутомимо травами и смачиваніями; нашелъ какую-то знающую жидовку, которая мѣсяцъ поила его разными снадобьями, и наконецъ Тарасу стало лучше. Лѣкарства ли или своя желѣзная сила взяла верхъ, только онъ черезъ полтора мѣсяца сталъ на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, какъ глубоко когда-то былъ раненъ старый казакъ. Однако же, замѣтно сталъ онъ пасмуренъ и печаленъ. Три тяжелыя морщины насупились на лобъ его и уже больше никогда не сходили съ него. Оглянулся онъ теперь вокругъ себя: все новое на Сѣчи, всѣ перемерли старые товарищи. Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые сѣдые бандуристы, приходя по два и по три, разславляли его казацкіе подвиги, — сурово и равнодушно глядѣлъ онъ на все, и на неподвижномъ лицѣ его выступала неугасимая горесть и, тихо понуривъ голову, говорилъ онъ: — „сынъ мой, Остапъ мой!“ Ничто уже не занимало Тараса. Онъ уходилъ въ луга и степи будто бы за охотою, но зарядъ его оставался не выстрѣленнымъ и, положивъ ружье, полный тоски, садился онъ на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря: „Остапъ мой, Остапъ мой! Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричали чайки, бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержалъ, наконецъ, Тарасъ!

Сто двадцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ, и уже доходилъ до Кракова. Гетману Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса. Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій неутомимо преслѣдовалъ

ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную, развалившуюся крѣпость.

Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы; рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ среди самаго бѣгу остановился Тарасъ и вскрикнулъ: „Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ.“ И нагнулся старый атаманъ, и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную спутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки[1]). „Эхъ, старость, старость!“ сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый[2]) старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. „Попалась ворона!“ кричали ляхи. „Теперь нужно только придумать, какую бы ему лучше честь воздать.“ И присудили, съ гетманскаго разрѣшенія, сжечь его живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу: гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ виденъ казакъ, и принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его: глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки, — ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. „Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе,“ кричалъ онъ, „горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они!“ Но вѣтеръ не донесъ его словъ. „Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!“ говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ глазахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: „Къ берегу! къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони“.

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой; а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ. „А, товарищи! куда ни пошло!“ сказали всѣ, остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свистнули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и

[1]) Гайдукъ — служитель высокаго роста въ венгерской или казачьей одеждѣ. [2]) Дебелый — толстый, крѣпкій, плотный.

бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана.

„Прощайте, товарищи!“ кричалъ онъ имъ сверху, „вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, вражьи ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы; подымается изъ Русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!...“ А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!

Не малая рѣка Днѣстръ и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокихъ мѣстъ; блеститъ рѣчное зеркало, и гордый челнъ быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ турухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на прибрежьяхъ. Казаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего атамана.

90. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился 28 октября 1818 года въ городѣ Орлѣ, въ богатой и родовитой помѣщичьей семьѣ. Дѣтство его протекло въ большомъ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, принадлежавшемъ его матери. Такъ какъ родители его были люди богатые, то ужъ съ пятилѣтняго возраста къ нему были приставлены иностранцы-гувернеры, и онъ научился въ совершенствѣ владѣть языками французскимъ и нѣмецкимъ. Несмотря на окружавшее мальчика богатство, дѣтство Тургенева не было счастливымъ, потому что жестокость матери по отношенію къ крѣпостнымъ и дворовымъ, среди которыхъ не мало было у него друзей, уменьшала его любовь къ ней и вызывала въ немъ жалость

къ притѣсняемымъ. Одиннадцати лѣтъ Тургенева отвезли въ Москву въ пансіонъ.

гдѣ онъ прекрасно научился англійскому языку и пристрастился къ чтенію. Шестнадцати лѣтъ онъ блестяще выдержалъ экзаменъ въ Московскій университетъ, но вслѣдствіе смерти отца долженъ былъ прожить годъ съ матерью въ деревнѣ, а затѣмъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, который и окончилъ въ 1838 году. Владѣя прекрасно языками, Тургеневъ въ университетѣ серьезно занимался чтеніемъ русской и иностранной литературы, а по окончаніи уѣхалъ на два года въ Берлинъ для пополненія образованія. Вернувшись на родину, Тургеневъ окончательно разошелся съ своей матерью вслѣдствіе ея дурного отношенія къ крестьянамъ, хотя изъ-за этого ему пришлось остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни. Онъ поступилъ въ Петербургѣ на службу чиновникомъ и часто бѣдствовалъ; но уже въ 1847 году появился его первый разсказъ изъ „Записокъ охотника,“ „Хорь и Калинычъ,“ а затѣмъ и прочіе очерки, пока въ 1852 году не вышла въ свѣтъ вся книга, доставившая Тургеневу громкую славу. Въ „Запискахъ охотника“ Тургеневъ изображаетъ всю крѣпостную Русь съ ея природой, которой никто изъ русскихъ писателей не изображаетъ въ такомъ совершенствѣ, какъ онъ, съ милыми его сердцу мужиками, тѣснимыми жестокими управляющими и бурмистрами, съ помѣщиками, которыхъ портитъ даровой трудъ крѣпостныхъ, какъ бы хороши они сами по себѣ ни были. Этой книгой Тургеневъ хотѣлъ послужить Россіи, раскрыть всѣмъ глаза на зло крѣпостного права, — и достигъ своей цѣли. „Записки охотника“ сдѣлались любимой книгой будущаго Царя-Освободителя, тогдашняго наслѣдника, Александра II. Въ 1850 году умерла мать Тургенева, онъ сдѣлался наслѣдникомъ ея имѣній и облегчилъ положеніе всѣхъ своихъ крестьянъ. Съ 1852—1856 года онъ живетъ въ деревнѣ, гдѣ имъ написанъ кромѣ разсказовъ и повѣстей романъ „Рудинъ“. Съ 1856 года до самой смерти Тургеневъ жилъ за границей, лишь изрѣдка пріѣзжая въ Россію. Одинъ за другимъ слѣдовали его романы: „Дворянское гнѣздо,“ „Отцы и дѣти,“ „Наканунѣ,“ „Новь,“ „Дымъ.“ Кромѣ того имъ написано множество разсказовъ и стихотвореній въ прозѣ. Всѣ сочиненія Тургенева кромѣ необыкновенной красоты языка отличаются сочувствіемъ автора ко всему слабому и гонимому и любовью къ правдѣ и прекрасному. Скончался Тургеневъ въ 1883 году близъ Парижа, а похороненъ въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ.

91. Герасимъ и Муму.

Дѣло было къ вечеру. Герасимъ шелъ вдоль рѣчки и глядѣлъ на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самаго берега. Онъ нагнулся и увидѣлъ небольшого щенка, бѣлаго съ черными пятнами, который, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ вылѣзть изъ воды, бился, скользилъ и дрожалъ всѣмъ своимъ мокренькимъ и худенькимъ тѣломъ. Герасимъ поглядѣлъ на несчастную собаченку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ

себѣ за пазуху и пустился большими шагами домой. Онъ вошелъ въ свою каморку, уложилъ спасеннаго щенка на кровати, прикрылъ его своимъ тяжелымъ армякомъ, сбѣгалъ сперва въ конюшню за соломой, потомъ въ кухню за чашечкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разостлавъ солому, поставилъ онъ молоко на кровать.

Бѣдной собачонкѣ было всего недѣли три; глаза у ней прорѣзались недавно; одинъ глазъ даже казался немножко больше другого; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и щурилась... Герасимъ взялъ ее легонько двумя пальцами за голову и пригнулъ ея мордочку къ молоку. Собачка вдругъ начала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасимъ всю ночь возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ, пока наконецъ и самъ не заснулъ возлѣ нея. Онъ сталъ усердно ухаживать за своей питомицей. Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу оправилась и выровнялась; а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ Герасима, превратилась въ очень ладную собачку испанской породы съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ въ видѣ трубы, и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась къ Герасиму и не отставала отъ него ни на шагъ: все ходила за нимъ, повиливая хвостикомъ. Онъ и кличку далъ ей; онъ назвалъ ее Муму. Всѣ люди ее въ домѣ полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всѣмъ ласкалась, но любила одного Герасима; Герасимъ самъ любилъ ее безъ памяти.

Она его будила по утрамъ, дергая его за полу; приводила къ нему за поводъ старую водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ; съ важностью на лицѣ отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала къ его каморкѣ. Онъ, нарочно для нея, прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, и она какъ будто чувствовала, что только въ Герасимовой каморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ съ довольнымъ видомъ вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору, какъ иная глупая дворняжка, которая, сидя на заднихъ лапахъ, поднявъ морду и зажмуривъ глаза, лаетъ просто отъ скуки, такъ, на звѣзды и обыкновенно три раза сряду — нѣтъ! тонкій голосокъ Муму никогда не раздавался даромъ: либо чужой близко подходилъ къ забору, либо гдѣ-нибудь подымался подозрительный шумъ или шорохъ... словомъ, она сторожила отлично. Правда, былъ еще, кромѣ нея, на дворѣ старый песъ, желтаго цвѣта, съ бурыми крапинками, по имени Волчокъ, но того никогда, даже ночью, не спускали съ цѣпи, да и онъ самъ, по дряхлости своей, вовсе не требовалъ свободы — лежалъ себѣ, свернувшись въ своей конурѣ, и лишь изрѣдка издавалъ, сиплый, почти беззвучный лай, который тотчасъ же прекращалъ, какъ бы самъ чувствуя всю его безполезность. Въ господскій домъ Муму не ходила и, когда Герасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетер-

пѣливо его выжидала у крыльца, навостривъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ налѣво, при малѣйшемъ стукѣ за дверями . . .

92. Лиза.

(Изъ романа „Дворянское гнѣздо.“)

Лизѣ минулъ десятый годъ, когда умеръ отецъ ея, бывшій губернскій прокуроръ; но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ, не скупясь, давалъ, деньги на учителей, гувернеровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но не любилъ нянчиться ними, — да и некогда ему было. Марья Дмитріевна, мать Лизы, занималась съ дѣвочкой не много больше мужа: она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой — и только: Марью Дмитріевну утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Маро изъ Парижа; а послѣ его смерти поступила въ вѣдѣніе бабушки Марѳы Тимоѳеевны. Гувернантка имѣла на Лизу мало вліянія; но тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агаѳьи Власьевны.

Лизѣ только-что пошелъ пятый годъ, когда къ ней приставили Агаѳью Власьевну. Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ; черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ отца; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда недаромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно ясно. Отца она боялась; чувство ея къ матери было неопредѣленно, — она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агаѳьѣ не ласкалась, хотя только одну ее любила. Агаѳья съ ней не разставалась.

Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агаѳья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслицѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что разсказываетъ ей Агаѳья, а Агаѳья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божьихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду, — и царей не боя-

лись, Христа исповѣдывали, какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали... Агаѳья говорила съ Лизой важно, смиренно. Лиза ее слушала и образъ Вездѣсущаго, и Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ: Агаѳья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ. Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе домой въ постельку — все это потрясало дѣвочку, проникало въ самую глубь ея существа. Агаѳья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала; и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агаѳья была недовольна другими.

Года три съ небольшимъ ходила Агаѳья за Лизой; дѣвица Маро ее смѣнила, но легкомысленная француженка не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Притомъ Агаѳья хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто видѣлась съ своей воспитанницей, которая ей вѣрила попрежнему. Агаѳья, однако, не ужилась съ бабушкой, Марѳой Тимоѳеевной. Строгая важность няни не понравилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агаѳья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась въ монастырь. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился.

Она попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марѳа Тимоѳеевна, хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны. Училась Лиза хорошо, т.-е. усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепіано; но одинъ Леммъ, учитель музыки, зналъ, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было „своихъ словъ", но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что ему дѣлать. Такъ росла она покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація[1]); голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга,

1) Привлекательное изящество въ обращеніи и тѣлодвиженіяхъ.

боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Такова была Лиза.

93. Яковъ Пасынковъ.

I.

Я зналъ Пасынкова очень давно, почти съ дѣтства. Онъ воспитыв алсявъ томъ же частномъ пансіонѣ нѣмца Винтеркеллера, въ которомъ и я прожилъ три года. Отецъ Якова, бѣдный отставной майоръ, человѣкъ весьма честный, но нѣсколько поврежденный въ умѣ, привезъ его, семилѣтняго мальчика, къ этому нѣмцу, заплативъ за него за годъ впередъ, уѣхалъ изъ Москвы, да и пропалъ безъ вѣсти . . . Изрѣдка ходили о немъ темные, странные слухи. Только лѣтъ черезъ восемь узнали съ достовѣрностью, что онъ утонулъ въ половодье, переправляясь черезъ Иртышъ. Что его занесло въ Сибирь — Господь вѣдаетъ. У Якова другихъ родныхъ не было; мать его давнымъ-давно умерла. Онъ такъ и остался на рукахъ Винтеркеллера. Правда, была у Якова отдаленная родственница, тетка, но до того бѣдная, что сначала боялась ходить къ своему племяннику, какъ бы не навязали его ей на шею. Страхъ ея оказался напраснымъ: добродушный нѣмецъ оставилъ у себя Якова, позволилъ ему учиться вмѣстѣ съ другими воспитанниками, кормилъ его и платье ему перешивалъ изъ поношенныхъ, камлотовыхъ капотовъ своей матери, престарѣлой, но еще очень бойкой и распорядительной лифляндки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и вообще вслѣдствіе подчиненнаго положенія Якова въ пансіонѣ, товарищи обращались съ нимъ небрежно, глядѣли на него свысока и называли его то бабьимъ капотомъ, то племянникомъ чепца (тетка его постоянно носила странный чепецъ), то сыномъ Ермака (такъ какъ отецъ его утонулъ въ Иртышѣ). Но, несмотря на эти прозвища, несмотря на смѣшныя его платья, на его крайнюю бѣдность, всѣ его очень любили; да и не возможно было его не любить: болѣе доброй, благородной души, я думаю, и на свѣтѣ не было. Учился онъ также очень хорошо.

II.

Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, ему было лѣтъ шестнадцать, а мнѣ только что минулъ тринадцатый годъ. Я былъ очень самолюбивый и избалованный мальчикъ, выросъ въ довольно богатомъ домѣ, и потому, поступивъ въ пансіонъ, поспѣшилъ сблизиться съ однимъ князькомъ да еще съ двумя-тремя маленькими аристократами, а со всѣми другими важничалъ. Пасынкова я не удостоилъ даже вниманія. Этотъ длинный и неловкій малый, въ безобразной курткѣ, казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ казачка изъ дворовыхъ. Пасынковъ былъ очень вѣжливъ и кротокъ со всѣми, хотя ни въ комъ никогда не заискивалъ; если его

отталкивали, — онъ не унижался и не дулся, а держался въ сторонѣ, какъ бы сожалѣя и выжидая. Такъ онъ поступилъ и со мной.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Однажды, въ лѣтній ясный день, проходя, послѣ шумной игры въ лапту, со двора въ садъ, увидалъ я Пасынкова, сидѣвшаго на скамейкѣ, подъ высокимъ кустомъ сирени. Онъ читалъ книгу. Я взглянулъ мимоходомъ на переплетъ и прочиталъ на спинкѣ имя Шиллера: „Schillers Werke“. Я остановился.

— Развѣ вы знаете по-нѣмецки? спросилъ я Пасынкова. Мнѣ до сихъ поръ становится совѣстно, когда я вспомню, сколько пренебреженія было въ самомъ звукѣ моего голоса . . . Пасынковъ тихо поднялъ на меня свои небольшіе, но выразительные глаза и отвѣтилъ:

Да, знаю; а вы?

— Еще бы! возразилъ я, уже обиженный, и хотѣлъ было итти дальше, да что-то удержало меня.

— А что именно читаете вы изъ Шиллера? спросилъ я съ прежней надменностью.

Теперь я читаю „Resignation“; прекрасное стихотвореніе. Хотите, я вамъ его прочту? Сядьте вотъ здѣсь, подлѣ меня, на скамейкѣ.

Я немного поколебался, однако сѣлъ.

Пасынковъ началъ читать. По-нѣмецки онъ зналъ гораздо лучше меня: ему пришлось толковать мнѣ смыслъ нѣкоторыхъ стиховъ; но я уже не стыдился ни своего незнанія ни его превосходства передо мною. Съ того дня, съ самаго того чтенія вдвоемъ въ саду, въ тѣни сирени, я всей душой полюбилъ Пасынкова, сблизился съ нимъ и подчинился ему вполнѣ.

III.

Живо помню его тогдашнюю наружность. Впрочемъ онъ и послѣ мало измѣнился. Онъ былъ высокаго роста, худъ, долговязъ и довольно неуклюжъ. Узкія плечи и впалая грудь придавали ему болѣзненный видъ, хотя онъ не могъ пожаловаться на свое здоровье. Его большая, кверху закругленная голова слегка склонялась на бокъ; мягкіе русые волосы висѣли жидкими косицами вокругъ тонкой шеи. Лицо его не было красивымъ и даже могло показаться смѣшнымъ, благодаря длинному, пухлому и красноватому носу, какъ бы нависшему надъ широкими и прямыми губами; но открытый лобъ его былъ прекрасенъ, и когда онъ улыбался, его маленькіе сѣрые глазки свѣтились такимъ кроткимъ и ласковымъ добродушіемъ, что при взглядѣ на него у всякаго становилось тепло и весело на сердцѣ. Помню я также его голосъ, тихій и ровный, съ какою-то особенно пріятной сипотой. Онъ говорилъ вообще мало и съ замѣтнымъ затрудненіемъ; но когда одушевлялся, рѣчь его лилась свободно. Около трехъ лѣтъ провелъ я съ Пасынковымъ, какъ говорится душа въ душу. Вліяніе его на меня

было самое благотворное. Къ сожалѣнію, оно не было продолжительно. Приведу одинъ только примѣръ. Въ дѣтствѣ я привыкъ лгать . . . Передъ Яковымъ у меня языкъ не поворачивался на ложь. Но особенно отрадно было мнѣ гулять съ нимъ вдвоемъ или ходить возлѣ него взадъ и впередъ по комнатѣ и слушать, какъ онъ, не глядя на меня, читалъ стихи своимъ тихимъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Право, мнѣ тогда казалось, что мы съ нимъ медленно, понемногу, отдѣлялись отъ земли и неслись куда-то, въ какой-то лучезарный, таинственно-прекрасный край . . .

94. Изъ „Записокъ охотника".

1. Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня. Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь. Я глянулъ вдоль аллеи и увидѣлъ молодого воробья съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно, растопыривъ едва прораставшія крылышки. Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой — и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой. раскрытой пасти. Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище . . . Но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою! Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ . . .

Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда. Мой Трезоръ остановился, попятился . . . Видно, и онъ призналъ эту силу. Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился, благоговѣя. Я благоговѣлъ передъ той маленькой героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ. Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти.

2. Лѣтній день.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное—мирно всплываетъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками: блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра . . . Но вотъ опять хлынули играющіе лучи, — и весело, величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество

круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями, подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы. Они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ кое-гдѣ протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: — то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру облака эти исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось также спокойно, какъ спокойно взошло оно на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „паритъ“ по скатамъ полей, но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты — несомнѣнный признакъ постоянной погоды — высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба...

II.

Послѣ такого дня торжественно и царственно стоитъ ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ, она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли. Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе.

Болѣе трехъ часовъ спустя взошелъ наконецъ мѣсяцъ; я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде. Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, предразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло, — въ немъ снова какъ будто разливалась сырость... Не долги лѣтнія ночи! Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдносѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ.

Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу и спереди по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу и сзади по длинной, пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ подъ рѣдѣющаго тумана — полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого горячаго свѣта. Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола и вдругъ, мимо меня, погоняемый мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ.

3. Лукерья.

I.

По тропинкѣ дошелъ я до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, куда ставятъ ульи на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой. Въ углу приспособлены подмостки и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура. Я пошелъ было прочь . . .

— Баринъ, а баринъ! Петръ Петровичъ! — послышался мнѣ голосъ слабый, медленный и сиплый, какъ шелестъ болотной осоки[1]).

Я приблизился — остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, носъ узкій; губъ почти не видать, — только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами, какъ палочками, двѣ крошечныя руки, тоже бронзоваго цвѣта. Я взглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу — силится, силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ? — прошепталъ опять голосъ. — Да и гдѣ узнать! Я Лукерья . . . Помните, что хороводы у матушки у вашей въ Спасскомъ водила, запѣвалой была?

Возможно ли? Это — Лукерья, первая красавица по всей нашей дворнѣ, высокая, полная, бѣлая, румяная, хохотунья, плясунья, пѣвунья! . . .

[1]) Особаго рода болотное растеніе.

— Помилуй, Лукерья, что съ тобой случилось?

— А бѣда такая стряслась, ужъ давно, лѣтъ шесть или семь. Дѣло было весною . . . разъ ночью, ужъ и до зари не далеко, а мнѣ не спится: соловей въ саду таково удивительно поетъ сладко! . . . Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается . . . и вдругъ мнѣ почудилось, будто зоветъ меня кто-то тихо такъ . . . Я глядь въ сторону, да знать съ просонья оступилась, такъ прямо и полетѣла внизъ, да о землю хлопъ! И, кажись, несильно я расшиблась, потому скоро и поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри порвалось . . . Дайте духъ перевести, баринъ!

II.

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумляло меня собственно то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе. — Съ самаго того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже — полно и ногами владѣть; ни пить, ни ѣсть не хочется, все хуже, да хуже. Матушка ваша, по добротѣ своей, и лекарямъ меня показывала; однако, облегченья мнѣ никакого не вышло. Вотъ и порѣшили, что лѣчить меня больше нечего, — ну, и переслали сюда, потому тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

— Это, однако же, ужасно! Такъ ты все и лежишь? — Вотъ такъ и лежу, баринъ, седьмой годокъ. Лѣтомъ-то я здѣсь лежу, а какъ холодно станетъ, меня въ предбанникъ перенесутъ. Тамъ лежу.

— Кто же за тобою ходитъ?

— А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ѣсть-то, почитай, что не ѣмъ ничего, а вода, вонъ она въ кружкѣ-то, всегда стоитъ принесенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу, одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть сиротка; нѣтъ, нѣтъ да и навѣдается, спасибо ей. Она цвѣты мнѣ носитъ; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ-то.

— И не скучно, не жутко тебѣ?

— А что будешь дѣлать? Лгать не хочу — сперва очень тошно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась, — ничего; инымъ еще хуже бываетъ . . .

— Это какимъ же образомъ? — А у иного пристанища нѣтъ! А иной слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется, — я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтаетъ или липа въ саду, — мнѣ и сказывать не надо; я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить? многимъ хуже моего

бываетъ. Я такъ себя пріучила: не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скорѣе проходитъ. —

III.

Я, признаюсь, удивился. Ты все одна да одна, Лукерья; какъ же ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли? Или ты все спишь?

— Ой, нѣтъ, баринъ! Спать-то я не всегда могу. Хоть большихъ болей и нѣтъ у меня, а ноетъ внутри, не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ, а такъ живу я себѣ, поживаю, и не думаю: чую, что жива, дышу — и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ да заворкуетъ, курочка-насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка, — мнѣ очень пріятно. Въ запрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно! Одна влетитъ, къ гнѣздышку припадетъ, дѣтокъ накормитъ — и вонъ. Глядишь, ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ ну пищать да клювы разѣвать... Я ихъ на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстовался? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какіе вы, господа охотники, злые!

— Я ласточекъ не стрѣляю, — поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ, — начала опять Лукерья, вотъ смѣхъ то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки что ли за нимъ гнались, только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ!... Сѣлъ близехонько, и долго таки сидѣлъ, и на меня смотрѣлъ. Понялъ, значитъ, что я ему нестрашна. Наконецъ, всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогѣ оглянулся, — да и былъ таковъ! Смѣшной такой! Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже, потому темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать всегда охоча была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу то. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что; сверчокъ затрещитъ, али мышь гдѣ скрестись станетъ. Вотъ тутъ-то хорошо не думать! А то я молитвы читаю. Только немного я знаю ихъ. Да и на что я стану Господу докучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. — Прошло минуты двѣ. Я не нарушалъ молчанія, я словно оцѣпенѣлъ. Жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Ты много говоришь, — замѣтилъ я ей, — это можетъ тебѣ повредить.

— Правда, — прошептала она едва слышно, — разговору нашему конецъ; да куда ни шло! Теперь, какъ вы уйдете, намолчусь я вволю. По крайности душу отвела...

Я сталъ прощаться съ нею. — Нѣсколько недѣль спустя я узналъ, что Лукерья скончалась...

4. Удовольствія охотника.

I.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ . . . но положимъ вы не родились охотникомъ: вы все-таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату (охотнику) . . . слушайте. Знаете ли вы напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо . . На темно-сѣромъ небѣ кое-гдѣ мигаютъ звѣзды, влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами пара только что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга . . Вы ѣдете — ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину . . . Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ кучеръ посвистываетъ . . . Но вотъ вы отъѣхали версты четыре . . . Край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары, жаворонки звонко поютъ; предразсвѣтный вѣтеръ подулъ, — и тихо всплываетъ багрово солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня вонъ подальше другая съ бѣлой церковью, вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете . . . Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ! . . Версты три осталось, не больше.

Солнце быстро поднимается; небо чисто . . . Погода будетъ славная Стадо потянулось изъ деревни къ намъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору . . Какой видъ! Рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ ясно выступаетъ даль . . . не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ быстро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны! . . .

II.

А лѣтнее, іюльское утро? Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по

росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ, — васъ такъ и обдастъ накопившимся теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и кашки; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца ... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь ... Вы поздоровались съ нимъ, отошли — звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой ... Небо темнѣетъ по краямъ: колючимъ зноемъ пышетъ недвижный воздухъ. — Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться? спрашиваете вы у косаря. — „А вонъ въ оврагѣ колодецъ.“ Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ ...

Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни, вы дышете пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ: ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага ... Что за свинцовая полоса на небосклонѣ? Зной ли густѣетъ? туча ли надвигается? ... Но вотъ слабо сверкнула молнія ... Э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце, охотиться еще можно. Но туча растетъ; передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло ... Скорѣй! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай ... скорѣй! ... Вы добѣжали, вошли ... Каковъ дождикъ? Каковы молніи? Кое-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно ... Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами! ...

III.

Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потокомъ жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни ... Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката ... Вотъ оно блѣднѣетъ; синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ, воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость. А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно: собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ

надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ . . . что это? пожаръ? . . нѣтъ это выходитъ луна, а вонъ внизу, направо уже мелькаютъ огоньки деревни. Вотъ наконецъ и ваша изба. Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ.

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ какъ боецъ подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ . . . Лѣсъ глохнетъ . . . неизъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ . . .

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять; птица, выпорхнувъ у васъ изъ-подъ ногъ, тотчасъ же исчезнетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана.

Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется, оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите — лѣсъ превращается въ высокую гряду полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ — всюду туманъ . . . Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется, клочокъ блѣдно-голубого неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно замирающій паръ; золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу . . . и вотъ опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба. Но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ наконецъ восторжествуетъ, и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то взвиваются и исчезаютъ въ глубокой, нѣжно сіяющей вышинѣ! . . .

5. Бирюкъ.[1])

I.

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ[2]). До дому еще было верстъ восемь. Гроза надвигалась. Дорога вилась передо мною

[1]) Такъ называютъ въ Орловской губерніи человѣка одинокаго и угрюмаго.
[2]) Дрожки — легкій открытый экипажъ для быстрой ѣзды.

между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ; сверкнула молнія, и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я принужденъ былъ переждать грозу у лѣсника въ избушкѣ.

Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Лѣсникъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Я спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, — отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ. Я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: „Вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ, какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ[1]).“

— Такъ ты Бирюкъ? Говорятъ, что ты никому спуску не даешь?

— Должность свою справляю, — отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ есть не приходится.

— Гроза проходитъ, — замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанія — коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье.

— Это зачѣмъ? — спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ... Въ оврагѣ дерево рубятъ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы стали прислушиваться. — Во... вотъ, — проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: — вишь, какую ночку выбралъ. — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. „Ладно, — отвѣчалъ онъ: — мы его духомъ[2]) поймаемъ, а тамъ, я васъ провожу. Пойдемте.“

II.

Мы пошли; Бирюкъ впереди, а я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобъ прислушиваться къ стуку топора. — „Вишь, — бормоталъ онъ сквозь зубы: — слышите, слышите?“ — Да гдѣ? — Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье; — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Глухой и продолжительный гулъ раздался... — Повалилъ... — пробормоталъ Бирюкъ. —

1) Ничѣмъ не соблазняется. 2) Нар. быстро, въ одно мгновеніе.

Подождите здѣсь, — шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье кверху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ . . . „Куда? стой!“ — загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, по-заячьи . . . Началась борьба. „Врешь, врешь, — твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь . . .“ Я бросился въ направленіе шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы.

У срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ, онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидѣлъ мужика мокраго въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же съ телѣжнымъ ходомъ[1]). Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, — шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку[2]) лѣвой рукой; правой онъ держалъ вора за поясъ. „Ну, поворачивайся, ворона!“ — промолвилъ онъ сурово. — „Топорикъ-то вонъ возьмите,“ — пробормоталъ мужикъ. — „Зачѣмъ ему пропадать?“ — сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади . . . Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Я сѣлъ на лавку. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены . . . Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу . . . Дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

III.

— Ѳома Кузьмичъ, — заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ; — а, Ѳома Кузьмичъ! Отпусти!

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти . . . съ голодухи . . . отпусти!

— Знаю я васъ, — угрюмо возразилъ лѣсникъ: — ваша вся слобода такая, — воръ на ворѣ.

— Отпусти, — твердилъ мужикъ; — разорены, во́-какъ . . . отпусти!

— Разорены . . . Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ . . . не погуби!

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ нервно.

— Отпусти, — повторялъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ; — отпусти, ей-

---

[1]) Колеса съ осями, соединенныя продольной перекладиной, — безъ кузова.
[2]) Часть конской гривы, падающая между ушами на лобъ лошади.

Богу, отпусти! я заплачу, во-какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты, все-таки воровать, не ходи.

— Лошаденку, — продолжалъ мужикъ, — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ[1]) и есть... отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня... знаешь? Бѣднякъ потупился[2])... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ. Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. „Ну, на, ѣшь, на, подавись, на" — началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — „на, душегубецъ, пей христіанскую кровь, пей"... Лѣсникъ обернулся. — Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ? — заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ!.. не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты... да я тебя!...

— А мнѣ что? Все едино — пропадать: куда я безъ лошади пойду? Пришиби, — одинъ конецъ, что съ голоду, что такъ, — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся! — Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, — подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей...

— Молчать! — загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза. — Полно, полно, Ѳома, — закричалъ я, — оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, — продолжалъ несчастный. — Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ! — крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью! — закричалъ онъ ему вслѣдъ: да смотри, въ другой разъ у меня!...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу. На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Ну, Бирюкъ, — промолвилъ я наконецъ, — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый! — Э, полноте, баринъ, — перебилъ онъ меня съ досадой: — не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу, — прибавилъ онъ: — знать[3]) дождика-то вамъ не переждать...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

---

[1]) Вмѣсто: животное, домашняя скотина. [2]) Сталъ смотрѣть въ землю. [3]) Видно.

6. Хорь и Калинычъ.

I.

Въ качествѣ охотника посѣщая Жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ... Въ первый же день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ, онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, прибавилъ онъ: — пѣшкомъ итти далеко, зайдемте сперва къ Хорю.

— А кто такой Хорь?

— А мой мужикъ... Онъ отсюда близехонько.

Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А, Ѳедя! дома Хорь? спросилъ его г. Полутыкинъ.

— Нѣтъ. Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ. — Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу. Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ, теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на васъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли... Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, кудрявый и краснощекій, сидѣлъ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго пѣгаго жеребца. Кругомъ телѣги стояло человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Ѳедю. — „Всѣ дѣти Хоря!“ замѣтилъ Полутыкинъ. — „Всѣ Хорьки,“ подхватилъ Ѳедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо; „да еще не всѣ: Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ со старымъ Хоремъ въ городъ... Смотри же, Вася, продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру: — „духомъ сомчи: барина везешь. Только на толчкахъ-то, смотри, потише!“... Вася далъ вожжи лошади. Мы покатили...

— Скажите пожалуйста, спросилъ я Полутыкина за ужиномъ: — отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять

тому назадъ изба у него сгорѣла; вотъ и пошелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій. — Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ? — Да ужъ такъ; только вы, батюшка Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу употреблять меня ужъ не извольте, а оброкъ положите, какъ сами знаете. — Пятьдесятъ рублевъ въ годъ! — Извольте. — Да безъ недоимокъ у меня, смотри! — Извѣстно, безъ недоимокъ... Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его прозвали.

— Ну, и разбогатѣлъ? спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ, да еще я, пожалуй, накину, Я ужъ ему не разъ говорилъ: откупись, Хорь, ей откупись!... А онъ, бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ: денегъ, дескать, нѣту.. Да какъ бы не такъ!...

II.

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту Проѣзжая черезъ деревню, г. Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: „Калинычъ!“ — „Сейчасъ, батюшка, сейчасъ,“ раздался голосъ со двора: — „лапоть подвязываю.“ Мы поѣхали шагомъ, за деревней догналъ насъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой загнутой назадъ головкой.

Это былъ Калинычъ. Его добродушное смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устраивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г. Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ въ полголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ: улыбаясь прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченіе дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ. — Легкій порывъ вѣтерка

разбудилъ меня . . . Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г. Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я опять заговорилъ о Хорѣ да о Калиничѣ.

„Калинычъ — добрый мужикъ,“ — сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ: — „усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности однако содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мною на охоту ходитъ . . . Какое ужъ тутъ хозяйство! посудите сами.“ Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

III.

На другой день г. Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ по дѣлу . . . На охоту поѣхалъ я одинъ и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ — лысый, низкаго роста, плечистый и плотный — самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Ѳедя принесъ мнѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ . . . Онъ со мной все какъ будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то . . . Такъ оно какъ-то странно выходило.

Хорь выражался иногда мудрено, должно быть — изъ осторожности . . . Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, говорилъ я ему: — отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю . . . баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ, замѣтилъ я.

Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Вѣстимо, проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Попалъ Хорь въ вольные люди, продолжалъ онъ въ полголоса, какъ будто про себя: — кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрей.

— Что борода? борода — трава: скосить можно.

— Ну, такъ что жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? спросилъ я его.

— Торгуемъ помаленьку маслишкомъ да дегтишкомъ... Что же, телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

„Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ на-умѣ,“ подумалъ я. — Нѣтъ, сказалъ я вслухъ: — телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ постлать тебѣ простыню и положить подушку. — Эй, бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста: — сюда, бабы!... А ты, Ѳедя, поди съ ними. Бабы вѣдь народъ глупый.

IV.

Четверть часа спустя Ѳедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Ѳедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула раза два; собака съ достоинствомъ на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать... Я наконецъ задремалъ. На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ веселый, бойкій парень очень мнѣ нравился; да и, сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. Старикъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой: — пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Одна изъ его невѣстокъ принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу. — „Что у тебя за рослый народъ!“ замѣтилъ я старику.

— Да, промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару: — на меня да мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего.

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

— Вотъ одинъ, пострѣлъ, не женится, отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который попрежнему прислонился къ двери. Васька, тотъ еще молодъ: тому погодить можно . . .

— Дома Хорь? раздался за дверью знакомый голосъ — и Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ онъ для своего друга, Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ „нѣжностей“ отъ мужика. Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четырьмя позднѣе обыкновеннаго, и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ-романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то-есть: обострился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь насквозь видѣлъ г. Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря.

Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хоть и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ . . . Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ, Хорь же — къ людямъ, къ обществу . . . Узналъ Хорь, что я бывалъ за границей и любопытство его разгорѣлось . . . Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку: — „Что, у нихъ это тамъ есть такъ же, какъ у насъ, али иначе? . . . Ну, говори, батюшка, какъ же?“ . . . — „А! ахъ, Господи, твоя воля!“ восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа; Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что, дескать, это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо, это порядокъ. — Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденіе, котораго, вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели: убѣжденіе, что

Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо, то ему и нравится; что разумно, то ему и подавай, а откуда оно идетъ — ему все равно... Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанія были довольно, по своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ — умѣлъ. „Этому шалопаю грамота далась,“ замѣтилъ Хорь: — „у него и пчелы отродясь не мерли.“ — „А дѣтей своихъ ты выучилъ грамотѣ?“ — Хорь помолчалъ. — „Ѳедя знаетъ.“ — „А другіе?“ — „Другіе не знаютъ.“ — „А что?“ — Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ уменъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предразсудки и предубѣжденія . . .

V.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „Доля ты моя, доля!“... Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю... Зато въ другое время не было человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ-нибудь копается: телѣгу чинитъ, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ однако не придерживался, и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что надо де избѣ жильемъ пахнуть.

— Посмотри-ка, возразилъ я ему: — какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы бы жить не стали, батюшка, сказалъ онъ со вздохомъ...

На четвертый день вечеромъ г. Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. „Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ!“ сказалъ я... „Прощай, Ѳедя!“ — „Прощай, батюшка, прощай, не забывай насъ.“ Мы поѣхали; заря только что разгоралась. „Славная погода завтра будетъ,“ замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо.— „Нѣтъ, дождь пойдетъ,“ возразилъ мнѣ Калинычъ: — „утки вонъ плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ.“ — Мы въѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ вполголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ да глядѣлъ на зарю...

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г. Полутыкина.

7. Пѣвцы.

I.

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околодкѣ Стрыганихой (настоящее имя ея

осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, съ верху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зiяя, какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы и, пуще рѣки — черезъ рѣку можно, по крайней мѣрѣ, навести мостъ — раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня. Невеселый видъ, нечего сказать, — а между тѣмъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкою трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка — стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркiй глазъ, обращено къ оврагу, и въ зимнiе вечера, освѣщенное изнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводною звѣздою. Надъ дверью избушки прибита голубая дощечка; эта избушка — кабакъ, прозванный „Притыннымъ“[1]). Въ этомъ кабакѣ вино продается, вѣроятно, не дешевле положенной цѣны, но посѣщается онъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ всѣ окрестныя заведенiя такого же рода. Причиной этому — цѣловальникъ Николай Иванычъ.

Николай Иванычъ — нѣкогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже посѣдѣвшiй мужчина съ заплывшимъ лицомъ, хитро-добродушными глазками и жирнымъ лбомъ, перетянутымъ морщинами, словно нитками, — уже болѣе двадцати лѣтъ проживаетъ въ Колотовкѣ. Николай Иванычъ — человѣкъ расторопный и смѣтливый, какъ большая часть цѣловальниковъ. Не отличаясь ни особенною любезностью, ни говорливостью, онъ обладаетъ даромъ привлекать и удерживать у себя гостей, которымъ какъ-то весело сидѣть передъ его стойкой, подъ спокойнымъ и привѣтливымъ, хотя зоркимъ взглядомъ спокойнаго хозяина. У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичiй бытъ, и крестьянскiй; въ трудныхъ случаяхъ онъ могъ бы подать неглупый совѣтъ, но, какъ человѣкъ осторожный и эгоистъ[2]), предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ и развѣ только отдаленными, словно безъ всякаго намѣренiя произнесенными намеками наводитъ своихъ посѣтителей — и то любимыхъ имъ посѣтителей — на путь истины. Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, въ посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и въ пляскахъ. Когда у него нѣтъ посѣщенiя, онъ обыкновенно сидитъ, какъ мѣшокъ, на землѣ передъ дверью своей избы,

---

[1]) Притыннымъ называется всякое мѣсто, куда охотно сходятся — всякое прiютное мѣсто.
[2]) Эгоистъ — себялюбецъ.

подвернувъ подъ себя тонкія ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всѣми прохожими. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, пережилъ не одинъ десятокъ мелкихъ дворянъ, заѣзжавшихъ къ нему за „очищеннымъ“, знаетъ все, что дѣлается на сто верстъ кругомъ, и никогда не проболтается, не показываетъ даже виду, что ему и то извѣстно, чего не подозрѣваетъ самый проницательный становой. Знай себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ. Его сосѣди уважаютъ; статскій генералъ Щеропетенко, первый по чину владѣлецъ въ уѣздѣ, всякій разъ снисходительно ему кланяется, когда проѣзжаетъ мимо его домика. Николай Иванычъ человѣкъ съ вліяніемъ; онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго и т. д. Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости, изъ усердія къ ближнимъ, — нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ-нибудь нарушить его спокойствіе. Николай Иванычъ женатъ, и дѣти у него есть. Жена его — бойкая, востроносая и быстроглазая мѣщанка, въ послѣднее время тоже нѣсколько отяжелѣла тѣломъ, подобно своему мужу. Онъ во всемъ на нее полагается, и деньги у нея подъ ключомъ. Пьяницы-крикуны ея боятся; она ихъ не любитъ: выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорѣе по сердцу. Дѣти Николая Иваныча еще малы; первыя всѣ перемерли, но оставшіяся пошли въ родителей: весело глядѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ ребятъ.

II.

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой поднимался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притыннаго кабачка. Солнце разгоралось на небѣ, какъ бы свирѣпѣя; парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душною пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходившихъ, словно прося ихъ участія; одни воробьи не горевали и, распуша перышки, еще яростнѣе прежняго чирикали и дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучами носились надъ зелеными коноплянниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣніемъ ключей и колодцевъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда... Но кто же назоветъ это отвратительное пойло водою? Я хотѣлъ спросить у Николая Ивановича стаканъ пива или квасу.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не представляетъ отраднаго зрѣлища, но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда іюльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурыя

полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокій оврагъ, и выжженный, запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя длинноногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ, остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивой, бурьяномъ и полынью и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленный, прудъ съ каймой изъ полувысохшей грязи и сбитой на бокъ плотину, возлѣ которой на мелко истоптанной, пепеловидной землѣ овцы, едва дыша и чихая отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣніемъ наклоняютъ головы, какъ можно ниже, какъ будто выжидая, когда же пройдетъ, наконецъ, этотъ невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались, — какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанный голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя, очевидно, размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди же! — залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови: — иди, Моргачъ, иди! экой ты, братецъ, ползешь, право слово! Это нехорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь... Иди!

— Ну, иду, иду, раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы направо показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная суконная чуйка[1]), вдѣтая въ одинъ рукавъ; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а носъ, острый и длинный, нахально выдвигался впередъ, какъ руль. — Иду, любезный, продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенія: — зачѣмъ ты меня зовешь?... Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели.

— Экой ты, Моргачъ, чудной, братецъ; тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь, зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ-Яшка, да Дикій Баринъ, да рядчикъ изъ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились, осьмуху пива поставили — кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то-есть... понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачемъ. — И ты не врешь, Обалдуй?

---

[1]) Чуйка — длинный суконный кафтанъ.

— Я не вру, съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало быть, будутъ пѣть, коли объ закладъ побились, божья коровка ты этакая, плутъ ты этакій, Моргачъ.

— Ну, пойдемъ, простота, возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцѣлуй же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя, залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь, Езопъ изнѣженный, презрительно отвѣчалъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Уже не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ объ лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

III.

Вѣроятно, немногіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки; но нашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто. Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной на-двое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ широкимъ дубовымъ столомъ, продѣлано большое продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ-три пустыя бочки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки большею частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ-нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ которыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный кабачокъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ наливалъ своей полной и бѣлой рукой два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ: Моргачу и Обалдую; а за нимъ въ углу, возлѣ окна виднѣлась его востроглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы — все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненіи: мигалъ глазами, неровно дышалъ,

руки его дрожали, какъ въ лихорадкѣ — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четыреугольнымъ подбородкомъ и черными блестящими волосами, жесткими, какъ щетина. Выраженіе его смуглаго, со свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ, можно было бы назвать почти свирѣпымъ, если-бы оно не было такъ спокойно-задумчиво. Онъ почти не шевелился, и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ-подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сертукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый, черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки — рядчикъ изъ Жиздры; это былъ невысокаго роста, плотный мужчина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазами и жидкой бородой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ узкой изношенной свиткѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ не, большихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты: всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. Зато въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня съ плечъ, какъ только я переступилъ порогъ.

IV.

Мой приходъ, я это могъ замѣтить, сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужичка въ изорванной свиткѣ.

— Ну, что-жъ! возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, повидимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать такъ начинать. А? Яша?...

— Начинать, начинать, одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй, хладнокровно и съ самоувѣренной улыбкой промолвилъ рядчикъ: — я готовъ.

— И я готовъ, съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не начиналъ: рядчикъ даже не приподнялся съ лавки — все словно ждали чего-то.

— Начинай! угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать? спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно по серединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваровъ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, залепеталъ Обалдуй: — тебѣ, братецъ.

Дикій Баринъ посмотрѣлъ на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть, съ разстановкой произнесъ Дикій Баринъ: — да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ полу осьмушку и поставилъ ее на столъ.

Дикій Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: „ну!“

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ.

Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь, распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй поставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ; Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ — свой.

— Тебѣ выбирать, проговорилъ Дикій Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина; гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе. Самъ Дикій Баринъ прищурился. Мой сосѣдъ, мужичокъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ, — всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь я же говорилъ, что тебѣ! воскликнулъ Обалдуй: — я вѣдь говорилъ . . .

— Ну, ну, не „цыркай“[1]), презрительно замѣтилъ Дикій Баринъ. — Начинай, продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую же мнѣ пѣсню пѣть? — спросилъ рядчикъ, приходя въ волненіе.

— Какую хочешь, отвѣчалъ Моргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

---

[1]) Цыркаютъ ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.

— Конечно, какую хочешь, прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки на груди. — Въ этомъ тебѣ указу нѣтъ. Пой, какую хочешь, да только пой хорошо, а мы ужъ потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай, рѣшилъ Дикій Баринъ и потупился.

V.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнувъ головой, и выступилъ впередъ. Яковъ впился въ него глазами . . .

Онъ закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ[1]) Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько хриплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараніемъ, умолкалъ и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, занозистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны; знатоку они бы много доставили удовольствія, нѣмецъ пришелъ бы отъ нихъ въ негодованіе. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я молода-молоденька
Землицы маленько:
Я посѣю молода-молоденька
Цвѣтика аленька . . .

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ: ему не доставало поддержки — хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачемъ начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: „Лихо! Забирай, шельмецъ! . . . Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты этакая, песъ! . . . Погуби Иродъ твою душу!“ и прочее. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ

[1]) Тоненькимъ голосомъ.

головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и по прежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ, и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, наконецъ, когда утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: „молодецъ! молодецъ!“ даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свиткѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: „А-га! хорошо!“ и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

VI.

— Ну, братъ, потѣшилъ! — кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій: — потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко . . . Ужъ я тебѣ говорю — далеко . . . А ты мнѣ вѣрь! (И онъ снова прижалъ рядчика къ груди.)

— Да пусти же его, пусти, неотвязная . . . съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку-то, вишь, онъ усталъ . . . Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ! Что присталъ, словно банный листъ?

— Ну, что-жъ, пусть садится; а я за его здоровье выпью, сказалъ Обалдуй и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо, а Обалдуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша; смотри, не оробѣй. Посмотримъ, кто кого, посмотримъ . . . А хорошо поетъ рядчикъ, ей Богу, хорошо.

— Очинно хорошо, замѣтила жена Николая Иваныча и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Хорошо — га! повторилъ вполголоса мой сосѣдъ.

— А, заворотень-полѣха! завопилъ вдругъ Обалдуй и, подойдя къ

мужичку съ дырой на плечѣ, уставилъ на него пальцемъ, запрыгалъ и залился дребезжащимъ хохотомъ. — Зачѣмъ пожаловалъ, заворотень? кричалъ онъ сквозь смѣхъ.

Бѣдный мужичокъ смутился и ужъ собрался было встать, да уйти поскорѣе, какъ вдругъ раздался мѣдный голосъ Дикаго Барина.

— Да что-жъ это за несносное животное такое? произнесъ онъ, скрипнувъ зубами.

— Я ничего, бормоталъ Обалдуй: — я ничего . . . я такъ . . .

— Ну, хорошо, молчать же! возразилъ Дикій Баринъ. — Яковъ начинай!

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что-то братъ, того . . . что-то . . . Гм . . . Не знаю, право, что то того . . .

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись! . . . чего вертишься? . . . Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій Баринъ потупился, выжидая.

VII.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ сквозь, обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ. Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но пронесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще, видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаніемъ; за вторымъ — третій, и понемногу, разгараясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала,“ пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, — хватала прямо за его русскія струны. Пѣсня росла,

разливаясь; Яковомъ, видимо, овладѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастію; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку; она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянію зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на встрѣчу знакомому морю, на встрѣчу низкому, багровому солнцу, — я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участіемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипѣли въ сердцѣ и поднимались въ глазахъ слезы. Глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня . . . Я оглянулся: — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго; Николай Иванычъ потупился; Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой, и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился . . . Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленіе, еслибы Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не пошевельнулся: всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаніемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его . . .

— Яша, проговорилъ Дикій Баринъ, положивъ ему руку на плечо, и . . . смолкъ. Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — „Ты . . . твоя . . . ты выигралъ,“ произнесъ онъ наконецъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Его быстрое, рѣшительное движеніе, какъ будто нарушило очарованіе; всѣ вдругъ заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ кверху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя, подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цѣловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикій Баринъ посмѣивался какимъ-то добрымъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичокъ то и дѣло твердилъ въ своемъ углу, утирая обѣими руками глаза, щеки, носъ и бороду: „а хорошо, ей Богу,

хорошо; ну, вотъ будь я собачій сынъ, хорошо!“, а жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался своею побѣдой, какъ дитя; все его лицо преобразилось; особенно его глаза такъ и сіяли счастіемъ. Его потащили къ стойкѣ; онъ подозвалъ къ ней расплакавшагося сѣраго мужичка, послалъ цѣловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго, однако, тотъ не сыскалъ, и начался пиръ . . .

95. Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился въ городѣ Симбирскѣ 6 іюня 1812 года. Трехлѣтнимъ ребенкомъ остался онъ сиротой послѣ своего отца, бывшаго зажиточнымъ купцомъ, и воспитаніемъ его руководила мать и крестный Гончарова, старый отставной морякъ, жившій въ покоѣ въ ихъ домѣ. Разсказы моряка рано пробудили въ мальчикѣ охоту путешествовать, и описанія путешествій сдѣлались его любимымъ чтеніемъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, а затѣмъ его отдали въ пансіонъ, устроенный въ домѣ одной княгини за Волгой. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Москвѣ въ среднее учебное заведеніе, гдѣ помимо прочихъ наукъ обращалось особенное вниманіе на изученіе языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Въ 1831 году Гончаровъ поступилъ въ московскій университетъ, курсъ котораго окончилъ черезъ 4 года. Послѣ окончанія университета онъ нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ на родинѣ, а затѣмъ поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Тогда же онъ сталъ бывать въ домѣ художника Майкова, отца поэта, которому Гончаровъ давалъ уроки, и здѣсь былъ прочитанъ въ рукописи первый романъ Гончарова „Обыкновенная исторія“. Это произведеніе обратило всеобщее вниманіе на автора. Въ 1852 году морское министерство предложило ему отправиться въ качествѣ секретаря въ кругосвѣтное путешествіе на фрегатѣ „Паллада“. Исполнилась завѣтная мечта, и плодомъ этого путешествія, продолжавшагося два года, была книга „Фрегатъ Паллада“, считающаяся лучшимъ русскимъ путешествіемъ. Въ 1858 году появился второй романъ Гончарова „Обломовъ“, а десять лѣтъ спустя „Обрывъ“. Подобно Гоголю, Гончаровъ въ своихъ произведеніяхъ рисуетъ намъ время, предшествовавшеее освобожденію крестьянъ. Останавливаясь съ любовью на всемъ, что было хорошаго въ тогдашнемъ строѣ жизни, онъ указываетъ однако, какъ существованіе людей, обезпеченныхъ крестьянскимъ трудомъ, могло

создать неспособныхъ ни къ какой дѣятельности Обломовыхъ, „обломовщину“. По глубинѣ содержанія своихъ произведеній, силѣ таланта и образцовому языку Гончаровъ считается однимъ изъ величайшихъ русскихъ писателей. Послѣ „Обрыва“ въ печати лишь изрѣдка появляются небольшіе очерки Гончарова. Почти до самаго конца своей жизни онъ состоялъ на службѣ и умеръ въ 1892 году въ Петербургѣ, въ маленькой квартирѣ, гдѣ прожилъ тридцать лѣтъ. Онъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

96. Изъ „Фрегата Паллада“.

1. Свѣжій вѣтеръ.

I.

Къ вечеру фрегатъ стало покачивать. Ну, что за важность? пусть немного покачаетъ: на то и океанъ. Къ чаю надо было положить на столъ рейки, то-есть поперечныя дощечки ребромъ, а то чашки, блюдечки, хлѣбъ и прочее ползло то въ одну, то въ другую сторону. Да и самимъ неловко было сидѣть за столомъ: сосѣдъ наваливался на сосѣда. Начинались обыкновенныя явленія качки: вдругъ дверь отворится и съ шумомъ захлопнется. Въ каютахъ, то тамъ, то здѣсь, что-нибудь со стукомъ упадетъ со стола или сорвется со стѣны, выскочитъ изъ шкапа и со звономъ разобьется — чашка, стаканъ, а иногда и самъ шкапъ зашевелится. А тамъ вдругъ, слышишь, сочится гдѣ-то сквозь стѣнку струя и падаетъ дождемъ на что случится, безъ разбора—на столъ, на диванъ, на голову кому-нибудь. Сначала это возбуждало шутки. Смѣшно было смотрѣть, когда кто-нибудь пойдетъ въ одинъ уголокъ, а его отнесетъ въ другой: никто не ходилъ какъ слѣдуетъ, все притопывая. Юность рѣзвилась, каталась изъ угла въ уголъ, какъ съ горъ. Вѣстовые бѣгали то туда, то сюда, на шумъ упавшей вещи, съ тѣмъ, чтобы поднять уже черепки. Эта качка напоминала мнѣ пока наши похожденія въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ — не больше. Не привыкать уже было засыпать подъ размахъ койки взадъ и впередъ, когда голова и ноги постепенно поднимаются и опускаются. Я коекакъ заснулъ, и то съ грѣхомъ пополамъ: но не одинъ разъ будилъ меня стукъ, топотъ людей, суматоха съ парусами. Едва станешь засыпать, какъ вдругъ раздается внезапный трескъ, звонъ — очнешься — что такое? ничего: заскрипѣлъ трапъ[1]), хлопнула дверь, упалъ графинъ или кто-нибудь вскакиваетъ съ постели и бранится, облитый водою, хлынувшей къ нему прямо на тюфякъ. Утомленный, заснешь опять; вдругъ ударъ, точно подземный, такъ что сердце дрогнетъ — проснешься: ничего — это поддало въ корму, то-есть ударило волной . . . И такъ до утра! Но утромъ дѣло стало посерьезнѣе. „Буря,“ сказали бы вы, а мои товарищи называли это очень свѣжимъ вѣтромъ. Я пробовалъ пойти на верхнюю палубу, но ходить было нельзя. Я постоялъ у

[1]) Трапъ — лѣстница на кораблѣ.

шпиля[1]), посмотрѣлъ, какъ море вдругъ скроется изъ глазъ совсѣмъ подъ фрегатъ, и передъ вами палуба стоитъ стоймя, то вдругъ скроется палуба, а вмѣсто нея очутится стѣна воды, которая такъ и лѣзетъ на васъ. Но не бойтесь: она сейчасъ спрячется, только держитесь обѣими руками за что-нибудь. Оно красиво, но однообразно... Я воротился въ общую каюту. Трудно было и обѣдать: чуть зазѣваешься, тарелка наклонится, и ручей супа быстро потечетъ по столу до тѣхъ поръ, пока обратный толчокъ не погонитъ его назадъ. Мнѣ уже становилось досадно: дѣлать ничего нельзя, даже читать. Сидя ли, лежа ли, а все надо думать о равновѣсіи, упираться то ногой, то рукой. Скучное дѣло качка; всѣ недовольны; нельзя, какъ слѣдуетъ, читать, писать, спать; видны также блѣдно-страдальческія лица. Порядокъ дня и ночи нарушенъ, кромѣ собственно морского порядка, который, напротивъ, усугубенъ. Но зато обѣдъ, ужинъ и чай становятся какъ-будто постороннимъ дѣломъ. Занятія, бесѣды нѣтъ... Просто, нѣтъ житья!

II.

12-го и 13-го января вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было. Всѣ полупортики, люминаторы были наглухо закрыты, верхніе паруса убраны, пушки закрѣплены задними талями, чтобы не давили тяжестью своего борта. Я не только стоять, да и сидѣть даже не могъ, если не во что было упираться руками и ногами. Кое-какъ добрался я до своей каюты, въ которой не былъ со вчерашняго дня, отворилъ дверь и не вошелъ — всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку — былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противоположныя стѣны. Я ахнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я было расположилъ такъ аккуратно по ящикамъ бюро — все это въ кучѣ валялось на полу и при каждомъ толчкѣ металось то направо, то налѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма — все ѣздило по полу, въ перегонку, что скорѣе скакнетъ въ уголъ, или оттуда на середину. — „Буря — прекрасно! Поэзія!" скажете вы въ восторгѣ. „Какая буря — свѣжій вѣтеръ!" говорятъ вамъ.

Можетъ быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время отъ времени угощаетъ плавателей, право незанимательно. Сами посудите, что тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшенныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи, только брызги, какъ дымъ, поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы; спустившись на

[1]) Шпиль — вертикальный воротъ, служащій для подъема якорей и другихъ тяжестей на кораблѣ.

дно между двухъ бугровъ, выпрямится, но только затѣмъ, чтобы тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картины, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали было, оторвались отъ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять. Какія бы, однако, ни были взяты предосторожности противъ паденія разныхъ вещей, но почти при всякомъ толчкѣ что-нибудь да найдетъ случай вырваться: или книга свалится съ полки, или куча бумагъ, или карта ползетъ по столу и тутъ же захватитъ по дорогѣ чернильницу или подсвѣчникъ. Вечеромъ разъ упала зажженная свѣча и прямо на карту. Я былъ въ каютѣ одинъ, всталъ, хотѣлъ побѣжать, но неодолимая тяжесть гнула меня къ полу, а свѣча вспыхивала сильнѣе, вотъ того гляди вспыхнетъ и карта. Я ползкомъ подобрался къ ней и кое-какъ поставилъ на свое мѣсто.

III.

„Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ!“ говорилъ по временамъ капитанъ, входя въ каюту и танцуя въ ней. „А вы это все сидите? Еще не пріобрѣли морскихъ ногъ.“ — „Я и свои потерялъ,“ сказалъ я. Но ему не вѣрилось, какъ это человѣкъ можетъ не ходить, когда ноги есть. „Да вы встаньте, ну, попробуйте,“ уговаривалъ онъ меня. „Пробовалъ,“ — сказалъ я, — „да безъ пользы, даже со вредомъ и для мебели. Вотъ, пожалуй . . .“ Но меня потянуло по совершенно отвѣсной покатости пола, и я побѣжалъ въ уголъ, какъ давно не бѣгалъ. Тамъ я кулакомъ попалъ въ зеркало, а другой рукой въ стѣну. Капитану было смѣшно. „Что же вы чай нейдете пить? сказалъ онъ. — „Не хочу,“ сказалъ я. „Ну, я велю вамъ сдѣлать здѣсь.“ — „Не хочу!“ повторилъ я . . . Я былъ очень разстроенъ. Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что, кажется, сейчасъ разсыплется вдребезги; но когда убѣдишься, что этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно; досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряютъ не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Я такъ и ночевалъ не въ своей каютѣ. Капитанъ тутъ же рядомъ спалъ одѣтый, безпрестанно вскакивая и выбѣгая на палубу. Ѳадеевъ[1]) утромъ явился съ бѣльемъ и звалъ въ каютъ-компанію къ чаю. — „Не хочу!“ былъ мой отвѣтъ. „Не надо ли, принесу сюда?“ — „Не хочу!“ твердилъ я, потому что наканунѣ попытка напиться чаю не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ: я обжегъ пальцы и уронилъ чашку. „Что, еще не стихаетъ?“ спросилъ я его. — „Куда тамъ

[1]) Матросъ — слуга Гончарова.

стихать, такъ и реветъ. Ужъ такое сердитое море здѣсь! прибавилъ онъ, глядя съ непростительнымъ равнодушіемъ въ окно, какъ волны вставали и падали, разсыпаясь пѣною и брызгами.

2. Подъ экваторомъ.

I.

Дни текли однообразно. Въ этомъ спокойствіи, уединеніи отъ цѣлаго міра, въ теплѣ и сіяніи, фрегатъ нашъ принимаетъ видъ какой-то отдаленной степной русской деревни. Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ въ силахъ души, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣжей головой и аппетитомъ, выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды прямо изъ океана — и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь на работу. Солнце уже высоко; жаръ палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ ни рожь посмотрѣть, ни на гумно. Вы сидите подъ защитой маркизы[1]) на балконѣ, и все прячется подъ кровъ, даже птицы, только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями. И мы прячемся подъ растянутымъ тентомъ[2]), отворивъ настежь окна и двери каютъ. Вѣтерокъ чуть-чуть вѣетъ, ласково освѣжая лицо и открытую грудь. Матросы уже отобѣдали (они обѣдаютъ рано, до полудня, какъ и въ деревнѣ послѣ утреннихъ работъ) и группами сидятъ или лежатъ между пушекъ. Иные шьютъ бѣлье, платье, сапоги, тихо мурлыча пѣсенку; съ бака[3]) слышатся удары молотка по наковальнѣ. Пѣтухи поютъ, и далеко разносится ихъ голосъ среди ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какіе-то фантастическіе звуки, какъ будто отдаленный, едва уловимый ухомъ звонъ колоколовъ...

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослѣпнешь на минуту отъ нестерпимаго блеска неба, моря; отъ мѣди на кораблѣ, отъ желѣза отскакиваютъ снопы лучей; палуба, и та нестерпимо блещетъ и уязвляетъ глазъ своей бѣлизной. Послѣ обѣда, часу въ третьемъ, вызывались музыканты на ютъ[4]), и мотивы Верди и Беллини[5]) разносились по океану. Но послѣ обѣда лѣниво слушали музыку, и музыканты вызывались больше для упражненія, чтобы протверживать свой репертуаръ.

Природа, между тѣмъ, доживала знойный день: солнце клонилось къ горизонту. Смотришь далеко, и все ничего не видно вдали. Мы прилежно смотрѣли на просторную гладь океана и молчали, потому что нечего было сообщить другъ другу. Выскочитъ развѣ стая летучихъ рыбъ и, какъ воробьи, пролетитъ надъ водой: мгновенно всѣ руки протянутся, глаза загорятся. „Смотрите смотрите!“ закричатъ всѣ, но всѣ и безъ того смотрятъ, какъ стадо бонитовъ[6]) гонятся за несчастными летуньями, играя фіолетовой спиной на поверхности. Исчезнетъ это явленіе, и все исчезнетъ, и опять хоть шаромъ покати. Сонъ

---

[1]) Маркиза — наружный занавѣсъ передъ окнами. [2]) Тентъ — парусинная покрышка, растягиваемая на судахъ для защиты отъ солнечнаго зноя. [3]) Бакъ — помостъ на судахъ для рабочихъ. [4]) Ютъ — помостъ на кормовой части корабля. [5]) Имена извѣстныхъ музыкантовъ-композиторовъ. [6]) Бонитъ — морская хищная рыба.

и спокойствіе объемлетъ небо и море. „Что-то плыветъ!“ вдругъ однажды сказалъ одинъ изъ насъ, указывая въ даль, и всѣ стали смотрѣть по указанному направленію. Нѣкоторые сбѣгали за зрительными трубами. „Да, подтвердилъ другой: — я вижу черную точку.“ Молчаніе. Точка увеличивалась. „Ящикъ какой-то,“ говорятъ потомъ: „Ящикъ . . . Боже мой! что въ немъ?“ Дыханіе замираетъ отъ ожиданія. Воображеніе рисуетъ, Богъ знаетъ что. Ящикъ все ближе и ближе . . . Долго потомъ провожали мы глазами проплывшій мимо насъ ящикъ, догадываясь и разсуждая, брошенъ ли онъ, какъ ни на что не нужный, съ какого-либо судна или это обломокъ сокрушившагося корабля. Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ и сьесты[1]), общество плавателей выходило наверхъ освѣжиться, и тутъ-то широко распахивалась душа для нѣжныхъ впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія. Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, вѣчный, непрерывный пожаръ, безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю.

II.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ, лежали цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей — все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите, громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять все тихо отливается въ форму горы, островов, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; на нее напираетъ и поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ. Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ . . .

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло еще мгновеніе, и сквозь нее проступаетъ темно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ; онъ въ свою очередь овладѣлъ небомъ. А замки, башни, лѣса, розовые, палевые[2]), коричневые сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ . . . Вы недвижны, безмолвны, млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ

[1]) Сьеста — отдыхъ послѣ обѣда. [2]) Палевый — блѣдно-желтый, соломеннаго цвѣта.

прощальнымъ лучомъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманъ поэтической думы; вы не отводите взора, вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажете себѣ: ахъ, если бы всегда и вездѣ такова была природа, такъ же горяча и такъ же величаво и глубоко покойна!

Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища — все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко, какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше, и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди и — засіялъ вечерній пиръ! Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ.

Но вотъ луна; она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ. Хлынулъ по морю и небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ, онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается, то золотомъ, то пурпуромъ, то изумрудной влагой Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокаиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста[1]).

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно сладкая, долгая ночь съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ въ воздухѣ. Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти ночи: ни серенадъ[2]), ни вздоховъ, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ или подъ кормой плеснетъ волна, и опять все торжественно и прекрасно — тихо!

3. Акула.

Мы только-что отобѣдали; я пришелъ, по обыкновенію, въ капитанскую каюту выкурить сигару и сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи, пока принесутъ огня. Капитанъ сидѣлъ въ креслѣ; жарко: дверь и окна были открыты. Не просидѣли мы пяти минутъ, какъ надъ нашими головами сдѣлалось какое-то дви-

---

1) Южный крестъ, Арго (корабль), Центавръ — созвѣздія: группы звѣздъ; Конопусъ — звѣзда.
2) Серенада — пѣніе или музыка, исполняемая вечеромъ или ночью на улицѣ или подъ окнами.

женіе, суматоха: люди засуетились и затопали. Капитанъ поспѣшилъ, по своей обязанности, вонъ изъ каюты, но прежде выглянулъ въ окно, чтобъ узнать, что такое случилось, да такъ и остался у окна. Я думалъ, не оборвалась ли снасть, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и не трогался съ мѣста; но вдругъ спышу, многіе голоса кричатъ на ютѣ: „ташши, ташши!" а другіе: „нѣтъ, стой, не ташши! оборвется." Я бросился къ окну и вижу: на меня снизу смотритъ страшное, тупое рыло чудовища. Аршинахъ въ двухъ или трехъ отъ окна висѣла надъ водой пойманная на толстый, пальца въ полтора, крюкъ акула. Крюкъ вонзился въ верхнюю челюсть: она отъ боли раскрыла ротъ настежь. Мнѣ сверху далеко было видно въ глубину пасти, усаженной кругомъ бѣлыми, небольшими, но тонкими и острыми зубами. Вся челюсть походила на пилу. Акула была въ добрую сажень величиной. Хвостъ ея болтался въ водѣ, а все остальное выходило на поверхность. Она тихо покачивалась отъ движенія веревки, оборачиваясь къ намъ то спиной, то брюхомъ. Спина у нея темно-синяго цвѣта съ фіолетовымъ отливомъ, а брюхо ярко бѣлое, точно густо окрашенное мѣломъ. Она минутъ пять висѣла неподвижно, какъ будто хотѣла дать намъ случай разглядѣть ее хорошенько; только большіе, черные, круглые глаза сильно ворочались, конечно, отъ боли. Около хвоста безпокойно плавали взадъ и впередъ обычные спутники акулы: двѣ желтыя, съ черными полосами, небольшія рыбы, прозванныя „лоцманами." Иногда ихъ плаваетъ съ нею по три и по четыре. Вдругъ акула зашевелилась, затряслась, далеко разбрасывая хвостомъ воду вокругъ. Она сгибалась въ кольцо, билась о корму, опять объ воду и снова повисла неподвижно. Отъ тяжести акулы и отъ усилія ея освободиться, желѣзный крюкъ началъ понемногу разгибаться, веревка затрещала. Еще одно усиліе со стороны акулы — веревка не выдержала бы, и акула унесла бы въ море крюкъ, часть веревки и растерзанную челюсть. „Держи, держи! ташши скорѣе!" раздавалось между тѣмъ у насъ надъ головой. „Нѣтъ, постой ташшить!" кричали другіе: „оборвется; давай конецъ!" (конецъ—веревка). Акула отдыхала. Внутри ея, въ глубинѣ пасти, виднѣлись кости челюсти, потомъ блѣдно-розовое мясо, а далѣе пустое темное пространство. Изъ конца сдѣлали широкую петлю и надѣли на акулу. „Вотъ такъ, вотъ такъ!" кричали одобрительно голоса наверху: „подъ крыльями подцѣпи ей!" (Подъ крыльями матросы разумѣли плавательные ласты). Только лишь зацѣпили за „крылья," акула была уже поймана. Ее стали тянуть кверху. Тутъ она собрала всѣ силы и начала изгибаться и хлесгать хвостомъ по воздуху, о корму, о висѣвшую у кормы шлюпку, обо все, что было на пути. Я долженъ былъ посторониться отъ окна, потому что конецъ хвоста попалъ въ окно. Но ничто не спасло ея, — часъ ея пробилъ. „Прочь, прочь!" кричали на ютѣ, встаскивая туда акулу. Раздался тревожный топотъ людей, потомъ паденье тяжелаго тѣла и вслѣдъ затѣмъ удары въ палубу. Мы съ К. бросились къ двери, выскочили и взбѣжали на ютъ.

Тамъ человѣкъ двадцать держали концы веревокъ, которыми было опутано чудовище. Оно билось о палубу, ползало и махало хвостомъ; всѣ разступались. А. А. К. схватилъ топоръ и нанесъ акулѣ ударъ ниже пасти — хлынула кровь и залила палубу; образовалась широкая, почти въ ладонь, рана. Кто-то еще проворно черкнулъ ее большимъ ножомъ по животу: оттуда вывалились внутренности, въ видѣ какихъ-то грубыхъ и грязныхъ тряпокъ. Акула вдругъ присмирѣла. Тогда Ш. взялъ гандшпугъ (это почти въ руку толщиной деревянный колъ, которымъ ворочаютъ пушку) и воткнулъ ей въ пасть; гандшпугъ ушелъ туда чуть не весь; пасть оскалила четыре ряда зубовъ; нижняя челюсть судорожно шевелилась. Животное перевернули на спину и веревками привязали къ гику.

4. Крушеніе русскаго фрегата „Діана".

I.

Много ужасныхъ драмъ происходило въ разныя времена съ кораблями и на корабляхъ. Погибали на морѣ отъ бурь, отъ жажды, отъ голода и холода. отъ болѣзней, отъ возмущеній экипажа. . . Но никогда гибель корабля не имѣла такой грандіозной обстановки, какъ гибель „Діаны", гдѣ великолѣпный спектакль былъ устроенъ самой природой. Не разъ на судахъ бывали ощущаемы колебанія моря отъ землетрясенія, — но, сколько помнится, большихъ судовъ отъ этого не погибало. Въ 1854 году, для переговоровъ съ японскимъ правительствомъ, „Діана" должна была немедленно отправиться въ городъ Симодо, въ бухтѣ того же имени, лежащей въ углу огромнаго залива Іеддо, при выходѣ въ море. Въ этой бухтѣ предстояло ей испытать страшную катастрофу. Надо замѣтить, что бухта Симодо не закрыта съ моря и, слѣдовательно, не можетъ служить безопаснымъ мѣстомъ для стоянки судовъ. 11 декабря, въ 10 часовъ утра, адмиралъ и другіе, бывшіе въ каютахъ, замѣтили, что столы, стулья и прочіе предметы нѣсколько колеблются, посуда и другія вещи прискакиваютъ, и поспѣшили выйти наверхъ. Все, повидимому, было еще покойно. Волненія въ бухтѣ не замѣчалось, но вода какъ будто бурлила или клокотала. Около городка Симодо течетъ довольно быстрая горная рѣка; на ней было нѣсколько джонокъ (мелкихъ японскихъ судовъ). Джонки вдругъ быстро понеслись, — не по теченію, а назадъ, вверхъ по рѣчкѣ — тоже необыкновенное явленіе: тотчасъ послали съ фрегата шлюпку съ офицеромъ, — узнать, что тамъ дѣлается. Но едва шлюпка подошла къ берегу, какъ ее водою подняло вверхъ и выбросило. Офицеръ и матросы успѣли выскочить и оттащили шлюпку дальше отъ воды. Съ этого момента начало разыгрываться страшное и грандіозное зрѣлище. Вотъ рисунокъ этой картины въ двухъ-трехъ главныхъ штрихахъ. Вслѣдствіе колебанія морского дна у береговъ Японіи, въ бухту Симодо влился громадный валъ, который коснулся берега и отхлынулъ: но не успѣлъ уйти изъ бухты, какъ навстрѣчу

ему, съ моря, хлынулъ другой валъ, громаднѣе. Они столкнулись, и не вмѣстившаяся въ бухтѣ вода пришла въ круговоротное движеніе и начала полоскать всю бухту, хлынувъ на берега... Второй валъ покрылъ весь Симодо и смылъ его до основанія. Потомъ еще валъ, еще и еще... Круговращеніе продолжалось съ возрастающей силой и ломало, смывало, топило и уносило съ береговъ все, что еще уцѣлѣло. Изъ тысячи домовъ осталось шестнадцать, и погибло около ста человѣкъ. Весь заливъ покрылся обломками домовъ, джонокъ, трупами людей и безчисленнымъ множествомъ разнообразнѣйшихъ предметовъ: жилищъ, утвари и проч. Все это прибыло къ одному изъ береговъ въ такой массѣ, что образовало, по словамъ рапорта адмирала, „какъ-бы продолженіе берега“.

II.

А что дѣлалось съ фрегатомъ въ это время? По изустнымъ разсказамъ свидѣтелей, поразительнѣе всего казалось перемѣнное возвышеніе и пониженіе берега: онъ то приходилъ вровень съ фрегатомъ, то вдругъ возвышался саженей на шесть вверхъ... Нельзя было рѣшить, стоя на палубѣ, поднимается ли вода, или опускается самое дно моря. Вращеніемъ воды кидало фрегатъ изъ стороны въ сторону, прижимая на какую-нибудь сажень къ скалистой стѣнѣ острова, около котораго онъ стоялъ, и грозя раздробить, какъ орѣхъ, и отбрасывая опять на середину бухты.

Потомъ стало ворочать его то въ одну, то въ другую сторону съ такой быстротой, что въ тридцать минутъ было сдѣлано имъ сорокъ два оборота! Наконецъ начало бить фрегатъ, по причинѣ перемѣнной прибыли и убыли воды, объ дно, о свои якоря, и класть то на одинъ, то на другой бокъ. И когда во второй разъ положило — онъ оставался въ этомъ положеніи съ минуту... И страхъ, и опасность, и гибель — все уложилось въ одну минуту! Всѣ уцѣпились, кто за что могъ. Все оцѣпенѣло въ молчаніи. Потомъ раздались слова молитвы: всѣ молились, кто словами, и всѣ, конечно, внутренно, такъ усердно, какъ, по пословицѣ, только молятся въ морѣ. Богъ услышалъ молитвы моряковъ, и „Провидѣнію“, говоритъ рапортъ адмирала, „угодно было спасти насъ отъ гибели.“ Вода пошла на прибыль, а фрегатъ всталъ, — но въ какомъ положеніи! Не всѣ однако избавились и отъ гибели: одинъ матросъ поплатился жизнью, а двое искалѣчены; двѣ не прикрѣпленныя пушки, при наклоненіи фрегата, упали и убили одного матроса, а двумъ другимъ раздробили ноги. Нѣсколько часовъ продолжалось это возмущеніе воды при безвѣтріи, и наконецъ стихло. По осмотрѣ фрегата, онъ оказался весь избитъ. Трюмъ былъ наполненъ водой, подмочившей провизію[1]), амуницію[2]), и все частное добро офицеровъ и матросовъ.

Фрегатъ разоружили: свезли всѣ шестьдесятъ орудій на берегъ и отдали на сохраненіе японцамъ.

---

[1]) Провизія — съѣстные припасы солдатъ. [2]) Амуниція — платье и вооруженіе солдатъ.

И японцы укрыли и сохранили ихъ тщательно, построивъ для того особые сараи. Вообще они, несмотря на то, что потерпѣли сами отъ землетрясенія, оказали нашимъ всевозможную помощь и услуги. Японскія власти присылали провизію и снабжали всѣмъ нужнымъ.

Нашъ Государь оцѣнилъ ихъ услуги и, въ благодарность за участіе къ русскимъ плавателямъ, подарилъ всѣ 60 орудій японскому правительству.

97. Изъ романа „Обломовъ".

1. Обломовъ.

Въ Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ отъ роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, глянувшими безпечно по стѣнамъ, по потолку, съ тою неопредѣленною задумчивостью, которая показываетъ, что его ничто не занимаетъ, ничто не тревожитъ. Съ лица безпечность переходила въ позы всего тѣла, даже въ складки шлафрока. Иногда взглядъ его промчался выраженіемъ будто усталости или скуки. Но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать съ лица мягкость, которая была господствующимъ и основнымъ выраженіемъ не лица только, а всей души. Душа такъ открыто и ясно свѣтилась въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи головы, рукъ. И поверхностно-наблюдательный, холодный человѣкъ, взглянувъ мимоходомъ на Обломова, сказалъ бы: „добрякъ долженъ быть, простота!" Человѣкъ поглубже и посимпатичнѣе, долго вглядываясь въ лицо его, отошелъ бы въ пріятномъ раздумьѣ съ улыбкой. Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно-блѣдный, а безразличный, или казался такимъ, можетъ быть, потому, что Обломовъ какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка ли движенія, или воздуха, а можетъ быть, того и другого. Вообще же тѣло его, судя по матовому, черезчуръ бѣлому цвѣту шеи, маленькихъ пухлыхъ рукъ, мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ изнѣженнымъ для мужчины. Движенія его, когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались также мягкостью и нелишенною своего рода граціи лѣнью. Если на лицо набѣгала изъ души туча заботы, взглядъ туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнѣній, печали, испуга; но рѣдко тревога эта застывала въ формѣ опредѣленной идеи, еще рѣже превращалась въ намѣреніе. Вся тревога разрѣшалась вздохомъ и замирала въ апатіи[1]) или въ дремотѣ. Какъ шелъ домашній костюмъ Обломова къ покойнымъ чертамъ лица его и къ изнѣженному тѣлу! На немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, настоящій восточный халатъ, безъ малѣйшаго намека на Европу, безъ кистей, безъ бархата, безъ таліи, весьма помѣстительный, такъ что и Обломовъ могъ дважды за-

[1]) Апатія — безчувственность, тупость.

вернуться въ него. Рукава, по неизмѣнной азіатской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире и шире. Хотя халатъ этотъ и утратилъ свою первоначальную свѣжесть и мѣстами замѣнилъ свой первобытный, естественный лоскъ другимъ, благопріобрѣтённымъ, но все еще сохранялъ яркость восточной краски и прочность ткани. Халатъ имѣлъ въ глазахъ Обломова тьму неоцѣненныхъ достоинствъ: онъ мягокъ, гибокъ; не чувствуешь его на себѣ, онъ, какъ послушный рабъ, покоряется самомалѣйшему движенію тѣла.

Обломовъ всегда ходилъ дома безъ галстука и безъ жилета, потому что любилъ просторъ и приволье. Туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія; когда онъ неглядя опускалъ ноги съ постели на полъ, то непремѣнно попадалъ въ нихъ сразу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, какъ у больного или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: — это было его нормальнымъ состояніемъ.

2. Комната Ильи Ильича Обломова.

Комната, гдѣ лежалъ Илья Ильичъ, съ перваго взгляда казалась прекрасно убранною. Тамъ стояло бюро[1]) краснаго дерева, два дивана, обитые шелковою матеріею, красивыя ширмы, съ вышитыми, небывалыми въ природѣ, птицами и плодами. Были тамъ шелковые занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ и множество красивыхъ мелочей. Но опытный глазъ человѣка съ чистымъ вкусомъ, однимъ бѣглымъ взглядомъ на все, что тутъ было, прочелъ бы только желаніе кое-какъ соблюсти decorum[2]) неизбѣжныхъ приличій, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ. Обломовъ хлопоталъ, конечно, только объ этомъ, когда убиралъ свой кабинетъ. Утонченный вкусъ не удовольствовался бы этими тяжелыми, неграціозными стульями краснаго дерева, шаткими этажерками. Задокъ у одного дивана осѣлся внизъ, наклеенное дерево мѣстами отстало.

Точно тотъ же характеръ носили на себѣ и картины, и вазы, и мелочи. Самъ хозяинъ, однако, смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣянно, какъ-будто спрашивалъ глазами: „кто сюда натащилъ и наставилъ все это!“ Отъ такого холоднаго воззрѣнія Обломова на свою собственность, а, можетъ быть, и еще отъ болѣе холоднаго воззрѣнія на тотъ же предметъ слуги его, Захара, видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе, поражалъ господствующею въ немъ запущенностью и небрежностью. По стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ[3]), паутина, напитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобъ отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями, для записыванія на нихъ, по пыли, какихъ-нибудь замѣтокъ на память. Ковры были

[1]) Бюро — родъ письменнаго стола съ ящиками, въ видѣ комода. [2]) Внѣшній видъ, показанная сторона. [3]) Фестоны — лѣпныя украшенія, а также украшенія на матеріи въ видѣ мелкихъ вырѣзокъ, зубчиковъ и прочихъ.

въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки. Еслибъ не эта тарелка, да не прислоненная къ постели только что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ — такъ все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія. На этажеркахъ, правда, лежали двѣ-три развернутыя книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница съ перьями; но страницы, на которыхъ развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтѣли: видно, что ихъ бросили давно; номеръ газеты былъ прошлогодній, а изъ чернильницы, если обмакнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ испуганная муха.

3. Сонъ Обломова.

I.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ, осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь; разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, ни метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела его къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лились въ комнату прохлада и запахъ сирени. — Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и

еще какія-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, со строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ, не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное — не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей[1]). Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой: въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

II.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страсть хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ“, а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ ужъ надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и — чего Боже сохрани! — въ оврагъ.

— Ахъ ты, Господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька. И цѣлый день, и всѣ дни, и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней; то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность; этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзвъ однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ

[1]) Репутація — сужденіе другихъ о насъ, честь, доброе имя, слава.

всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно: солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи — отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнце, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, а по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ — и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери.

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку — будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

— „У! баловень!“ тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

III.

ельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень на кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ[1]) заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

[1]) Импровизировать — говорить рѣчь, сочинить стихи или музыкальную пьесу безъ приготовленія.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно[1]) наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спросилъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, отвѣчалъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: — молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: — да смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ: — вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ. И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ съ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку; сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое уже созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо; кто супъ съ потрохами, кто лапшу[2]) или желудокъ, кто рубцы[3]), кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался, или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна — напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись[4]) тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона[5]), заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобы они заплыли

---

[1]) Ничего не пропуская. [2]) Лапша — супъ, съ тонко нарѣзанными, въ видѣ нитей, кусками тѣста. [3]) Рубецъ — одинъ изъ желудковъ жвачныхъ животныхъ. [4]) Откармливались. [5]) Моціонъ — движеніе.

жиромъ. Какія запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба нѣсколько разъ совершала путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитій. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ[1]), съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

IV.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головою и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся! надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій[2]) обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку[3]), по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, если бъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ

[1]) Археологъ — ученый, занимающійся наукою о древностяхъ. [2]) Громоздкій — тяжелый. [3]) Гдѣ попало, гдѣ кто повалился.

непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А друго быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ такъ, чтобы ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

V.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ.

Но и няня, не смотря на всю строгость наказовъ[1] барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость; потомъ, чувствуя симптомы[2]) приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрагивать козла, не лазить на голубятню или галлерею Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому, съ тѣмъ, чтобъ вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ; но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. „Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею,“ думала она почти сквозь сонъ: „или еще... какъ бы въ оврагъ...“ Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ: она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь зада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной

---

[1]) Приказовъ. [2]) Симптомы — признаки.

мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота: ему бы хотѣлось въ березнякъ; онъ „такъ близко, „кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ[1]) вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ, и дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула[2]) отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

VI.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу. И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ: третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобы только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня: всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки; онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пройдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли

[1]) Кратеръ — воронкообразное отверстіе въ вершинѣ вулкана, т. е. огнедышащей горы. [2]) Вспрыгнула.

галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго.

Мать возьметъ голову Ильюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Ильюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи[1]). Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

VII.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ; тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та, наконецъ, свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя . . . и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы — тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы; когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска; когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда . . . въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Ильюша.

---

[1]) Эпопея — героическая поэма, поэтическій разсказъ о какомъ-либо важномъ событіи въ жизни народа.

— Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять? отвѣчаетъ она: — сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? какой онъ бываетъ, гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ: — прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

VIII.

Ничего не нарушало однообразія этой жизни, и сами обломовцы не тяготились ею, потому что и не представляли себѣ другого житья-бытья; а если бъ и смогло представить, то съ ужасомъ отвернулись бы отъ него.

Другой жизни и не хотѣли, и не любили бы они. Имъ бы жаль было, если бъ обстоятельства внесли перемѣны въ ихъ бытъ, какія бы то ни было. Ихъ загрызетъ тоска, если завтра не будетъ похоже на сегодня, а послѣзавтра на завтра.

Зачѣмъ имъ разнообразіе, перемѣны, случайности? Вѣдь случайности, хоть бы и выгоды какія-нибудь, безпокойны: онѣ требуютъ хлопотъ, заботъ, бѣготни, не посиди на мѣстѣ, торгуй, или пиши, словомъ, поворачивайся, шутка-ли! Они продолжали цѣлые десятки лѣтъ сопѣть, дремать и зѣвать, или заливаться добродушнымъ смѣхомъ отъ деревенскаго юмора[1]), или, собираясь въ кружокъ, разсказывали, что кто видѣлъ ночью во снѣ.

Если сонъ былъ страшный — всѣ задумывались, боялись, не шутя; если пророческій — всѣ непритворно радовались, или печалились, смотря по тому, горестное или утѣшительное снилось во снѣ. Требовалъ ли сонъ соблюденія какой-нибудь примѣты, тотчасъ для этого принимались дѣятельныя мѣры.

Не это, такъ играютъ въ дураки, въ свои козыри, а по праздникамъ съ гостями въ бостонъ, или раскладываютъ гранъ-пасьянсъ, гадаютъ на червоннаго короля да на трефовую даму, предсказывая марьяжъ[2]).

Иногда пріѣдетъ какая-нибудь Наталья Ѳаддеевна гостить на недѣлю, на двѣ. Сначала старухи переберутъ весь околотокъ, кто какъ живетъ, кто что дѣлаетъ; они проникнутъ не только въ семейный бытъ, въ закулисную жизнь, но и въ сокровенные помыслы и намѣренія каждаго, влѣзутъ въ душу, побранятъ, осудятъ недостойныхъ, всего болѣе невѣрныхъ мужей, потомъ пересчитаютъ разные случаи: именины, крестины, родины, кто чѣмъ угощалъ, кого звалъ, кого нѣтъ.

1) Юморъ — шутливость, комизмъ. 2) Марьяжъ — бракъ, супружество.

Уставши отъ этого, начнутъ показывать обновки, платья, салопы, даже юбки и чулки. Хозяйка похвастается какими-нибудь полотнами, нитками, кружевами домашняго издѣлія. Но истощится и это. Тогда пробавляются кофеями, чаями, вареньями. Потомъ уже переходятъ къ молчанію. Сидятъ подолгу, глядя другъ на друга, по временамъ тяжко о чемъ-то вздыхаютъ. Иногда которая-нибудь и заплачетъ.

— Что ты, мать моя? — спроситъ въ тревогѣ другая.

— Охъ, грустно, голубушка! — отвѣчаетъ съ тяжкимъ вздохомъ гостья. — Прогнѣвали мы Господа Бога, окаянные. Не бывать добру!

— Ахъ, не пугай, не стращай, родная! — прерываетъ хозяйка.

— Да, да, — продолжаетъ та. — Пришли послѣдніе дни: возстанетъ языкъ на языкъ, царство на царство... наступитъ свѣтопреставленіе! выговариваетъ наконецъ Наталья Ѳаддеевна, и обѣ плачутъ горько. Основанія никакого къ такому заключенію со стороны Натальи Ѳаддеевны не было, никто ни на кого не возставалъ, даже кометы въ тотъ годъ не было.

Изрѣдка развѣ это провожденіе времени нарушится какимъ-нибудь нечаяннымъ случаемъ, когда, напримѣръ, всѣ угорятъ цѣлымъ домомъ, отъ мала до велика.

Другихъ болѣзней почти и не слыхать было въ дому и деревнѣ; развѣ кто-нибудь напорется на какой-нибудь колъ въ темнотѣ, или свернется съ сѣновала, или съ крыши свалится доска да ударитъ по головѣ.

IX.

Но все это случалось рѣдко, и противъ такихъ нечаянностей употреблялись домашнія испытанныя средства: ушибленное мѣсто потрутъ бодягой или зарей, или пошепчутъ и все пройдетъ.

Но угаръ случался частенько. Тогда всѣ валяются въ повалку по постелямъ; слышится оханье, стоны; одинъ обложитъ голову огурцами и повяжется полотенцемъ; другой положитъ клюквы въ уши и нюхаетъ хрѣнъ, третій въ одной рубашкѣ уйдетъ на морозъ, четвертый просто валяется безъ чувствъ по полу.

Это случалось періодически одинъ или два раза въ мѣсяцъ, потому что тепла даромъ въ трубу пускать не любили и закрывали печи, когда въ нихъ бѣгали еще огоньки.

Однажды только однообразіе ихъ быта нарушилось ужъ подлинно нечаяннымъ случаемъ.

Когда, отдохнувъ послѣ труднаго обѣда, всѣ собрались къ чаю, вдругъ пришелъ воротившійся изъ города обломовскій мужикъ, и ужъ онъ доставалъ, доставалъ изъ-за пазухи, наконецъ насилу досталъ скомканное письмо на имя Ильи

Иваныча Обломова. Всѣ обомлѣли[1]), хозяйка даже измѣнилась немного въ лицѣ; глаза у всѣхъ устремились и носы вытянулись по направленію къ письму.

— Что за диковина! Отъ кого это? — произнесла наконецъ барыня, опомнившись.

Обломовъ взялъ письмо и съ недоумѣніемъ ворочалъ его въ рукахъ, не зная, что съ нимъ дѣлать.

— Да ты гдѣ взялъ? — спросилъ онъ мужика. — Кто тебѣ далъ?

— А на дворѣ, гдѣ я приставалъ въ городѣ-то, слышь ты, отвѣчалъ мужикъ: съ почты приходили два раза спрашивать, нѣтъ-ли обломовскихъ мужиковъ: письмо, слышь, къ барину есть.

— Ну?..

— Ну, я перво-наперво притаился: солдатъ и ушелъ съ письмомъ-то. Да верхлёвскій дьячокъ видалъ меня, онъ и сказалъ. Пришелъ вдругорядъ. Какъ пришли вдругорядъ-то, ругаться стали и отдали письмо, еще пятакъ взяли. Я спросилъ, что, молъ, дѣлать мнѣ съ нимъ, куда его дѣть. Такъ вотъ велѣли вашей милости отдать.

— А ты бы не бралъ, — сердито замѣтила барыня.

— Я и то не бралъ. На что, молъ, намъ письмо-то, — намъ не надо. Намъ, молъ, не наказывали писемъ брать — я не смѣю: подите вы, съ письмомъ-то! Да пошелъ больно ругаться солдатъ-то: хотѣлъ начальству жаловаться; я и взялъ.

— Дуракъ! — сказала барыня.

— Отъ кого жъ бы это? — задумчиво говорилъ Обломовъ, разсматривая адресъ. — Рука какъ будто знакомая, право!

И письмо пошло ходить изъ рукъ въ руки. Начались толки и догадки: отъ кого и о чемъ оно могло быть?

Всѣ, наконецъ, стали втупикъ.

X.

Илья Ивановичъ велѣлъ сыскать очки: ихъ отыскивали часа полтора. Онъ надѣлъ ихъ и уже подумывалъ вскрыть письмо.

— Полно, не распечатывай, Илья Иванычъ, — съ боязнью остановила его жена: — кто его знаетъ, какое оно тамъ, письмо-то; можетъ быть, еще страшное, бѣда какая-нибудь. Вишь, вѣдь народъ-то нынче какой сталъ! Завтра или послѣзавтра успѣешь — не уйдетъ оно отъ тебя. И письмо съ очками было спрятано подъ замокъ. Всѣ занялись чаемъ. Оно бы пролежало тамъ годы, если бъ не было слишкомъ необыкновеннымъ явленіемъ и взволновало умы обломовцевъ. За чаемъ и на другой день у всѣхъ только и разговора было, что о письмѣ.

[1]) Обомлѣть — испытать замираніе сердца отъ испуга или чего-нибудь неожиданнаго.

Наконецъ не вытерпѣли, и на четвертый день, собравшись толпой, съ смущеніемъ распечатали. Обломовъ взглянулъ на подпись.

— „Радищевъ," прочиталъ онъ. — Э! Да это отъ Филиппа Матвѣича!

— А! Э! Вотъ отъ кого! — поднялось со всѣхъ сторонъ. — Да какъ это онъ еще живъ по сю пору? Поди ты[1]), еще не умеръ! Ну слава Богу! Что онъ пишетъ?

Обломовъ сталъ читать вслухъ. Оказалось, что Филиппъ Матвѣевичъ проситъ прислать ему рецептъ пива, которое особенно хорошо варили въ Обломовкѣ.

— Послать, послать ему! — заговорили всѣ. Надо написать письмецо.

Такъ прошло недѣли двѣ.

— Надо, надо написать! — твердилъ Илья Ивановичъ женѣ. Гдѣ рецептъ то?

— А гдѣ онъ? — отвѣчала жена. Еще надо сыскать. Да погоди, что торопиться? Вотъ, Богъ дастъ, дождемся праздника, разговѣемся[2]), тогда и напишешь; еще не уйдетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, о праздникѣ лучше напишу, сказалъ Илья Ивановичъ.

На праздникѣ опять зашла рѣчь о письмѣ. Илья Ивановичъ собрался совсѣмъ писать. Онъ удалился въ кабинетъ, надѣлъ очки и сѣлъ къ столу.

Въ домѣ воцарилась глубокая тишина; людямъ не велѣно было топать и шумѣть. — Баринъ пишетъ! говорили всѣ такимъ робко-почтительнымъ голосомъ, какимъ говорятъ, когда въ домѣ есть покойникъ.

Онъ только было вывелъ: „Милостивый Государь," медленно, криво, дрожащей рукой и съ такою осторожностью, какъ будто дѣлалъ какое-нибудь опасное дѣло, — какъ къ нему явилась жена.

Искала, искала — нѣту рецепта, сказала она.

— Надо еще въ спальнѣ въ шкапу поискать. Да какъ посылать письмо-то?

— Съ почтой надо — отвѣчалъ Илья Ивановичъ.

— А что туда стоитъ?

Обломовъ досталъ старый календарь.

— Сорокъ копеекъ, — сказалъ онъ.

— Вотъ сорокъ копеекъ на пустяки бросать! замѣтила она. — Лучше подождемъ, не будетъ ли изъ города оказія туда. Ты вели узнавать мужикамъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, по оказіи-то лучше, отвѣчалъ Илья Ивановичъ и, пощелкавъ перо объ столъ, всунулъ въ чернильницу и снялъ очки.

— Право, лучше — заключилъ онъ. — Еще не уйдетъ! успѣемъ послать.

Не извѣстно, дождался ли Филиппъ Матвѣевичъ рецепта.

---

[1]) Выраженіе, употребляемое для обозначенія удивленія. [2]) Разговѣться — поѣсть въ первый разъ послѣ поста скоромнаго.

XI.

Далѣе Илья Ильичъ вдругъ увидѣлъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Онъ ужъ учился въ селѣ Верхлевѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ свой сынъ, Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илью шу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ отвезли. Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была въ верстахъ пятистахъ отъ Верхлева. А то какъ выучиться?... Кто знаетъ, какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? Какъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній? Можетъ быть, Илюша ужъ давно замѣчаетъ и понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ при немъ. Можетъ быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые. Да и какъ иначе прикажете рѣшить ему?...

Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца: Антипка! Закладывай пѣгую: барчонка къ нѣмцу везти!

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ, отчего, и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю.

Не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и крендельковъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ, и даже съѣстныхъ припасовъ.

Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца не жирно кормятъ.

— Тамъ не разъѣшься, — говорили обломовцы: — обѣдать-то дадутъ супу, да жаркого, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то моргенфри — носъ утри.

Впрочемъ Ильѣ Ильичу снятся больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкой и пріятной новостью:

— Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ! стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему:

— Сегодня родительская недѣля[1]: — не до ученья: блины будемъ печь.

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

---

[1]) Недѣля, на которой въ опредѣленный день (обыкновенно въ субботу) поминаютъ умершихъ.

— Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня. Здоровъ ли ты? и — покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома, — скажетъ она: а тамъ — что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ — неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю.

Развѣ только иногда слуга или дѣвка, которымъ достанется за барчонка, проворчатъ:

— У, баловень! Скоро ли провалишься къ своему нѣмцу?

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичомъ.

— Пріѣхала, дескать, Марья Савишна или Наталья Ѳаддеевна гостить, или Кузовковы со своими дѣтьми, такъ пожалуйте домой!

И недѣли три Илыоша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до Страстной недѣли[1]) ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ и кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ѳоминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ, не стоитъ ѣздить; а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужъ лучше до осени отложить.

Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и какъ выраститъ онъ въ это время! Какъ потолстѣетъ! Какъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома. За предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ, осенью слякоть мѣшаетъ.

98. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 21 ноября 1821 года въ одномъ изъ мѣстечекъ Каменецъ-Подольской губерніи, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ отецъ его служилъ офицеромъ. Дослужившись до чина капитана, отецъ Некрасова вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ свое имѣніе; вскорѣ онъ поступилъ на службу исправникомъ. Мать поэта была умная и образованная женщина, кроткаго и ласковаго характера; мальчикъ горячо любилъ ее и всю жизнь вспоминалъ съ благодарностью. Дѣтство его протекло въ деревнѣ; онъ рано ознакомился съ народной жизнью, такъ какъ отецъ часто бралъ его съ собой на разъѣзды. 11 лѣтъ Некрасовъ поступилъ въ Ярославскую гимназію, откуда на лѣто и праздники пріѣзжалъ домой, но по окончаніи пяти классовъ онъ долженъ

[1]) Послѣдняя недѣля передъ пасхой.

былъ выйти изъ гимназіи, такъ какъ отецъ рѣшилъ его отдать въ Петербургъ въ корпусъ, чтобы сдѣлать изъ сына офицера. Такимъ образомъ Некрасовъ осенью 1838 года отправился въ Петербургъ; однако здѣсь онъ рѣшилъ поступить въ университетъ, за что отецъ оставилъ его безъ всякихъ средствъ къ жизни. Для Некрасова началась тяжелая пора: перебиваясь уроками, составленіемъ на заказъ книжонокъ и другой мелкой работой, онъ голодалъ и бывалъ даже безъ крова. Въ университетѣ онъ пробылъ всего 2 года, рѣшивъ посвятить себя литературѣ. Онъ познакомился со многими извѣстными писателями и въ 1846 году издалъ „Петербургскій сборникъ“, гдѣ наряду съ произведеніями Майкова и Тургенева печатались и его стихотворенія. Сборникъ имѣлъ огромный успѣхъ. Съ 1847 года по 1877 годъ, т. е. до самой смерти, Некрасовъ издаетъ одинъ за другимъ 2 журнала, на страницахъ которыхъ появляются всѣ его стихотворенія. Предметомъ ихъ служатъ дѣтскія воспоминанія, въ которыхъ онъ часто съ любовью обращается къ памяти матери. Въ нихъ онъ также изображаетъ русскій простой народъ, противопоставляя ему богатое общество, пороки котораго онъ осмѣиваетъ. Лучшими его произведеніями считаются: „Русскія женщины,“ „Морозъ“, „Крестьянскія дѣти,“ „Родина,“ „Мать“. Некрасовъ всю жизнь сохранилъ любовь къ деревнѣ, куда часто уѣзжалъ охотиться изъ Петербурга.

Онъ скончался въ расцвѣтѣ своей славы 27 декабря 1877 года и похороненъ въ Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

99. Мать.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна, —
Она до гроба помнить будетъ!

Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ дѣтей. . .

100. На Волгѣ.

Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши:

Рядами стаи бѣлыхъ птицъ,
Какъ изваянія гробницъ,
Сидѣли важно на пескѣ;
Виднѣлись горы вдалекѣ,
И синій безконечный лѣсъ
Скрывалъ ту сторону небесъ,
Куда, дневной окончивъ путь,
Уходитъ солнце отдохнуть.
О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ вся та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь
На острову, среди песковъ,
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.

101. Хлѣбная уборка.

Вотъ по распаханной черной полянѣ—
Землю взрывая, бредутъ поселяне. . .
Весело видѣть семью поселянъ
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ.
Дорого-любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,
Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота!
Легкая дружно спорится работа;
Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: „Поскорѣй! Поскорѣй!“.
Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно, весь день тому весело будетъ!
Паръ изъ отворенной риги валитъ,
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.
А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
Да высоко молотила взлетаютъ —
Не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь,
Солнце взошло — начинается день. . .

102. Морозъ-воевода.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи:
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ — хороша ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины;
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?
Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:
„Мятели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда;
Пойду на моря — океаны,
Построю дворцы изо льда.
Задумаю — рѣки большія
Надолго упрячу подъ гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построитъ народъ.
Гдѣ быстрыя, шумныя воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пѣшеходы,
Обозы съ товаромъ прошли.

Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро;
Я царство мое убираю —
Въ алмазы, жемчугъ, серебро."

103. Вырубка лѣса.

Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли;
Тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
По низу всякіе звѣри таились,
Вдругъ мужики съ топорами явились —
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣжалъ;
Въ темную нору забилась лисица;
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица.
Въ недоумѣньи тащатъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился;
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ;
Старую сосну сперва надрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ;
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы
И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;
Жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ послѣ битвы, во мракѣ ночномъ,
Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ;
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,
Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о земь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала.

104. Дѣдушка Мазай и зайцы.

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
„Въ нашемъ болотистомъ низменномъ краѣ
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сѣтями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили.
Зайцы вотъ тоже, ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынутъ, —
И безъ того они сотнями гибнутъ, —
Нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,
Ловятъ, и топятъ, и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть?... Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ — ихъ много съ рѣки
Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ —
Ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ,
Вижу одинъ островокъ небольшой —
Зайцы на немъ собралися гурьбой.

Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
Меньше сажени въ длину.
Тутъ я подъѣхалъ: лопочутъ ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой:
„То-то!“ сказалъ я: „не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!“
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ не столбикъ, зайчишко на пнѣ,
Лапки скрестивши, стоитъ горемыка.
Взялъ и его — тягота не велика!
Не рано ужъ было;
Мимо бревно суковатое плыло:
Сидя и стоя, и лежа пластомъ,
Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.
„Взялъ бы я васъ, да потопите лодку.“
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку—
Я зацѣпился багромъ за сучокъ
И за собою бревно поволокъ...
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
„Глядь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!..
Ладно! любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.
Тутъ мои зайчики точно сбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапы встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ:
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!...
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ — и „съ Богомъ“ сказалъ...
И во весь духъ
Пошли зайчишки;
А я имъ: „у-хъ!
Живѣй, звѣришки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся
А чуръ зимой
Не попадайся!
Прицѣлюсь — бухъ!
И ляжешь... У у у-хъ!...“

105. Власъ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, — старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная;
Проситъ онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ[1]), обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;
Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ. —
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ
Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

[1]) Вериги — цѣпь или желѣзная полоса, согнутая въ видѣ обруча, носимая на тѣлѣ нѣкоторыми подвижниками.

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!
Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго,
Наконецъ, и грянулъ громъ.
Власу худо; кличетъ знахаря...
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?
Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ, — а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.
Говорятъ, — ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду...
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную[1])
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь — и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.
Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается,
Строго держитъ свой обѣтъ.
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у Матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары: —
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

106. Крестьянскія дѣти.

... Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей...
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни;
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни за что отыскать.
„Взгляни-ка, Савося, какое колечко!“
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: „попался спроста!“
За то мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перилы моста.
Должно быть за подвиги славы мы ждали,
У насъ же дорога большая была:
Рабочаго званія люди сновали по ней безъ числа.
Копатель канавъ вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ

[1]) Тьма кромѣшная — адъ.

Подъ праздникъ молиться спѣшитъ.
Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про Турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу[1]) ввернетъ.
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
„Глядите, ребята!“ А дѣти и рады
Какъ пилишь, какъ лудишь — имъ все покажи.
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло — пилить и строгать!
Иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки!
Сломаютъ буравъ — и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
Что новый прохожій, то новый разсказъ...
Ухъ жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вотъ изъ лѣсу вышли на встрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной,
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! Обѣдать пора!
Вернулись. У каждаго полно лукошко;
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у! страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ, и козявокъ,
Карней молочко ему отдалъ свое —
Не пьетъ! отступились...

[1]) Притча — поучительный разсказъ.

Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье;
Кто няньчитъ сестренку, двухлѣтнюю Глашку;
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску.
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой:—
Сплела себѣ славный вѣнокъ,
Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно-лиловый,
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди — ужъ чернехоньки губы у всѣхъ;
Набили оскому: черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ,
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, заквокавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ...

—Довольно, Ванюша! гулялъ ты не мало,
Пора за работу, родной! —
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно;
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ растетъ, наливаетъ зерно;
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,

Просушатъ,— колотятъ, колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.

Играйте же, дѣти! Растите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.

107. Димитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Димитрій Васильевичъ Григоровичъ родился 19 марта 1822 года въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Дѣтство онъ провелъ въ имѣніи отца и рано познакомился съ крестьянской жизнью. Послѣ смерти своего отца Григоровичъ переѣхалъ съ матерью въ Москву и восьми лѣтъ поступилъ въ пансіонъ для подготовленія въ петербургское Инженерное училище. Въ училищѣ онъ курса по болѣзни не окончилъ и поступилъ было въ Академію Художествъ, такъ какъ съ дѣтства отличался большими способностями къ живописи. Однако здоровье его помѣшало ему и здѣсь заниматься, и онъ уѣхалъ поправляться въ свою деревню. По возвращеніи оттуда онъ по совѣту своихъ друзей рѣшилъ отдаться писательской дѣятельности, и въ 1845 году вышла въ свѣтъ его большая повѣстъ „Деревня“, предметъ которой, впервые въ русской литературѣ, взятъ изъ жизни крѣпостныхъ. Эта повѣсть доставила ему извѣстность, которую появлявшіяся постепенно произведенія Григоровича увеличиваютъ все болѣе и болѣе. Вплоть до освбожденія крестьянъ онъ создаетъ рядъ повѣстей и 2 большихъ романа, въ которыхъ съ большимъ сочувствіемъ къ крестьянамъ изображаетъ простонародную жизнь. Въ этомъ главное значеніе его произведеній. Съ 1862 года онъ дѣлитъ свое время между живописью и литературой, и имя его лишь изрѣдка появляется въ журналахъ. Скончался Григоровичъ въ Петербургѣ 22 декабря 1899 г.

108. Караульщикъ.

Дальняя часть сада, гдѣ были фруктовыя деревья, отдавалась ежегодно въ аренду; для караула и продажи яблокъ на мѣстѣ арендаторъ нанималъ старика. Онъ помѣщался въ длинномъ шалашѣ, крытомъ соломой; при входѣ въ него, весь лѣвый бокъ, снизу до верху, занятъ былъ „падалью“, — яблоками недозрѣлыми, сброшенными вѣтромъ въ траву; по дну, на соломѣ, рядами складывались яблоки по сортамъ; въ правомъ углу помѣщались караульщикъ и его внучка, дѣвочка лѣтъ десяти; у входа въ шалашъ бѣгала на длинной веревкѣ собака. Между караульщикомъ и хозяйскими дѣтьми вскорѣ завязалась тѣсная

дружба. Кромѣ того, что старикъ былъ словоохотливъ, любилъ разсказывать о походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, когда былъ солдатомъ, — онъ былъ большой затѣйникъ: мастеръ вырѣзывать изъ дерева маленькія мельницы, вертѣвшіяся на вѣтрѣ, строить домики съ трубой для дыму, телѣжки для куколъ. Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы тотъ или другой изъ дѣтей не получали какого-нибудь подарка. Дѣти не оставались въ долгу: всякій разъ, какъ они приводили Дуню (такъ звали внучку караульщика) въ домъ, дѣвочка возвращалась съ полными руками: новымъ платочкомъ, платьемъ, башмаками. Дѣтямъ давали полную волю посѣщать старика и слушать его разсказы, и волей этой они надо сказать, радостно пользовались. Всѣмъ было уютно забиться въ шалашъ съ его крѣпкимъ, но свѣжимъ яблочнымъ запахомъ, смотрѣть какъ старикъ мастеритъ какую-нибудь штуку, и прислушиваться къ его бесѣдѣ... Но вотъ, однимъ сѣрымъ утромъ, въ садъ наѣхали подводы, яблоки были уложены въ рогожи... Когда старикъ и его внучка пришли прощаться съ господами, столько было написано горя на дѣтскихъ лицахъ, что родители, желая ихъ утѣшить, предложили старику оставить Дуню до слѣдующаго года. Но дѣдъ не согласился.

109. Выгонъ стада.

Въ деревнѣ прежде всѣхъ пробудился пастухъ, шестидесятилѣтній старикъ безъ роду и племени, нанимавшійся обыкновенно въ околоткѣ на лѣто пасти стадо. Нагнувшись къ крошечному волоковому окну[1]) и увидавъ, что на дворѣ уже свѣтлѣетъ, онъ началъ поспѣшно мотать онучи; одѣвшись, старикъ подошелъ къ темному углу мазанки и принялся будить мальчика лѣтъ десяти, худенькаго, тщедушнаго: это былъ его батракъ. Старикъ нанималъ его у полунищаго, вдоваго мужика, обремененнаго многочисленной семьею. Мальчикъ, дрожавшій отъ предразсвѣтнаго холода подъ лохмотьями и соломой, очутился скоро на ногахъ. Запрятавъ тогда въ кузовъ свертокъ лыкъ, кочедыкъ[2]) и колодку, перебросивъ черезъ плечо начатые лаптишки и длинный смоляной кнутъ, старикъ взялъ съ полки рожокъ, свитый изъ бересты, и, сопровождаемый мальчикомъ, вышелъ изъ мазанки. Утро было чисто и ясно; на небѣ ни облачка; свѣжій вѣтерокъ распространялъ въ воздухѣ запахъ полей и луговъ, промоченныхъ насквозь вчерашнимъ дождикомъ. Заря занималась.

Пастухъ сталъ спиною въ околицѣ, перекрестился, оглянулъ деревню и заигралъ въ рожокъ: послѣ двухъ-трехъ колѣнъ онъ медленно пошелъ по срединѣ улицы, сопровождаемый мальчикомъ, тяжело переступавшимъ на влажной дорогѣ, чернѣвшей между яркими полосами травы, съ которой начинали сверкать и дробиться дождевыя капли. Старикъ не успѣлъ пройти половины улицы, какъ ужъ всѣ хозяйки встрепенулись и засуетились.

---

[1]) Волоковое окно — окно, задвигаемое изнутри доскою. [2]) Кочедыкъ — широкое загнутое шило, употребляемое при плетеніи лаптей.

— „Вставай, вставай!“ кричала жена Демьяна, дергая мужа и сына, спавшихъ подъ овчинами на полатяхъ: — „на дворѣ совсѣмъ бѣлехонько! вставайте, касатики, ишь пастухъ скотину сзываетъ! вставай Демьянычъ, рази не вѣдаешь — нонѣ Егорья, стадо впервые въ поле выгоняютъ.“

И, успокоенная тѣмъ, что оба свѣсили ноги съ полатей, она обратилась къ малолѣткамъ, лежавшимъ на лавкѣ: — „Поди, я умою тебя, болѣзный,“ нашептывала она, подымая младшаго. — Ваня, поди, батюшка, ко мнѣ... Ну, полно, же, полно,“ продолжала она, видя, что оба жмурили глаза и тянулись на лавку: — „а я пирожка дамъ съ кашкой; слышь, слышь, какъ пастухъ-то играетъ? ступайте скорѣе на улицу.“ Она насильно стащила ребятишекъ съ лавки, вынесла ихъ на крылечко и начала спрыскивать водою. Почти въ то же время на крылечкѣ показался Демьянъ; онъ окинулъ сонливыми глазами дворъ и, какъ бы невзначай, направился прямо къ клѣти, гдѣ стояла корова.

— Демьянычъ! куда ты? закричала старуха. Ступай лошадей напой; народъ давно на улицѣ, добрые люди въ поле собираются.

Видно было, что ей страхъ хотѣлось выпроводить мужа изъ своихъ владѣній. Когда онъ вышелъ, она сунула парнишкамъ по куску чернаго пирога съ кашей и точно также выгнала ихъ на улицу.

Оставшись одна, старушка тщательно заперла ворота и побѣжала въ избу; тамъ сняла она изъ-за иконы пыльный пучокъ вербы, вынула изъ него вѣтку и вернувшись на дворъ, обмахнула ею нѣсколько разъ корову. Наконецъ она положила вербу подъ ворота, открыла ихъ настежь и принялась гнать корову изъ клѣти, соблюдая при этомъ, чтобы животное перешло не иначе изъ двора на улицу, какъ черезъ вербу.

Пастухъ все еще игралъ на рожкѣ; но уже за нимъ, вмѣсто блѣднаго мальчика, слѣдовала теперь цѣлая толпа крикливыхъ ребятъ и дѣвчонокъ. На дворѣ совсѣмъ разсвѣло; первые лучи солнца играли на рѣзныхъ и соломенныхъ макушкахъ избъ, придавая какую-то особенную чистоту и ясность окрестности, деревьямъ и воздуху. Со всѣхъ сторонъ показался народъ; всѣ сходились на середину улицы, къ колодцу, гдѣ остановился старый пастухъ, и куда отовсюду сгоняли стадо.

110. Весенній праздникъ.

I.

Передъ крыльцомъ помѣщикъ увидѣлъ свою жену, старую няньку Прокофьевну, двухъ прислужницъ, дѣтей и между ними прыгающаго и лающаго шершаваго Милюшу. Ихъ всѣхъ тѣсно обступала толпа крестьянскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Прислужницы держали въ рукахъ сита съ печеными изъ тѣста жаворонками, которымъ, для большаго сходства, въ глаза и носъ воткнуты были зерна овса. Хозяйка одѣляла ими крестьянскихъ дѣтей, причемъ няня, дер-

жавшая на одной рукѣ Катю, всякій разъ вскрикивала тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ: „Жаворонки прилетѣли! Жаворонки прилетѣли, — весну принесли!“...

Возгласы пріумолкли тогда только, когда въ ситахъ не осталось уже жаворонковъ, и крестьянскія дѣти стали расходиться. — „Куда ты такъ долго ходилъ?“ обратилась Александра Васильевна къ мужу, какъ только онъ подошелъ къ крыльцу, и дѣти бросились къ нему навстрѣчу. „Мы давно тебя ждемъ. Безъ тебя дѣти ни за что не соглашались...“ — „Что вы еще тамъ затѣяли?... Что такое?“ добродушно повторялъ Иванъ Петровичъ, спѣша войти въ домъ, опережаемый дѣтьми и Милюшей, котораго почему-то не рѣшился онъ на этотъ разъ отогнать. Всѣ направились въ кабинетъ. Онъ выходилъ угломъ: два окна смотрѣли въ садъ, гдѣ чернѣли влажные стволы липовой аллеи, и подъ ними виднѣлся еще кое-гдѣ снѣгъ; изъ двухъ другихъ оконъ открывался видъ на дорогу, берегъ рѣчки съ возвышавшимися надъ ней старинными ветлами; за ними тянулся лугъ, дальше спускались откосы, мѣстами покрытые лѣсомъ — пока еще сѣрымъ. Въ двухъ шагахъ отъ перваго окна поставленъ былъ столъ; на немъ красовался большой тазъ, ручная метелка, клещи, долото, молотокъ, гвозди; обрывки бумажекъ и куски замазки, которыми залѣплены были на зиму оконныя рамы, — валялись подлѣ на полу: операція открытія въ домѣ перваго окна на воздухъ, очевидно, была уже подготовлена; для ея окончанія, какъ водилось всякій годъ, ждали только Ивана Петровича.

II.

Всѣмъ этимъ дѣломъ, по давно установленному правилу, предоставлялось завѣдывать старой нянѣ; она относилась къ нему самымъ ревнивымъ образомъ. Такъ и теперь было: никого не допуская помочь ей выдвинуть заржавленную задвижку, она сама принялась хлопотать надъ нею; задвижка наконецъ подалась, скрипнула, и первыя двѣ половинки окна отворились. Открытіе вторыхъ половинокъ потребовало еще больше времени: во первыхъ, мѣшали дѣти; въ нетерпѣніи своемъ они совались впередъ, напирали на старуху, стѣсняя ея движенія; во вторыхъ, слѣдовало прежде всего бережно смести въ тазъ песокъ съ бумажными коробочками, наполненными солью; слѣдовало потомъ тщательно вычистить подоконникъ. Провозившись еще минуту, Прокофьевна проговорила: „Господи, благослови!“ перекрестилась, уперлась ладонями въ раму, — обѣ половинки вдругъ раскрылись, и въ кабинетъ волною хлынулъ весенній, обогрѣтый солнцемъ, воздухъ. Онъ былъ встрѣченъ восторженными криками. Тутъ уже никого нельзя было удержать, — даже благоразумную старшую Соню, — о Сережѣ и Лизѣ говорить нечего; Александрѣ Васильевнѣ пришлось скорѣе взять на руки Катю, чтобы не затолкали ее вмѣстѣ съ Прокофьевной, у которой въ первомъ порывѣ суеты чепецъ совершенно сдвинулся на сторону: каждый рвался

впередъ, каждому хотѣлось быть первымъ, чтобы сказать потомъ, что ему первому удалось подбѣжать къ окну. Въ эту минуту, впрочемъ, никто изъ старшихъ не думалъ сдерживать дѣтскій восторгъ. У всѣхъ какъ-то мягко было на сердцѣ; всѣмъ было слишкомъ хорошо, чтобы мѣшать порывамъ радостнаго чувства. И въ самомъ дѣлѣ: отчего было однимъ — не выражать своего восторга, другимъ — не радоваться, когда все вокругъ смотрѣло такъ радостно, такъ весело, когда все, что было передъ глазами, сіяло и нѣжилось, охваченное лучезарнымъ блескомъ! Легко дышалось въ воздухѣ, приносившемъ запахъ обогрѣтой земли; надъ нею, безъ напряженія слуха, слышалось, какъ заливались жаворонки; рѣчка сверкала зеркаломъ: за нею, въ зеленѣющихъ лугахъ, бѣлѣли стада гоготавшихъ гусей; ближе — щебетали воробьи, хлопотливо перелетая съ соломинкой въ носикѣ; доносилось отдаленное журчанье ручьевъ, катившихъ по холмамъ послѣдніе снѣжные остатки. Повсюду ходилъ одушевленный трепетъ, все вокругъ какъ бы открывало глаза и весело осматриваясь, тянулось къ солнцу, возвращавшему жизнь. На землѣ, въ воздухѣ, въ самомъ небѣ — носилось какое-то ликованье, что-то радостное и праздничное...

И праздникъ былъ также на душѣ тѣхъ, кто стоялъ теперь у открытаго окна. Одни радовались ему безотчетно; онъ радовалъ другихъ, открывая имъ въ душѣ просторъ для счастливыхъ надеждъ и мечтаній...

111. Село Сосновка.

Мы попросимъ читателя переселиться въ огромное, великолѣпное село Сосновку. Переселеніе не можетъ быть сопряжено съ большими трудностями: село пользуется извѣстностью не только въ своемъ уѣздѣ, но даже въ большей части того края. Стоитъ придти въ любой городъ губерніи и спросить: какъ пройти въ Сосновку? — вамъ тотчасъ же со всѣми подробностями разскажутъ дорогу. Такая извѣстность основывается на многихъ причинахъ: въ Сосновкѣ ежегодно происходятъ четыре ярмарки; по воскреснымъ днямъ и праздникамъ здѣсь бываютъ значительные базары; сюда стекаются за пятьдесятъ, за семьдесятъ верстъ для покупки рабочихъ лошадей, для найма батраковъ, которые приходятъ изъ окрестныхъ деревень. Но собственно торговлей занимаются весьма немногіе; большая часть народонаселенія (около двухъ тысячъ душъ) споконъ вѣку занимается плотничнымъ ремесломъ; они собираются артелями, подъ предводительствомъ своего же сосновскаго подрядчика, и обходятъ почти всю Россію: бываютъ на Дону, въ Астрахани, по берегамъ Волги, заходятъ иногда даже въ отдаленную часть Сибири. Промышленность края рождается всегда изъ мѣстныхъ условій. Сосновскія земли плохи; ихъ даже мало относительно народонаселенія; богатство села и вообще той части губерніи составляютъ лѣса; иногда верстъ тридцать, сорокъ приходится ѣхать лѣсомъ, ничего не встрѣчая, кромѣ исполинскихъ елей, ничего не обоняя, кромѣ запаха смолы и

дыма, который медленно тянется между стволами, когда въ сторонѣ гдѣ-нибудь гонятъ деготь.

Издали Сосновка представляется богато-заселеннымъ островомъ, кинутымъ посреди темносиняго моря-лѣса, которое, подобно настоящему морю, сливается съ горизонтомъ и точно такъ же шумитъ, даже въ тихую погоду. Большая почтовая дорога, пролегающая черезъ село, и Ока, омывающая одинъ бокъ его, значительно оживляютъ промышленность. Въ половодье вся поверхность рѣки покрывается плотами, которые гонятъ отсюда въ Москву; круглый годъ на берегахъ строятся расшивы, катаются бревна, пилится лѣсъ, громоздятся горы досокъ, и правильными рядами лѣпятся по берегу длинныя, длинныя весла, служащія рулемъ, правиломъ на баркахъ. Въ Сосновкѣ три каменныя церкви и дюжина каменныхъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ. Въ церквахъ вы найдете нѣсколько большихъ ризъ и паникадилъ изъ чистаго серебра; въ одной церкви иконостасъ стоилъ девять тысячъ — все это усердныя приношенія зажиточныхъ сосновскихъ крестьянъ. Выѣзжая на улицу (ихъ всего пять: главная, по которой идетъ почтовая дорога и которая ведетъ къ мосту черезъ Оку, занимаетъ середину села), вы чувствуете какую-то необыкновенную легкость и радость на сердцѣ при видѣ здороваго, довольнаго, счастливаго человѣка. Здѣсь на сто крышъ не встрѣтите одной, которая провалилась бы не отъ тяжести навьюченной на нее соломы — нѣтъ, напротивъ, оттого, что стропила за недостаткомъ соломы подгнили и обрушились. Если попадется перекосившаяся избенка, она, вѣрно, принадлежитъ пьяницѣ или тунеядцу. Въ большой семьѣ не безъ кривого или косого. Особенно поражаютъ улицы въ воскресный день, когда весь сосновскій людъ пойдетъ въ церковь, или возвращается изъ церкви — просто гуляетъ! Синихъ кафтановъ не перечтешь; при солнечномъ освѣщеніи васъ непремѣнно ослѣпитъ яркая пестрота шелковыхъ платковъ, ситцевыхъ юбокъ, синихъ, красныхъ и желтыхъ передниковъ и коротаекъ, изъ которыхъ очень много плисовыхъ и даже штофныхъ.

112. Пахарь Анисимычъ.

Я зналъ Анисимыча еще въ дѣтствѣ. Онъ принадлежалъ къ числу трудолюбивыхъ, дѣловыхъ пахарей. Меня особенно поражали въ немъ всегда необычайная кротость нрава, чистота помысловъ и благочестіе. Анисимычъ никогда не былъ ни старостой, ни даже сотскимъ. При всемъ томъ его почитали и слушали. Не было примѣра, чтобы мірская сходка обходилась безъ Анисимыча. А между тѣмъ онъ не былъ ни особенно богатъ, ни силенъ, ни крикливъ; но его слушали, и совѣтъ его служилъ всегда послѣднимъ, рѣшительнымъ приговоромъ. То же самое было во всѣхъ крайнихъ, запутанныхъ дѣлахъ и даже въ семейныхъ распряхъ: что скажетъ, бывало, старикъ, то и свято. Мнѣ ясно представляется теперь одинъ случай. Дѣлились два брата. Всякій, кто жилъ

въ деревнѣ, знаетъ, съ какими трудностями сопряжены дѣлежи такого рода Какъ раздѣлить, напримѣръ, одну избу между двумя человѣками? Не разрубить же ее пополамъ, въ самомъ дѣлѣ! Какъ уровнять цѣнность лошади съ нѣсколькими овцами или цѣнность хозяйственныхъ орудій съ домашнею утварью? Дѣлежъ между двумя братьями не подвигался къ концу, несмотря на дѣятельное участіе міра. — „Позвать развѣ Анисимыча: что онъ скажетъ?“ замѣтилъ кто-то. Братья и всѣ присутствующіе выразили согласіе. Послали за старикомъ, и немного погодя онъ явился. Сначала онъ долго отговаривался; говорилъ, что бы ни сказалъ онъ, одинъ изъ братьевъ все-таки останется не въ удовольствіи; но къ нему приступили рѣшительнѣе и потребовали отвѣта. — „Ну, во имя Отца и сына и Святого Духа!“ сказалъ онъ тогда, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. (Онъ объяснилъ потомъ движеніе это тѣмъ, что „просилъ Господа помочь ему судить по-божески, по справедливому, а не по человѣческому.“) Затѣмъ онъ рѣшилъ споръ такимъ образомъ: все хозяйство и весь скотъ слѣдовало раздѣлить пополамъ, какъ „пріобрѣтенное“; но хлѣбъ — даръ Божій! Богъ печется о каждомъ человѣкѣ и посылаетъ хлѣбъ каждому, сколько нужно: хлѣбъ надо дѣлить, слѣдовательно, по душамъ. У одного брата три души, у другого — восемь: такъ послѣднему больше надо. Такъ и сдѣлали.

Въ жизни пахаря, которая протекла такъ же покойно и тихо, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ, было однакожъ одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили въ этомъ, слова не сказали; думали сдѣлать лучше. Разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, перваго, который попался. Но случай этотъ его поразилъ сильно только по своей неожиданности. Пріймя въ себя, старикъ побѣжалъ въ контору и просилъ, чтобы ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ трехъ сыновей въ городъ. До сихъ поръ еще многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очереднаго имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой, шестидесятилѣтній старикъ. — „Ваше благородіе!“ сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія: — „очередь за моею семьею. У меня три сына; пытался — не могу выбрать: всѣ равно дороги!... Соблаговолите позвать всѣхъ трехъ... выбирайте ужъ лучше сами!...“ Въ комнату вошли три парня, одинъ краше другого. Двое стали по правую руку отца, одинъ по лѣвую. Старикъ обнялъ поочередно всѣхъ трехъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову: „Всѣ милы!... всѣ дороги! всѣ хороши!...“ Тутъ дыханіе какъ бы стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головою, тяжко вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокаивать. Онъ попросилъ позволенія кинуть жеребій. Вынувъ изъ кошелька три мѣдные гроша, онъ подалъ ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ

бросить ихъ въ шапку. — „Вамъ, ваше благородіе,“ сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ: — „вамъ, я вижу . . . вы о нихъ также жалѣете . . . прикажите ужъ лучше позвать какого ни-на-есть человѣка, который не видалъ меня съ ними . . . Пускай ужъ лучше онъ жеребей вынетъ . . .“ Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему: „Какъ вынешь жеребей, никому не показывай . . . мнѣ отдай . . .“ Жеребей вынутъ. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ къ окну, взглянулъ на него, дрогнулъ, но тотчасъ же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ. — „Вася,“ вымолвилъ онъ, обратясь къ младшему: — „Вася . . . голубчикъ мой! подойди ко мнѣ . . .“ — Онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча и наконецъ произнесъ: „Ты былъ . . . да, былъ ты хорошимъ сыномъ . . . всегда хорошъ былъ . . . будь же хорошимъ солдатомъ царю нашему . . .“ — Онъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ ладонью лицо, пошелъ къ двери.

113. Сынъ и пріемышъ.

Глѣбъ Савичъ кормился рыбнымъ промысломъ на Окѣ и жилъ зажиточно: и снастей рыбныхъ много, и стройка хорошая, и хозяйство въ порядкѣ, и деньжонки водились. У Глѣба Савича было три сына: двое женатыхъ, да и младшій, Ваня, парень ужъ на возрастѣ. Глѣбъ Савичъ подумывалъ женить Ваню, и невѣста есть на примѣтѣ, — дѣвушка скромная, работящая, красавица. Отецъ съ матерью любили Ваню больше всѣхъ другихъ дѣтей. И было за что любить его: и уменъ, и грамоту зналъ, и ласковъ, и смиренъ, какъ красная дѣвушка. Жилъ еще въ семьѣ Глѣба Савича Гриша — пріемышъ, сирота круглый. Гриша былъ ровесникъ Ванѣ по годамъ, да не ровня по дѣламъ и по характеру: одного только строгаго Глѣба Савича и побаивался Гриша, только при немъ и сдерживалъ себя.

Пришла очередь семьѣ Глѣба Савича рекрута ставить. Опечалилась семья. Крѣпко задумался старикъ; ни съ кѣмъ слова не промолвитъ. — „Думай, не думай,“ — размышлялъ Глѣбъ Савичъ, — „а дѣлать больше нечего: надо Григорья ставить, — не сыновей же родныхъ отдавать, когда въ семьѣ пріемышъ есть! Жаль Григорья, что и говорить! Да и то сказать: царство безъ воинства не стоитъ, и разсуждать, значитъ, нечего. Да и не въ ссылку, вѣдь, а на службу царскую идетъ; Господь приведетъ, и назадъ воротится.“

Рѣшилъ про себя Глѣбъ Савичъ Гришу въ солдаты отдать, а все на сердцѣ тяжело. Объявилъ Глѣбъ Савичъ свое рѣшеніе семьѣ. Перекрестилась старуха мать, повеселѣла; повеселѣли и старшіе сыновья, и ихъ жены. Не веселъ только Ваня, закручинился парень . . . Улучилъ Ваня минуту, когда отецъ стоялъ одинъ у рѣки, подошелъ и говоритъ:

— Позволь слово сказать, батюшка! — Слова мои, можетъ, покажутся тебѣ горькими, да ужъ не прогнѣвайся! Я, батюшка, насчетъ Гриши . . . Батюшка! что ты дѣлаешь? Затѣмъ ли ты поилъ-кормилъ, растилъ его, чтобы онъ, сирота,

за насъ, за сыновей твоихъ, отвѣтъ держалъ... Не бери, батюшка, тяжкаго грѣха на душу! Самъ же ты сколько разъ говорилъ, что надо жить по правдѣ! Глѣбъ стоялъ, какъ прикованный къ землѣ, и смущенно смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

— Какъ же быть-то? Жеребей что-ли промежъ васъ кинуть?

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ жеребей! — старшіе братья женаты... Что жъ... я пойду, батюшка!... Глѣбъ остолбенѣлъ. Лицо его побагровѣло. Крупныя капли пота выступили. Мысль разстаться съ Ваней, любимымъ дѣтищемъ — потрясла старика. Глѣбъ осыпалъ сына упреками: онъ ли не любилъ его, онъ ли не лелѣялъ! Осыпалъ его затѣмъ угрозами, — ничто не помогало. Наконецъ Глѣбъ принялся ласково уговаривать сына. Ваня остался твердъ. — Ну, такъ вотъ что, — сказалъ наконецъ старикъ: — кинемъ, Ваня, все-таки жеребей... Хотя для виду кинемъ!... Кому выпадетъ, пусть хоть тотъ знаетъ, что ты за него пошелъ!

— Нѣтъ, батюшка, зачѣмъ? — возразилъ сынъ, — зачѣмъ?.. Ну, а какъ кому-нибудь изъ братьевъ вынется жеребей, либо Гришѣ, вѣдь они вѣкъ мучиться будутъ, что я за нихъ иду! Господь съ ними! Пускай себѣ живутъ, ничего не вѣдая, дѣло пускай ужъ лучше будетъ закрытое! Слова сына совсѣмъ сломили старика. Посмотрѣлъ онъ грустно на Оку, на лодки и домъ. Взглядъ его остановился на женѣ, которая шла изъ дому къ рѣкѣ.

— Ступай сюда! ступай, старуха! — закричалъ Глѣбъ, махая руками. Старушка, ковыляя, подошла къ мужу и сыну.

— Вотъ, — сказалъ Глѣбъ, — послушай-ка его, послушай, что онъ тебѣ скажетъ.

Испуганная мать бросилась къ сыну. Тотъ опустилъ голову и молчалъ. Глѣбъ сказалъ женѣ о намѣреніи Вани.

— Батюшка! — закричала старуха: — батюшка, помилуй! — И, какъ безумная, повалилась мужу въ ноги.

— Его проси! — проговорилъ съ трудомъ Глѣбъ, — его проси, старуха! — Ваня!... голубчикъ, родненькій, помилуй! — прокричала мать. Ваня молчалъ, поддерживалъ мать и рыдалъ навзрыдъ, обливая ея лицо слезами.

Тутъ ужъ и самого старика слеза прошибла. Онъ медленно подошелъ къ женѣ, положилъ ей на голову свою широкую ладонь и произнесъ прерывающимся голосомъ: „Терпи, старая голова! Будь воля Божья!“ — И старикъ пошелъ по берегу.

Обѣ снохи, а за ними мужья, Гриша и дѣти обступили старуху и Ваню. Но сколько ни допрашивали, сколько не допытывались, такъ ничего и не могли узнать. Старуха рыдала, какъ безумная. Сынъ сидѣлъ подлѣ матери, обнявъ ее рукою, утиралъ слезы и молчалъ. Когда ужъ слишкомъ приставали къ Ванѣ съ вопросами, онъ обращалъ къ присутствующимъ кроткое лицо свое и глядѣлъ на нихъ спокойно, не подозрѣвая, какое совершаетъ онъ великое дѣло.

114. Берега Оки.

I.

Я былъ на Волгѣ въ первые годы моего дѣтства. Въ памяти моей успѣли изгладиться живописные холмы, лѣса и села, которые, на протяженіи многихъ и многихъ сотенъ верстъ, смотрятся въ свѣтлыя, благодатныя волжскія воды. Судьба забросила меня въ другую сторону, перенесла на другую рѣку; съ тѣхъ поръ я не разлучался съ Окою. Я скоро сроднился съ нею, и теперь люблю ее, какъ вторую отчизну. Не вините же меня въ пристрастіи — въ нѣкоторыхъ случаяхъ пристрастіе извинительно, — не вините же, если берега Оки, ея окрестности и маленькія рѣчки, въ нее впадающія, кажутся мнѣ краше и живописнѣе другихъ береговъ, мѣстностей и рѣчекъ Россіи.

Особенно пріятно любоваться высокимъ берегомъ, спускаясь въ лодкѣ внизъ по теченію отъ Серпухова до Коломны. То покрыты плотною, кудрявою чащей орѣшника или молодого дубняка, то спускаясь къ водѣ ярко-зелеными, закругленными, какъ куполъ, холмами, то исполосованный пашнями, на подобіе шахматной доски, берегъ этотъ перерѣзывается иногда пропастями, глубина которыхъ даетъ еще сильнѣе чувствовать подъемъ хребта надъ поверхностью рѣки. Виды измѣняются безпрерывно: точно стоите вы на мѣстѣ, и развертываютъ передъ вами громадную панораму[1]). Кое-гдѣ, по зеленымъ косогорамъ, то плавнымъ, то крутымъ, лѣпятся села, вьются тропинки, кажущіяся издали нѣжными полосками, нарисованными тонкою, прихотливою кистью. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ монастыри и скромныя деревенскія церкви, съ зеленѣющими кровлями и блистающими на солнцѣ крестами. Нерѣдко между кремнистыми, отвѣсными обрывами открываются, какъ бы для контраста[2]), свѣтлыя, улыбающіяся долины. Рѣзвые ручьи и маленькія рѣчки, мѣстами заслоненныя ветлами, живописно извиваются посреди ярко-зеленыхъ лощинъ, покрытыхъ мелкимъ березникомъ.

Иногда весь берегъ представляетъ одну сплошную синеватую стѣну сосноваго бора, который не прерывается цѣлыя версты. На песчаныхъ прибрежныхъ отмеляхъ мелькаютъ кое-гдѣ лачужки рыбаковъ, съ прислоненными къ нимъ баграми[3]) и саками[4]), съ раскинутымъ бреднемъ[5]), лежащими неподалеку вершами[6]) и черными, опрокинутыми кверху, насквозь просмоленными челноками. Мѣстами берегъ, подмытый водою, осыпался весь сверху донизу, и отвѣсною стѣною стоитъ надъ водой, показывая свои мѣловые, глиняные и песчаные слои, пробуравленные норками стрижей, водяныхъ ласточекъ. Въ такихъ мѣстахъ этихъ птичекъ появляется обыкновенно несмѣтное множество. Надъ ними, въ неизмѣримой вышинѣ неба, вы ужъ непремѣнно увидите беркута, родъ орла: распластавъ дымчатыя крылья свои, зазубренныя по краямъ, распушивъ хвостъ и издавая слабый крикъ, похожій на пискъ младенца, онъ стоитъ неподвижно въ

[1]) Панорама — красивый видъ природы. [2]) Контрастъ — противоположность. [3]) Багоръ — длинный шестъ съ желѣзнымъ крюкомъ и остріемъ на концѣ. [4]) Сакъ — у рыбаковъ: сѣтяной мѣшокъ, привязанный къ деревянному обручу съ шестомъ. [5]) Бредень — рыболовная сѣть. [6]) Верша — двойной колпакъ, связанный изъ тонкихъ прутьевъ, устанавливаемый на рѣкѣ для ловли рыбы.

воздухѣ, или водитъ плавные круги, постепенно понижаясь къ добычѣ. Мѣстами берегъ удаляется, расходится амфитеатромъ[1]) и даетъ мѣсто злачнымъ лугамъ. оживленнымъ одинокими столѣтними дубами, подъ тѣнью которыхъ отдыхаетъ стадо ближней деревни . . . Но всего не опишешь! Однимъ словомъ — великолѣпная, непрерывная, блестящая панорама, которая ждетъ еще своего поэта и живописца.

II.

Не думайте однакожъ, чтобы луговой берегъ не имѣлъ также своей прелести. Есть время въ году, когда онъ кажется еще красивѣе, еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это — Петровки. Не мѣшаетъ вамъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентою черезъ нѣсколько губерній, однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они среднимъ числомъ верстъ на восемь и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села.

Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскіе ребятишки могутъ свободно прятаться, какъ въ лѣсу. Миріады душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень, пестрое цвѣтное море какъ словно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому времени жители Комарева, Горъ, Болотова, Озеръ и другихъ. Въ нашемъ простонародьѣ покосъ считается празднествомъ. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Если бъ собрать весь кумачъ, всѣ платки, понявы[2]), пестрыя рубашки и позументы[3]), которые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими пространство въ пятьдесятъ верстъ окружности. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами[4]), каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ, подымитесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами, какъ звѣзды; имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ . . . Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и, дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою голкой, кашкой, медуникой и сотнями другихъ цвѣтовъ. Такъ подвигаются они, однакожъ, цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно, или навиваютъ его остро-

[1]) Амфитеатръ — зданіе въ видѣ круга или полукружія съ уступами для помѣщенія зрителей. [2]) Понява — холстинная или шерстяная юбка у крестьянокъ. [3]) Позументъ — золотая, серебряная или украшенная блестками тесьма. [4]) Вотчина — деревня.

верхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами, полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію несется одинъ общій говоръ, тысячи голосовъ и одна общая пѣснь: точно весь русскій людъ собрался сюда на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно заря брезжитъ на востокѣ, уже серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣснь между тѣмъ все еще не умолкаетъ, и нѣтъ, кажется, конца этой пѣсни, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣснь эту затянули еще, быть можетъ, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она, понеслась дружнымъ, неумолкаемымъ хоромъ и, постепенно разливаясь мягкими волнами все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а тамъ, подхваченная волжскими косарями, пойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря.

115. Прохожій.

I.

Въ одинъ святочный вечеръ старикъ прохожій шелъ потихоньку небольшой проселочной дорогой. Много прошелъ онъ день-деньской, усталъ, прозябъ, проголодался и теперь торопился къ ночлегу, гдѣ бы можно было отдохнуть и обогрѣться. На бѣду его подулъ сильный вѣтеръ, поднялась вьюга и стало заметать дорогу. Бѣдному старику трудно становилось итти по заметенной дорогѣ; онъ усталъ не на шутку, ноги его начинали подкашиваться, руки зябли отъ холоднаго вѣтра, вся его одежда покрылась снѣгомъ, и онъ съ трудомъ подавался впередъ, опираясь на свой костыль и ощупывая имъ дорогу. Чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ мятель становилась все сильнѣе и сильнѣе; вѣтеръ со свистомъ и шумомъ пролеталъ мимо старика и обдавалъ его поднятымъ съ земли снѣгомъ. Дороги уже совсѣмъ нельзя было отличить отъ поля — такъ занесло ее снѣгомъ, и онъ наугадъ, увязая по колѣни, продолжалъ подвигаться впередъ и надѣялся скоро добраться до какой-нибудь деревни; наконецъ, онъ совсѣмъ выбился изъ силъ и сталъ звать къ себѣ кого-нибудь на помощь, но никто не отзывался. Бѣдный старикъ уже сѣлъ-было на снѣгъ, перекрестился и сталъ ожидать, что будетъ, какъ вдругъ вьюга на минуту затихла, и ему послышался лай собаки; онъ подумалъ сначала, что это просто завываетъ вѣтеръ, но лай становился все слышнѣе и слышнѣе.

Собравъ свои послѣднія силы, онъ направился въ ту сторону, откуда былъ слышенъ лай: немного погодя, ощупалъ онъ сарай, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ. Не думая долго, прохожій, подошелъ къ одной изъ нихъ и стукнулъ въ окно.

— Кто тамъ? послышался голосъ изъ избы.

— Прохожій . . . отвѣчалъ, запинаясь, старикъ.

— Чего надыть? спросилъ его голосъ слышнѣе.

— Пусти ночевать . . . отвѣтилъ старикъ едва слышно; силы его совсѣмъ покидали, онъ едва стоялъ на ногахъ и не могъ ничего отвѣтить на сдѣланный вопросъ

— Ступай! ступай! коли ты добрый человѣкъ, — сердито отозвался изъ избы голосъ: — ступай по добру, по здорову; много васъ шляется; проваливай, проваливай . . . здѣсь не мѣсто, ступай! . . .

Что было дѣлать бѣдному старику? — ему не давали пріюта — приходилось умирать среди деревни, подъ окномъ немилостиваго крестьянина! . . .

Въ этой же деревнѣ жилъ со своей матерью крестьянинъ Алексѣй. Избенка Алексѣя была крошечная; стѣны ея, покосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопченныя дымомъ, были такъ черны, что даже съ помощью лучины едва можно было различить что-нибудь въ углахъ. Не смотря на это, вездѣ, куда только проникалъ глазъ, виднѣлись слѣды заботливости и строгаго порядка; все показывало, что старушка, мать Алексѣя, была добрая, радѣтельная хозяйка. Ничто не валялось зря, гдѣ ни попало; все было прибрано къ мѣсту; земляной полъ былъ чисто-на-чисто выметенъ . . . Алексѣй только-что воротился отъ сосѣдей.

— Алеша, погляди-ка-съ на меня . . . обратилась къ нему старушка-мать: — ты, словно, касатикъ, не веселъ?

— Нѣтъ, матушка, право, ничего, отвѣчалъ, отходя къ печкѣ, Алексѣй

— Полно, родной, я вижу . . . не тотъ ты былъ, какъ пошелъ изъ дому не прилучилось ли чего? промолвила старушка.

— Взаправду ничего, сказалъ Алексѣй: — ходилъ съ ребятами по сосѣдямъ, вездѣ пиръ такой, веселье . . . съ чего, кажись, быть не веселу! . . .

Въ эту самую минуту кто-то постучалъ въ окно.

— Слышалъ, Алеша? . . . спросила старуха, оглядываясь на сына.

— Никакъ стукнули въ окно, отвѣчалъ парень, приподнимаясь съ лавки.

— Погоди, Алеша . . . Охъ! съ нами святая сила! . . . сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно быть изъ сосѣдей кто-нибудь; можетъ статься, нужда какая; постой-ка, погляжу . . .

— Кто тамъ? крикнулъ онъ, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла.

— Съ минуту продолжалось молчаніе, прерываемое визгомъ мятели, которая люто завывала вокругъ избушки.

— Кто тамъ? повторилъ Алексѣй.

— Прохожій... отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ: — пустите во имя Христово . . . прибавилъ голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобы внятно произносить слова.

— Слышь? сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери: —вѣрно, съ пути сбился, за мятелью; пущай его обогрѣется.

— Дядя! а дядя! ступай на дворъ! крикнулъ Алексѣй, стукнувъ въ окно: — погоди, матушка, я выйду на дворъ, провожу его, а то и не найдетъ, пожалуй...

Алексѣй набросилъ на плечи овчину и вышелъ на крылечко.

— Дядя! гдѣ ты? сюда ступай! крикнулъ онъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Мятель ревѣла по прежнему; снѣжныя хлопья, валившіяся со всѣхъ сторонъ, усиливали темноту и безъ того уже темной ночи; на дворѣ нельзя даже было различить собственной руки.

— Сюда, дѣдушка!... Ступай на голосъ! продолжалъ кричать Алексѣй.

Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ, и минуту спустя, неровные шаги зазвучали на тонкихъ ступеняхъ крылечка.

— Сюда, дѣдушка, сюда!... сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было, куда итти: — войди, отогрѣйся...

II.

Прохожій вошелъ въ избу. Алексѣй взглянулъ на него при свѣтѣ лучины — и невольно отступилъ къ матери, которая попятилась къ образамъ и перекрестилась. Передъ нимъ стоялъ, едва держась на ногахъ, сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти. Онъ дрожалъ всѣми своими членами; зубы его щелкали; холщевая сума, висѣвшая за его спиною, и мерзлыя лохмотья рубища, прикрывавшія тощую его грудь, плечи и ноги, тряслись въ свою очередь, слѣдуя движеніямъ закутаннаго въ нихъ тѣла. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія свои руки, провелъ ими по головѣ, сдѣлалъ шагъ впередъ, хотѣлъ что-то сказать, но рѣчь его вышла нескладной. Онъ глубоко вздохнулъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавку.

— Что? небось озябъ, дѣдушка? спросилъ его Алексѣй.

— Поди поближе къ печкѣ, погрѣйся! прибавила Василиса.

Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся: кашлю этому, казалось, конца не было.

— Спасибо... проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку: — спасибо вамъ... что пустили.

— И-и-и... касатикъ, Господь съ тобою! сиди, сиди, обогрѣйся... да ты бы, право, поснѣдалъ что; кашки, а не то и киселекъ есть у насъ...

Нѣтъ... спасибо... охъ!... вотъ кабы парень-то твой... пособилъ... силъ моихъ нѣтъ...

Онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но слова замерли въ его горлѣ; онъ ощупалъ вокругъ себя мѣсто, придвинулъ къ себѣ суму и медленно сталъ опускаться на лавку. Алексѣй подсобилъ старику растянуться на лавкѣ и подложилъ ему подъ голову суму.

Немного погодя, старушка затушила лучину, и въ избушкѣ стало темно. Василиса, утомленная дневными хлопотами и заботами, не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась и сладкій сонъ сковалъ истомленные ея члены. Что же касается Алексѣя, то онъ долго лежалъ, не смыкая глазъ.

Глухой стонъ, раздавшійся подъ образами, напомнилъ ему о присутствіи прохожаго.

Стонъ повторился еще протяжнѣе.

— Дѣдушка, что ты? спросилъ парень, приподнимаясь на локтѣ.

— Подь сюда . . .

Алексѣй соскочилъ съ печи, нащупалъ впотьмахъ сѣренку[1]), зажегъ лучинку и подошелъ къ лавкѣ.

Старикъ лежалъ по прежнему въ растяжку.

— Что съ тобой, дѣдушка? вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному лицу старика.

— Гдѣ старуха-то? . . . Позови ее сюда . . . отвѣчалъ старикъ едва внятно.

Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ[2]) лучину, разбудилъ мать, и, минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки.

— Тетушка, сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на Василису: — пришелъ, видимо, мой часъ помирать . . . ты и парень твой . . . не отогнали меня . . . пустили, какъ родного . . . Богъ васъ не оставитъ.

Онъ замолчалъ на минуту и потомъ прибавилъ:

— Пошли . . . сына въ село . . . Аблезино . . . тамъ . . . за рощей . . . подлѣ *громового* колодца . . . дупло . . . зарыта кубышка[3]), — двадцать лѣтъ копилъ! . . . никому только не сказывай . . . продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ: — вы меня . . . призрѣли . . . возьмите за добро ваше . . . Господи! прости прогрѣшенія мои . . . охъ! . . .

— Касатикъ дѣдушка! что ты? очнись! Христосъ съ тобой, кормилецъ! слышь, не сбѣгать ли за священникомъ? крикнули въ одно время Василиса и сынъ ея.

Старикъ скрестилъ руки на груди и закрылъ глаза. Василиса и сынъ ея бросились къ лучинѣ. Когда они вернулись къ лавкѣ и взглянули, при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины, въ лицо прохожему, онъ былъ мертвъ.

Весною, какъ только сошелъ снѣгъ, Алексѣй отправился въ село Аблезино; отыскалъ онъ тамъ, какъ говорилъ старикъ, кубышку съ деньгами. Алексѣй скоро выстроилъ новую избу, обзавелся хорошимъ хозяйствомъ и сталъ самымъ зажиточнымъ крестьяниномъ.

116. Дядя Антонъ.

I.

Въ глухой чащѣ осинника работалъ мужикъ; онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ сплеча высокіе кусты хвороста. Наступила пора зимняя, мужикъ припасалъ топливо.

Стужа была сильная; несмотря на это, потъ ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

---

[1]) Сѣренка — сѣрная спичка. [2]) Свѣтецъ — столбъ, въ который вкладывается горящая лучина.
[3] Кубышка — глиняный сосудъ съ выпуклыми боками.

Мужикъ былъ невысокъ ростомъ, бѣденъ грудью, сухощавъ, съ рѣдкою рыжеватою бородою, въ которой проглядывала сѣдина. Одежда на немъ соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его наружности: все было до крайности ветхо, отъ низенькой мѣховой шапки до коротенькаго овчиннаго полушубка, подпоясаннаго лыкомъ.

Шагахъ въ пяти стояла телѣга, припряженная къ сытенькой пѣгой клячонкѣ. Поодаль, сквозь обнаженные сучья деревъ, виднѣлся мальчикъ, карабкавшійся на вершину старой осины, гдѣ были галичьи гнѣзда.

Время отъ времени за лѣсомъ поднимался пронзительный вой вѣтра; онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колеяхъ проселка, поднималъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ и, взметнувшись наконецъ яростнымъ, шипящимъ вихремъ, ударялъ въ тощую грудь осинника. И мужикъ прерывалъ тогда работу. Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику на осинѣ:

— Эй, Ванюшка! ишь, куда забрался! того и гляди, вѣтромъ снесетъ. Ступай на земь!

— Незамай, дядя Антонъ, — откликался мальчикъ: — небось, не снесетъ! Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу.

Возъ наконецъ наполнился доверху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось тогда къ племяннику; его упорное неповиновеніе какъ бы впервые пришло ему въ голову, и онъ не на шутку разсердился.

— Ахъ ты, баловень! — закричалъ онъ, стукая обухомъ топора въ осину: — долго ли говорить тебѣ? Слѣзай! вотъ я тебя, озорника! — А вотъ же не слѣзу, коли такъ, — отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь все выше и выше.

— Не слѣзешь?.. Ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу, — пусть тебя волки ѣдятъ...

Угроза подѣйствовала на ребенка; онъ обхватилъ ручонками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься на земь при первой попыткѣ дяди исполнить обѣщаніе.

— А бить не станешь? — вымолвилъ мальчикъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую головку и пристально глядя на дядю.

— Ну, ну, слѣзай, знай, слѣзай!...

— Взаправду, не станешь?...

— Говорятъ, не стану; ступай скорѣй!

Ваня спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ. И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно... спускайся только.

— Не обманешь?

— Экой пострѣлъ! говорю, посажу, чего еще?

Съ быстротою и ловкостью бѣлки проскользнулъ мальчикъ между верхними сучьями и мигомъ очутился подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ, медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрипя и покачиваясь изъ стороны въ сторону. Ваня сидѣлъ верхомъ на пѣгашкѣ; онъ былъ вполнѣ счастливъ. Его русыя кудряшки, развѣваясь по вѣтру, открывали поминутно свѣжее веселое личико. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну руку за пазуху, другой упираясь въ оглоблю.

II.

Возъ съ хворостомъ въѣзжаетъ въ село. По срединѣ улицѣ ребятишки играютъ въ бабки. Дѣти, кажется, не замѣчаютъ стужи. Между ними нѣсколько дѣвочекъ съ младенцами на рукахъ; семи-восьмилѣтнія нянюшки дуютъ въ кулаки, перескакиваютъ съ ноги на ногу, но все-таки не покидаютъ веселаго сборища.

Проѣзжая мимо, Ванюшка, начинавшій было корчиться отъ стужи, вдругъ вытянулся, пріосанился и крикнулъ, насколько хватило силенки:

— Эй! пошли прочь! раздавлю: ишь, лошадь ѣдетъ!

Толпа дала дорогу, посматривая съ завистью на сѣдока.

Изба Антона у самой околицы. Она бросалась въ глаза своею ветхостію: одинъ бокъ ея почти сгнилъ до тла, отчего остальная часть зданія покачнулась и сѣла въ ту сторону. Кровля отъ тяжести давившей ее когда-то соломы приняла совсѣмъ другое направленіе; она сползла напередъ и грозила ежеминутнымъ паденіемъ. Трубы не было; ее замѣнялъ глиняный горшокъ съ выбитымъ дномъ. Изба со всѣхъ сторонъ подпиралась сучковатыми плахами. Словомъ, все въ ней было и валко, и шатко, и на-сторону. И дядя Антонъ, и Ваня, и пѣгашка, по мѣрѣ приближенія къ избушкѣ, замѣтно оживились: лица дяди Антона и Вани просвѣтлѣли привѣтливой улыбкой. Ваня никакъ даже не могъ удержаться, чтобы не крикнуть въ восторгѣ:

— Дядя Антонъ, домой пріѣхали! ишь, дядя Антонъ, ишь, домъ-то, вонъ онъ! вонъ онъ какой!

При въѣздѣ на дворъ навстрѣчу имъ выбѣжала дѣвочка лѣтъ шести; она хлопала въ ладоши, смѣялась, бѣгала вокругъ телѣги и, не зная, какъ бы лучше выразить свою радость, ухватилась ручонками за полы Антонова полушубка и повисла на немъ. Мужикъ взялъ ее на руки, указалъ ей пальцемъ на возъ, вытащилъ изъ середины его красный прутикъ вербы, подалъ его ребенку и, погладивъ его еще разъ по головѣ, снова пустилъ на свободу. Дѣвочка была въ неописанномъ восторгѣ отъ подарка.

— Ну, Ваня, будетъ! — слѣзай-ка съ лошади да ступай скорѣе съ сестренкой въ избу, на печку, — сказалъ дядя: — небось, и оба поѣсть хотите?

— Дядя Антонъ, голубчикъ, золотой, дай распречь лошадку! Я послѣ поѣмъ, — упрашивалъ дядю Ваня.

— И то замерзъ совсѣмъ: гдѣ тебѣ справиться? ишь, руки-то окоченѣли!

— Ничего, дядя! право слово, ничего! — Ты, Аксюша, ступай въ избу: ишь, озябла-то какъ... а я послѣ приду.

Дядя Антонъ съ Ваней распрягли лошадь, и вскорѣ всѣ трое вошли на крылечко, а оттуда въ избу.

III.

Хозяйка Антона была не одна: у стола сидѣла гостья — старуха, нищая.

— Здорово, Архаровна! — сказалъ Антонъ.

— Здравствуй, кормилецъ! — отвѣчала вздыхая старуха.

— Варвара! — чего нахохлилась? — собирай-ка обѣдъ: смерть ѣсть хочется, да, чай, и ребята-то проголодались!

— Чего я тебѣ дамъ, Антонушка! — Охъ, ничего-то у насъ нѣту... — Кажись, намедни лучку осталось?

— Нѣтъ, не осталось, ребята поѣли.

— Ну, давай хлѣба, кваску... Да полно тебѣ день-деньской хохлиться-то!

Варвара сняла съ полки чашку, нацѣдила въ кувшинчикъ кваску, потомъ вынула изъ столоваго ящика остатокъ ржаного коровая, солоницу, ножъ и молча уставила все это передъ мужемъ.

— Эй, ребятишки! — крикнулъ Антонъ: — ступайте сюда... А у меня тюря-то славная какая! — Вотъ я ее всю съѣмъ... Слѣзайте скорѣе съ печи! — Ну, и ты, бабка, бери ложку, садись.

— Спасибо, отецъ родной! — хозяюшка твоя накормила, дай ей Господь Богъ много лѣтъ здравствовать... Аксюша подбѣжала къ дядѣ, вползла къ нему на колѣни и обняла смуглую его шею тоненькими своими ручонками.

— Экая дѣвочка-то у меня ласковая какая, бабушка! — вымолвилъ мужикъ, гладя Аксюшу по головкѣ. — Сядь-ка ты сюда, плутъ-дѣвка, сядь-ка поближе къ своему дядѣ-то, да поѣшь... Оба они любы намъ больно, бабка, даромъ что племянники; безъ нихъ, кажись, и жизнь не въ жизнь была бы, а съ ними все повеселѣе! — Что жъ, родимый, — спросила старуха: — братъ, небось, вѣсточку посылаетъ?

— Нѣтъ, съ той самой поры, какъ въ солдаты взяли, ни слуху, ни духу. Мы лѣтось посылали къ нему грамотку да денегъ полтинничекъ... послѣднiй отдали; никакого отвѣту.

Антонъ уперся спиною въ стѣну и пересталъ ѣсть. Долго онъ сидѣлъ, пригорюнясь и не говоря ни слова, только изрѣдка ласкалъ Аксюшу, которая положила русую головку свою на грудь дяди, да искоса поглядывалъ на жену, отъ которой онъ, видимо, старался скрыть свои тревожныя мысли.

Наконецъ, Антонъ облокотился на столъ, взглянулъ еще на жену и сказалъ старухѣ:

— Вотъ, бабушка, было времечко, живалъ вѣдь и я не хуже другихъ: въ амбарѣ-то бывало всего вволю; три коровы стояли на дворѣ, двѣ лошади... Да Богъ, знать, прогнѣвался на насъ: братъ въ солдаты пошелъ, невѣстка померла, а тутъ и пошла бѣда за бѣдой... Вотъ вѣдь и хлѣбушко-то, что ѣдимъ, и тотъ, сказать горько, у сосѣда выпросилъ!...

Онъ оглянулся на Варвару; та сидѣла, закрывъ лицо руками и отвернувшись отъ мужа. Замѣтивъ, что слезы струились между ея пальцами, Антонъ замялся.

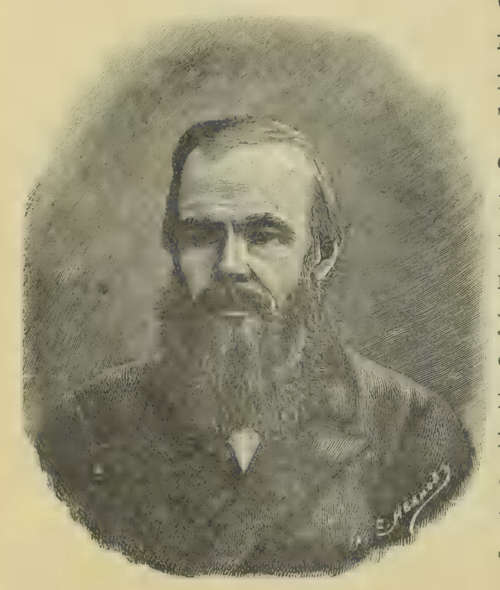
— Да, — подхватилъ онъ громче прежняго, — да, бабушка, такъ вотъ оно дѣло-то какое!... Только мы съ хозяйкой не унываемъ, не гнѣвимъ Господа Бога... грѣшно, знать, ужъ такая Его воля.

— Да, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, — продолжалъ мужикъ, стараясь принять веселый видъ: — по комъ бѣда не ходила!... Эхъ, Варвара! Полно тебѣ, право; ну, что ты себя понапрасну убиваешь? горю не пособишь, право — ну, не пособишь! Богъ дастъ, поправимся! Гляди-ка, вотъ какіе помощники-то у насъ подрастаютъ!

Антонъ поднялся изъ-за стола, помолился передъ иконою, разулся, вздохнулъ нѣсколько разъ сряду и полѣзъ на полати. Ребятишки забились на печку. Старуха-нищая улеглась на лавкѣ. Варвара затушила лучину, и долго слышались ея вздохи передъ иконой и земные поклоны.

117. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій родился 30 октября 1821 года въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ докторомъ при больницѣ. Семья Достоевскихъ была дружная и родители относились съ любовью къ своимъ дѣтямъ. Мальчику было 10 лѣтъ, когда отецъ его купилъ небольшое имѣньице въ Тульской губерніи; съ тѣхъ поръ мать и дѣти стали съ ранней весны до поздней осени жить въ деревнѣ, гдѣ мальчикъ на своихъ уединенныхъ прогулкахъ познакомился съ народомъ и полюбилъ его. Первоначальной грамотѣ обучала его мать, латинскому языку училъ его отецъ; кромѣ того Достоевскій посѣщалъ школу, пока въ 1834 году его не отдали въ хорошій пансіонъ, славившійся своими преподавателями. Здѣсь у Достоевскаго развилась любовь къ чтенію. Въ пансіонѣ онъ пробылъ всего 3 года, такъ какъ въ 1838 году умерла его мать,

и отецъ отвезъ его въ Петербургъ для подготовки къ поступленію въ Инженерное училище. Поступивъ въ училище, Достоевскій по прежнему посвящалъ чтенію каждую свободную минуту и здѣсь же началъ писать свою первую повѣсть „Бѣдные люди". По окончаніи курса Достоевскій поступилъ въ 1843 году на службу, но черезъ годъ вышелъ въ отставку и рѣшилъ сдѣлаться писателемъ. Онъ обработалъ свою повѣсть „Бѣдные люди", и Григоровичъ, товарищъ его по Инженерному училищу, отдалъ ее Некрасову, для помѣщенія въ „Петербургскомъ сборникѣ", на страницахъ котораго она и появилась въ 1846 году. Успѣхъ повѣсти былъ огромный, и всѣ предсказывали автору блестящее будущее. За „Бѣдными людьми" послѣдовали другіе разсказы, но въ 1849 году Достоевскій за участіе въ запрещенномъ обществѣ былъ сосланъ въ Сибирь на каторжныя работы, гдѣ и провелъ 4 года. Находясь въ обществѣ преступниковъ, онъ сумѣлъ различить въ нихъ ту „искру Божію", то хорошее, что непремѣнно таится во всякомъ человѣкѣ, и съ этой стороны описалъ впослѣдствіи всѣхъ своихъ невольныхъ товарищей въ знаменитомъ „Мертвомъ домѣ". По окончаніи каторги, Достоевскій былъ четыре года солдатомъ, затѣмъ офицеромъ, но въ 1859 году вышелъ въ отставку и вернулся въ Петербургъ. Здѣсь въ 1861 году появляются его романы „Униженные и оскорбленные" и „Мертвый домъ", а затѣмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ всѣ его остальные романы. Героями всѣхъ произведеній Достоевскаго являются „бѣдные", несчастные, въ томъ или иномъ отношеніи обиженные судьбой люди, и полный безконечной любви, той самой, что ужъ въ дѣтствѣ заставляла его заступаться за обижаемыхъ товарищей, своими образами заставляетъ читателей относиться съ жалостью и состраданіемъ къ людямъ. Скончался Достоевскій въ 1881 году и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

118. Мужикъ Марей.

I.

Мнѣ припомнился августъ мѣсяцъ въ нашей деревнѣ: день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтреный; лѣто на исходѣ и надо ѣхать въ Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мнѣ такъ жалко покидать деревню. Я пошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, поднялся въ Лоскъ — такъ назывался у насъ густой кустарникъ по ту сторону оврага до самой рощи. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу, какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянкѣ, одиноко пашетъ мужикъ. Я знаю, что онъ пашетъ круто въ гору и лошадь идетъ трудно, и до меня изрѣдка долетаетъ его окрикъ: „Ну, ну!" Я почти всѣхъ нашихъ мужиковъ знаю, но не знаю, который это теперь пашетъ, да мнѣ и все равно, я весь погруженъ въ мое дѣло, я тоже занятъ: я выламываю себѣ орѣховый хлыстъ, чтобъ стегать имъ лягушекъ; хлысты изъ орѣшника такъ красивы и такъ прочны, куда противъ березовыхъ. Занимаютъ меня тоже букашки и жучки, я ихъ собираю, есть очень нарядные;

люблю я также маленькихъ, проворныхъ, красножелтыхъ ящерицъ, съ черными пятнышками, но змѣекъ боюсь. Впрочемъ, змѣйки попадаются гораздо рѣже ящерицъ. Грибовъ тутъ мало; за грибами надо итти въ березнякъ, и я собираюсь отправиться. И ничего въ жизни я такъ не любилъ, какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами, съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и послышался запахъ нашего деревенскаго березняка: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь. Вдругъ среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышалъ крикъ: „Волкъ бѣжитъ!“ Я вскрикнулъ и, внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пашущаго мужика. Это былъ нашъ мужикъ Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его всѣ звали Мареемъ, — мужикъ лѣтъ пятидесяти, плотный, довольно рослый, съ сильною просѣдью въ темнорусой окладистой бородѣ. Я зналъ его, но до того никогда почти не случалось мнѣ заговорить съ нимъ. Онъ даже остановилъ кобыленку, заслышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другой за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ. — Волкъ бѣжитъ! — прокричалъ я, задыхаясь.

Онъ вскинулъ голову и невольно оглядѣлся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ. — Гдѣ волкъ? — Закричалъ... Кто-то закричалъ сейчасъ: „Волкъ бѣжитъ...“ пролепеталъ я. Что ты, что ты, какой волкъ?... Померещилось, вишь! Какому тутъ волку быть! — бормоталъ онъ, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крѣпче уцѣпился за его зипунъ и, должно быть, былъ очень блѣденъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ безпокойною улыбкою, видимо, боясь и тревожась за меня. — Ишь, вѣдь испужался, ай-ай! — качалъ онъ головой. — Полно, родной, ишь, малецъ, ай! Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ. — Ну, полно же, ну, Христосъ съ тобою, окстись[1]). Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой толстый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный въ землѣ палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивающихъ моихъ губъ. — Ишь, вѣдь, ай, — улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою и длинною улыбкой. — Господи, да что это, вишь вѣдь, ай, ай!

II.

Я понялъ наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ „волкъ бѣжитъ“ померещился. Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ ужъ разъ или два и прежде мерещились.

— Ну, я пойду, — сказалъ я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я-те во слѣдъ посмотрю.

---

[1]) Окстись — перекрестись.

Ужъ я тебя волку не дамъ! прибавилъ онъ, все такъ же матерински мнѣ улыбаясь.

— Ну, Христосъ съ тобой; ну, ступай!

И онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился.

Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ. Марей, пока я шелъ, все стоялъ съ своей кобыленкой и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, каждый разъ кивая мнѣ головой, когда я оглядывался.

Мнѣ, признаться, было немножко передъ нимъ стыдно, что я такъ испугался, но шелъ я, все еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогоръ оврага, до первой риги; тутъ испугъ соскочилъ совсѣмъ и вдругъ, откуда ни возьмись, бросилась ко мнѣ наша дворовая собака, Волчокъ. Съ Волчкомъ-то я ужъ вполнѣ ободрился и обернулся въ послѣднiй разъ къ Марею; лица его я ужъ не могъ разглядѣть ясно, но чувствовалъ, что онъ все точно такъ же мнѣ ласково улыбается и киваетъ головой. Я махнулъ ему рукой, онъ махнулъ мнѣ тоже и тронулъ кобыленку. — Ну, ну! — послышался опять отдаленный окрикъ его, и кобыленка потянула опять свою соху.

Я тогда, придя домой отъ Марея, никому не разсказалъ о моемъ „приключенiи“. Да и какое это было приключенiе? Да и о Мареѣ я тогда очень скоро забылъ. Встрѣчаясь съ нимъ потомъ изрѣдка, я никогда даже съ нимъ не заговаривалъ, не только про волка, да ни о чемъ, и вдругъ теперь, двадцать лѣтъ спустя, припомнилъ всю эту встрѣчу съ такою ясностью, до самой послѣдней черты. Значитъ, залегла же она въ душѣ моей непримѣтно, сама собой и безъ воли моей, и вдругъ припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нѣжная, материнская улыбка бѣднаго крѣпостного мужика, его кресты, его покачиванiе головой: „Ишь, вѣдь испужался, малецъ!“ И особенно этотъ толстый его, запачканный въ землѣ палецъ, которымъ онъ тихо и съ робкою нѣжностью прикоснулся къ вздрагивавшимъ губамъ моимъ. Конечно, всякiй бы ободрилъ ребенка, но тутъ, въ этой уединенной встрѣчѣ, случилось какъ бы что-то совсѣмъ другое, и, еслибъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ бы посмотрѣть на меня сiяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ. А кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все же его барчонокъ; никто бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня, и не наградилъ за то. Любилъ онъ, что ли, такъ ужъ очень маленькихъ дѣтей? Такiе бываютъ. Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ, и только Богъ, можетъ быть, видѣлъ сверху, какимъ глубокимъ и просвѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ и какою тонкою, почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, звѣрски невѣжественнаго крѣпостного русскаго мужика, еще и неждавшаго-негадавшаго тогда о своей свободѣ.

119. Мальчикъ у Христа на елкѣ.

I.

Это случилось наканунѣ Рождества, въ какомъ-то огромномъ городѣ и въ ужасный морозъ. Мальчикъ, еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе, проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ[1], гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужого города и вдругъ захворала. Хозяйку угловъ захватили еще два дня тому въ полицію; жильцы разбрелись, дѣло праздничное, а оставшійся одинъ халатникъ уже цѣлые сутки лежалъ мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная какъ стѣна „Очень ужъ здѣсь холодно,“ подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобы отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было и онъ вдругъ очутился на улицу. Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, по ночамъ такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ тутъ смеркнется — никого, всѣ затворяются по домамъ и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было зато такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь — Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и, Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ! Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобы не замѣтить мальчика.

---

[1]) Нары — досчатые подмостки для спанья.

II.

Вотъ и опять улица, — охъ, какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка: это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки; а по комнатъ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ, и пьютъ что-то Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе — миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатыя барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входятъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барышня подошла поскорѣе, сунула ему въ руку копеечку; а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копеечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй — поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что жъ это опять такое? Стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы маленькія, разодѣтыя, въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ — совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головами, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ овгорятъ — только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки — вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть. И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно — смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой, злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на земь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать — бѣжать, и вдругъ забѣжалъ, самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да темно.“

III.

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало ему такъ хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть! „Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ, — подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: — совсѣмъ какъ живыя!"... И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю, ахъ, какъ тутъ спать хорошо!" — Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ, — прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она: кто же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ; а онъ протянулъ ему руку и... и вдругъ, — о, какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ всѣ куколки, — но, нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно. — Мама! Мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! — кричитъ ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми и хочется ему разсказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ. „Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки?" спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ. — Это „Христова елка," — отвѣчаютъ они ему. — „У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки..." И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были все такія же, какъ онъ, дѣти, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди нихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо... А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика: разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его: оба свидѣлись у Господа Бога въ небѣ.

120. Алей.

(Изъ романа „Записки изъ мертваго дома".)

I.

Дагестанскихъ татаръ было трое и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со

мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать — прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ у него было пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію[1]). Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же не сочли и за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ одного богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Вся милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея, былъ уменьшенный срокъ наказанія, онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его, и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались, на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серіозномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутливомъ, почти дѣтскомъ, по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ, во все время своей каторги, могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себя такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это, впрочемъ была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впослѣдствіи. Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій[2]) грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно, и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-помалу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился

---

[1]) Экспедиція — [1]) путешествіе, предпринятое съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью; [2]) походъ.
[2]) Циническій — грубый, безстыдный.

прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще, скажу заранѣе: я считаю Алея далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что онѣ могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ мы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?...

II.

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ. Алей, всегда работящій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руку за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня: — Что, тебѣ очень тяжело? Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый и прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ вспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту самую минуту. Я высказалъ ему свою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную. Кромѣ того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать первая красавица въ мірѣ. — Что, Алей, ты, вѣрно, сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ, въ Дагестанѣ, празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно, тамъ хорошо?

— Да, — отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли. — А почему ты знаешь, что я думаю объ этомъ?

— Еще бы не знать! Что, тамъ лучше чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!...

— О-охъ, и не говори лучше. — Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра? — Была, а что тебѣ?

— Должно быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! Она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была. — А любила тебя мать? — Ахъ! Что ты говоришь! Она, вѣрно, умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала. Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ уже

больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ, никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я разспрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе. Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ чѣмъ могъ въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ, у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, тачать сапоги и, впослѣдствіи, выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

III.

— Послушай, Алей, — сказалъ я ему однажды, — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь, въ Сибири, впослѣдствіи?

— Очень хочу. Да у кого выучиться? — Мало-ли здѣсь грамотныхъ. Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! — И онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня. Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта, книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ. Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ? Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицѣ. — Ахъ, да! — отвѣчалъ онъ, — да, Иса, святой пророкъ. Иса Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо! — Чтожъ тебѣ больше всего нравится? — А гдѣ онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говоритъ! Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серіозно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, то есть, чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса; что онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на

нее и она полетѣла . . .. и что это у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, а Алей былъ вполнѣ счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть, такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. „Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ, — говорилъ онъ, — что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду . . .“ Гдѣ-то, гдѣ-то мой добрый, милый, милый Алей! . . .

121. Разсказъ Вари.

(Изъ романа „Бѣдные люди“.)

I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П—го, Т—ой губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо. . . Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я и тому рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ — и нужды нѣтъ, что солнце печетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье: дома послѣ бранятъ, а мнѣ и ничего. И мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива, еслибъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А, между тѣмъ, я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣмъ, что такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ.

Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала, говорили, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П—й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело; а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, — дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новыхъ, незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Кое-какъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты — меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать по утру послѣ первой ночи на нашемъ новосельѣ. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно. А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ у насъ почти не было. Съ Анной Ѳедоровной батюшка былъ въ ссорѣ. (Онъ былъ ей что-то долженъ.) Ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждаго посѣщенія батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь, и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда-нибудь въ уголокъ за книжку — смирно, тихо, пошевелиться бывало, не смѣю.

II.

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было; гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя, — все это меня сначало истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки... ахъ, какъ сгрустнется!

Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ бы хорошо теперь было дома! Сидѣла бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо! Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Къ завтрому урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. Зато какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ-будто послѣ десяти-лѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, разсказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серіозные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда, — и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе; характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долговъ было пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слово сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона — все такія грустныя лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до сихъ поръ не говорю по-французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужъ Богъ знаетъ до чего доходило; часто я даже не понимала, о чемъ идетъ дѣло. Что не причиталось! И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ поръ не можетъ найти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому; что, я, видно, безчувственная, каменная.

— однимъ словомъ, я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужъ это такъ, характеръ былъ такой.

III.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынуло гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ также проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ. Вотъ тутъ-то насъ и посѣтила Анна Ѳедоровна. Она все говоритъ, что она какая-то помѣщица и намъ доводится какою-то роднею. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на глазахъ, говорила, что принимаетъ въ насъ большое участіе, соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашемъ бѣдственномъ положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался и что ужъ слишкомъ на свои силы надѣялся. Обнаружила желаніе сойтись съ нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшкѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой. Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадежность, безпомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, но долго не рѣшалась: но такъ какъ дѣлать было нечего, иначе распорядиться никакъ нельзя, то и объявила, наконецъ, Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностью. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала: мнѣ было ужасно грустно; грудь у меня разрывалась, душу томило отъ какой-то неизъяснимой, страшной тоски... Тяжкое было время...

IV.

Сначала покамѣстъ еще мы, то есть я и матушка, не обжились на нашемъ новосельи, намъ обѣимъ было какъ-то жутко, дико у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было 5 чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя, Саша, которая у ней воспитывалась, ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ, Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила очень хорошо, богаче, чѣмъ бы можно было предполагать; но состояніе ея было загадочно, такъ же какъ и ея занятія. Она всегда суетилась, всегда была озабочена, выѣзжала и выходила по нѣскольку разъ въ день; но что она дѣлала, о чемъ заботилась, и для чего заботилась, этого я никакъ не могла угадать. Знакомство у ней было большое и разнообразное. Къ ней все, бывало, гости ѣздили, и все Богъ знаетъ какіе люди, всегда по какимъ-то дѣламъ и на минутку. Матушка всегда уводила меня въ нашу комнату, бывало, только что зазвенитъ колокольчикъ. Анна Ѳедоровна ужасно сердилась за это на матушку и безпрерывно твердила, что ужъ мы слишкомъ горды, что не по силамъ горды, что было бы еще чѣмъ гордиться, и по цѣлымъ часамъ не умолкала. Я не понимала тогда этихъ упрековъ въ гордости; точно такъ же я только теперь узнала, или, по крайней мѣрѣ, предугадываю, почему матушка не рѣшалась жить у Анны Ѳедоровны. Злая женщина была Анна Ѳедоровна; она безпрерывно насъ мучила. До сихъ поръ для меня тайна, зачѣмъ именно она приглашала насъ къ себѣ? Сначала она была съ нами довольно ласкова, — а потомъ ужъ и выказала свой настоящій характеръ вполнѣ, какъ увидала, что мы совершенно безпомощны и что намъ итти некуда. Впослѣдствіи со мной она сдѣлалась весьма ласкова, даже какъ-то грубо-ласкова, до лести, но сначала и я терпѣла заодно съ матушкой. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родственницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать, мы гнушаемся, не взыщите, чѣмъ богата, тѣмъ и рада; было ли бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да худо и вышло; дескать, жену съ дочерью пустилъ по міру, и что не нашлось бы родственницы благодѣтельной, христіанской души, сострадательной, такъ еще Богъ знаетъ, пришлось бы, можетъ быть, среди улицы съ голоду сгнить. Чего, чего она ни говорила! Не такъ горько, какъ отвратительно было ее слушать. Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день ото дня хуже, она, видимо, чахла, а, между тѣмъ, мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали

заказную работу, шили, что очень не нравилось Аннѣ Өедоровнѣ; она поминутно говорила, что у нея не модный магазинъ въ домѣ. Но нужно было одѣваться; нужно было на непредвидимые расходы откладывать; нужно было непремѣнно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда-нибудь. Но матушка послѣднее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо, подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, выстрадала, все это было на глазахъ моихъ!

122. Левъ Николаевичъ Толстой.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа 1828 года въ имѣніи своей матери, Ясная Поляна, Тульской губерніи, Крапивинскаго уѣзда. Мать его умерла, когда ему было 2 года; онъ росъ сначала въ деревнѣ, но въ 1837 году семья Толстыхъ переѣхала въ Москву. Въ томъ же году умеръ отецъ Толстого, и воспитаніе его перешло въ руки сначала одной опекунши, тетки, а по смерти ея — другой, которая въ 1841 году перевезла дѣтей въ Казань. Онъ получилъ домашнее образованіе подъ руководствомъ учителей и гувернеровъ, прекрасно зналъ иностранные языки, и 15 лѣтъ выдержалъ экзаменъ въ университетъ, гдѣ пробылъ три года. Выйдя изъ университета, онъ уѣхалъ въ доставшуюся ему по наслѣдству Ясную Поляну, гдѣ прожилъ до 1851 года, когда по совѣту старшаго брата поѣхалъ на Кавказъ. Тамъ онъ поступилъ на службу въ кавказскую артиллерію, и съ этого времени начинаютъ появляться въ печати его произведенія. Первой была повѣсть „Дѣтство и отрочество“, имѣвшая громадный успѣхъ; затѣмъ „Казаки“ (изъ кавказской жизни) и другіе разсказы. Въ 1853 году Толстой былъ переведенъ въ другую часть войска, а затѣмъ участвовалъ въ оборонѣ Севастополя. Въ это время написаны его „Севастопольскіе разсказы“, первые въ русской литературѣ разсказы изъ военной жизни. Въ 1855 году Толстой вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, проводя зиму въ столицахъ. Такъ онъ живетъ и теперь, причемъ за границей былъ Левъ Толстой всего одинъ разъ. Въ концѣ 60-тыхъ годовъ имъ написана „Война и миръ“, въ семидесятыхъ „Анна Каренина“. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ разсказовъ, доступныхъ и на-

родному пониманію, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны „Чѣмъ люди живы", и недавно появившійся „Хозяинъ и работникъ", знаменитый разсказъ „Смерть Ивана Ильича", драма „Власть тьмы," комедія „Плоды просвѣщенія," романы „Крейцерова соната" и „Воскресеніе". Многообразно содержаніе сочиненій Льва Толстого; онъ беретъ его и изъ высшаго общества, и изъ крестьянской среды, изъ жизни мирной и военной, причемъ изображаетъ военныхъ на всѣхъ ступеняхъ — отъ простого солдата до полководцевъ и героевъ, но вездѣ сочувствіе автора привлекаетъ къ себѣ только тотъ слой общества или отдѣльный человѣкъ, который блещетъ не внѣшней показной, а внутренней красотой, особенно же стремленіемъ къ добру и правдѣ. Оттого-то Левъ Толстой любитъ противопоставлять высшему обществу простой народъ — солдатъ и мужиковъ. Велико обаяніе выводимыхъ имъ образовъ, и читатель научается вмѣстѣ съ авторомъ различать истинное добро отъ зла. Въ этомъ главное значеніе произведеній Льва Толстого, „великаго писателя русской земли," по выраженію Тургенева.

123. Изъ „Исторіи моего дѣтства".

1. Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратная пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно; давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Мать говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ, она вся сдѣлалась маленькая, маленькая — лицо ея не больше пуговки; но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— „Ты опять заснешь, Николенька," говоритъ мнѣ мамаша: — „ты бы лучше шелъ наверхъ."

— „Я не хочу спать, мамаша," отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ — чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя: по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись, одна свѣча горитъ въ гостиной; мать сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной, нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ: „Вставай, моя душечка: пора итти спать.“ Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее; она не боится излить на меня свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— „Вставай же, мой ангелъ.“

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно, нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— „Такъ ты меня очень любишь?“

Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: „Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николенька?“

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: „Спаси, Господи, папеньку и маменьку.“ Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастіе.

Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ — и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: „Дай Богъ ему счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать.“ Потомъ возьмешь любимую фарфоровую игрушку, зайчика или собачку, уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были здоровы и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

2. Утро.

12-го августа 18 . . . г., ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Иванычъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопушкой — изъ сахарной бумаги на палкѣ — по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ, и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Иваныча. Онъ же, въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязанной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать. „Положимъ", думалъ я, „я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня, а я меньше всѣхъ, оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь", — прошепталъ я, — „какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ. . . противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка — какіе противные!"

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Иваныча, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ ней въ шитомъ бисерномъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа повернулся къ намъ.

Auf, Kinder, auf! . . . 's ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal! (Вставайте, дѣти, вставайте! . . . пора. Мамаша уже въ залѣ) крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, — потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Иванычъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки. — **Nun, nun, Faulenzer!** (Ну, ну же, лѣнтяй!), говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя, и на Карла Иваныча, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать; нервы были разстроены.

— **Ach, lassen Sie** (Ахъ оставьте), Карлъ Иванычъ! закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Иванычъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурного во снѣ?... Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно, и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Иваныча и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ — будто мамаша умерла, и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Иванычъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокоивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Иванычъ оставилъ меня, и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай, — маленькій человѣчекъ, всегда серіозный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Иваныча. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было бы совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серіозный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владимиръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совсѣмъ развеселился.

— Sind Sie bald fertig? (Скоро ли вы будете готовы?) послышался изъ классной голосъ Карла Иваныча.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Иванычъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся, и еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

3. Классная комната.

Карлъ Иванычъ, съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна — наша, дѣтская, другая — Карла Иваныча, собственная. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и не учебныя: однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома: Histoire des Voyages (Исторія путешествій)

въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну; а потомъ и пошли длинныя, толстыя, большія и маленькія книги, — корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей[1]), привести въ порядокъ библіотеку, какъ громко называлъ Карлъ Иванычъ эту полочку. Коллекція[2]) книгъ на собственной, если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру „Объ унавоживаніи огородовъ подъ капусту“ — безъ переплета, одинъ томъ „Исторіи семилѣтней войны“ — въ пергаментѣ[3]), прожженномъ съ одного угла, и „Полный курсъ гидростатики“. Карлъ Иванычъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но кромѣ этихъ книгъ и „Сѣверной Пчелы“ онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Иваныча, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. Это — кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая каррикатуру[4]) какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Иванычъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, почти всѣ изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Иваныча. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая — новенькая, собственная, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой — черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками — маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣна и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Иванычъ: ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, — а каково мнѣ? и начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю — право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Иваныча, — а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными

---

[1]) Рекреація — отдыхъ, свободное отъ занятій время, перемѣна между уроками. [2]) Коллекція — собраніе однородныхъ предметовъ, напр картинъ, насѣкомыхъ и пр. [3]) Пергаментъ — баранья и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ кожа, выдѣлавная для письма. [4]) Каррикатура — изображеніе кого-либо въ смѣшномъ видѣ.

ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ, табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко видна избушка сторожа.

4. Юродивый Гриша.

I.

Незадолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша. Онъ съ самаго того времени, какъ вошелъ въ нашъ домъ, не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую-нибудь бѣду нашему дому. Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ дальше. Я подмигнулъ брату Володѣ и вышелъ за дверь. — Что? Если хотите посмотрѣть Гришины вериги, то пойдемте сейчасъ на мужской верхъ.

— Гриша спитъ во второй комнатѣ — въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, мы все увидимъ. — Отлично! подожди здѣсь: я позову дѣвочекъ. — Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились на верхъ. Не безъ спору рѣшивъ, кому первому войти въ темный чуланъ, мы усѣлись и стали ждать.

Намъ всѣмъ было жутко въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти вслѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ держалъ онъ свой посохъ, въ другой — сальную свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Мы не переводили дыханія.

— Господи Іисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу . . . вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ съ различными интонаціями[1]) и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова. Съ молитвой поставивъ свой посохъ въ углу и осмотрѣвъ постель, онъ сталъ раздѣваться. Распоясавъ свой старенькій черный кушакъ, онъ медленно снялъ изорванный нанковый зипунъ, тщательно сложилъ его и повѣсилъ на спинку стула. Лицо его теперь не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія; напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманы. Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ тихо опустился на кровать, окрестилъ ее со всѣхъ сторонъ, и, какъ видно было, съ усиліемъ — потому что онъ поморщился — поправилъ подъ рубашкой вериги. Посидѣвъ немного и заботливо осмотрѣвъ прорванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлье, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, въ которомъ стояло нѣсколько образовъ, перекрестился на нихъ

[1]) Интонація — выраженіе, съ которымъ произносится какая-либо фраза.

и повернулъ свѣчу огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла. Въ окна, обращенныя въ лѣсъ, ударяла почти полная луна. Длинная бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена блѣдными лучами мѣсяца, — черною тѣнью вмѣстѣ съ тѣнями отъ рамъ падала на полъ и стѣны и доставала до потолка. На дворѣ караульщикъ стучалъ въ мѣдную доску.

II.

Сложивъ свои огромныя руки на грудь, опустивъ голову и безпрестанно тяжело вздыхая, Гриша молча стоялъ передъ иконами, потомъ съ трудомъ опустился на колѣни и сталъ молиться. Сначала онъ говорилъ извѣстныя молитвы, ударяя только на нѣкоторыя слова, потомъ повторялъ ихъ, по громче и съ большимъ одушевленіемъ. Онъ началъ говорить свои слова съ замѣтнымъ усиліемъ, стараясь выражаться по-славянски. Слова его были нескладны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ, молился о себѣ, просилъ, чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи, твердилъ: „Боже, прости врагамъ моимъ!“ кряхтя, поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять поднимался, не смотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ, ударяясь о землю.

Володя щипнулъ меня очень больно за ногу; но я даже не оглянулся: потеръ рукой то мѣсто и продолжалъ, съ чувствомъ дѣтскаго удивленія, жалости и благоговѣнія, слѣдить за всѣми движеніями и словами Гриши. Вмѣсто веселья и смѣха, на которые я располагалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

Долго еще Гриша находился въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: „Господи, помилуй!“, но каждый разъ съ новой силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: „прости мя, Господи, научи мя, что творить . . . научи мя, что творити, Господи!“ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія . . . Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

Я потихоньку высунулъ голову изъ-за двери и не переводилъ дыханія. Гриша не шевелился; изъ груди его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его кривого глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

— Да будетъ воля Твоя! вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ; упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе; но впечатлѣніе, которое онъ

произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога; твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ — ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ. И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!...

124. Разсказъ аэронавта[1]).

I.

Собралось много народу смотрѣть, какъ я полечу. Шаръ былъ готовъ. Онъ привязанъ былъ на четырехъ канатахъ, рвался вверхъ, и то морщился, то надувался. Я простился со своими, сѣлъ въ лодку, осмотрѣлъ, все ли въ порядкѣ, и закричалъ: „пускай!“ Канаты подрѣзали, и шаръ поднялся кверху сначала тихо, какъ конь сорвался съ привязи и оглядывался, и вдругъ дернулъ кверху и полетѣлъ такъ, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали въ ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнулъ имъ шляпой, и не успѣлъ опять надѣть ее, какъ ужъ былъ такъ высоко, что съ трудомъ могъ разобрать людей внизу. Первую минуту мнѣ стало жутко и морозъ пробѣжалъ по жиламъ; но потомъ вдругъ стало такъ весело на душѣ, что я забылъ бояться. Мнѣ ужъ чуть слышенъ былъ шумъ въ городѣ. Какъ пчелы шумѣлъ народъ внизу. Улицы, дома, рѣка, сады въ городѣ виднѣлись мнѣ внизу, какъ на картинкѣ. Мнѣ казалось, что я царь надъ всѣмъ городомъ и народомъ, — такъ мнѣ весело было наверху. Я шибко поднимался кверху, — только подрагивали веревки въ лодкѣ, да разъ налетѣлъ вѣтеръ, перевернулъ меня два раза на мѣстѣ; но потомъ опять не слыхать было, лечу ли я, или стою на мѣстѣ. Только потому и замѣчалъ, что лечу кверху, что все меньше и меньше становилось подо мной картинка города, и мнѣ дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдругъ я замѣтилъ, что земля подо мной стала какъ чашка. Края были выпуклые, — на днѣ чашки былъ городъ. Мнѣ веселѣе и веселѣе становилось. Весело и легко было дышать и хотѣлось пѣть. Я запѣлъ; но голосъ мой былъ такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

II.

Солнце еще стояло высоко, но на закатѣ тянулась туча, — и вдругъ она закрыла солнце. Мнѣ опять стало жутко, и я, чтобъ заняться чѣмъ-нибудь, досталъ барометръ[2]) и посмотрѣлъ на него, и по немъ узналъ, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клалъ на мѣсто бaромертъ, что-то затрепыхалось около меня, и я увидѣлъ голубка. Я вспомнилъ, что взялъ съ собою голубка затѣмъ, чтобы спустить его съ записочкой внизъ. Написалъ я на бумажкѣ, что

[1]) Аэронавтъ — воздухоплаватель. [2]) Барометръ — градусникъ, по которому впередъ узнаютъ хорошую и дурную погоду, узнаютъ также и высоту, на какую поднялся кверху человѣкъ.

живъ и здоровъ, на 4-хъ верстахъ высоты, и привязалъ бумажку къ шеѣ голубя. Голубь сидѣлъ на краю лодки и смотрѣлъ на меня своими красноватыми глазами. Мнѣ казалось, что онъ просилъ меня, чтобы я не сталкивалъ его. Съ тѣхъ поръ, какъ стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего дѣлать, надо было послать внизъ голубя. Онъ дрожалъ всѣми перышками, когда я взялъ его въ руку. Я отвелъ руку и бросилъ его. Онъ, часто махая крыльями, полетѣлъ бокомъ, какъ камень, книзу. Я посмотрѣлъ на барометръ. Теперь я уже былъ на пять верстъ надъ землею и чувствовалъ, что мнѣ воздуха мало, и я часто сталъ дышать. Я потянулъ за веревку, чтобы выпустить газъ и спускаться, но ослабѣлъ ли я, или сломалось что-нибудь — клапанъ не открывался. Я обмеръ. Мнѣ не слыхать было, чтобы я поднимался, — ничто не шевелилось; но дышать мнѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. „Если я не остановлю шаръ," подумалъ я, „то онъ лопнетъ, и я пропалъ." Чтобы узнать, поднимаюсь ли я или стою на мѣстѣ, — я выбросилъ горсть мелкихъ бумажекъ изъ лодки. Бумажки точно камни летѣли книзу. Значитъ, я, какъ стрѣла, летѣлъ кверху. Тогда я изо всѣхъ силъ ухватился за веревку и потянулъ. Слава Богу — клапанъ открылся и засвистало что-то. Я выбросилъ еще бумажку — она полетѣла около меня и поднялась. Значитъ, я опускался. Внизу все еще ничего не было видно. Только туманъ разстилался подо мной, какъ море. Я спустился въ туманъ: это были тучи. Потомъ подулъ вѣтеръ, понесъ меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидалъ подъ собой землю. Но не было нашего города, а какіе-то лѣса и двѣ синія полосы — рѣки. Опять мнѣ стало радостно на душѣ и не хотѣлось спускаться; но вдругъ что-то зашумѣло подлѣ меня, и я увидѣлъ орла.

Онъ удивленными глазами поглядѣлъ на меня и остановился на крыльяхъ. Я, какъ камень, летѣлъ внизъ. Тутъ сталъ я бросать мѣшки съ пескомъ, чтобы задержаться.

Скоро мнѣ стали видны поля, лѣсъ и близъ лѣса деревня, и къ деревнѣ идетъ стадо. Я слышалъ голоса народа и голоса коровъ и овецъ. Шаръ мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричалъ и бросилъ внизъ веревки. Сбѣжался народъ. Я видѣлъ, какъ мальчикъ первый поймалъ веревку. Другіе подхватили, прикрутили шаръ къ дереву, и я вышелъ. Леталъ я только три часа. Деревня эта была за двѣсти пятьдесятъ верстъ отъ моего города.

125. Кавказскій плѣнникъ.

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ. Пришло ему разъ письмо изъ дому. Пишетъ ему старуха мать: „Стара я ужъ стала, и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ съ Богомъ поѣзжай опять на службу." Жилинъ и задумался: „И въ самомъ дѣлѣ, плоха ужъ старуха стала: можетъ, и не

придется увидать.“ Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать. На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости, татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идутъ солдаты, а въ серединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, а телѣга его съ вещами шла въ обозѣ. Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо: то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ, или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ, дожидаются. Солнце уже за полдень перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ: голая степь; ни деревца ни кустика по дорогѣ. Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока подойдетъ обозъ. Жилинъ и подумалъ: „А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая; если и попадусь на татаръ, ускачу.“ Подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ: „Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ; ѣсть хочется, да и жара.“ А Костылинъ — мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ: „А ружье заряжено?“ — Заряжено. — Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ — не разъѣзжаться. И поѣхали они впередъ по дорогѣ.

II.

Ѣдутъ степью, разговариваютъ да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно. Только кончилась степь, пошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье. Жилинъ и говоритъ: „Надо выѣхать на дорогу, поглядѣть, а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ-за горы, и не увидишь.“ И пустилъ лошадь налѣво, на гору. Только выскакалъ, глядь, — а передъ нимъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами, человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поварачиватъ. И татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватаютъ ружья изъ чехловъ. Приступилъ Жилинъ подъ кручу во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину: „Вынимай ружье!“ А самъ думаетъ на лошадь на свою: „Матушка, вынеси; не зацѣпись ногой: спотыкнешься — пропалъ. Доберусь до ружья, я и самъ не дамся.“ А Костылинъ, вмѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ, пустился, что есть духу, къ крѣпости, плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другого. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ — дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одной шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ къ солдатамъ: думалъ уйти. Видитъ

— ему наперерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе да и наперерѣзъ скачутъ. Хотѣлъ онъ назадъ поворотить, да ужъ разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ — близится къ нему съ красной бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. А Жилинъ хоть невеликъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: „Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой.“ На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ, выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху и навалилась Жилину на ногу. Хотѣлъ онъ подняться, а ужъ на немъ два татарина сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ, да еще соскочили съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Сѣлъ татаринъ съ красной бородой на лошадь, а другіе посадили Жилина къ нему на сѣдло, — а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

III.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной. Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ, да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя. Стало смеркаться. Пріѣхали въ аулъ. Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали каменьями бросать въ него. Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Принесъ работникъ колодку: два чурбана дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ замокъ. Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ, полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ. Почти всю эту ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ — въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога: подъ гору идетъ; направо сакля татарская, два дерева подлѣ нея. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходитъ, хвостиками подергиваютъ. Видитъ — изъ-подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, голова кафтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Прошла татарка въ саклю съ водой. Вышелъ татаринъ вчерашній съ красной бородой, въ бешметѣ[1]) шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается, бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то. Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. Выбѣжали мальчишки бритые, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, убѣжали прочь.

[1]) Бешметъ — татарское полукафтанье.

А Жилину пить хочется: въ горлѣ пересохло. Слышитъ — отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Жилинъ губами и руками показалъ, чтобъ пить ему дали. Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, крикнулъ кого-то: „Дина!“ Прибѣжала дѣвочка, тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на черного похожа. Глаза черные, свѣтлые, и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На ногахъ башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто[1]), все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный. Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ, какъ на звѣря какого. Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Ушли татары, заперли опять дверь.

IV.

Погодя немного, приходитъ къ Жилину работникъ и говоритъ: „Ай-да, хозяинъ, ай-да!...“ Понялъ Жилинъ, что велитъ итти куда-то. Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобъ къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по-своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Къ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шапки — все въ серебрѣ. Полъ земляной, чистый какъ токъ[2]), и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные и масло коровье распущено въ чашкѣ и пиво татарское въ кувшинчикѣ.

Поговорили татары по-своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по-русски: „Тебя взялъ Кази-Мугаметъ (показываетъ на краснаго татарина) и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату (показываетъ на черноватаго). Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ.“ Заговорилъ Абдулъ-Муратъ и все показываетъ на Жилина, и смѣется, и приговариваетъ: „Солдатъ урусъ, хорошо, урусъ.“ Переводчикъ говоритъ: „Онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя пуститъ.“ Жилинъ подумалъ и говоритъ: „А много ли онъ хочетъ выкупа?“ — Три тысячи монетъ[3]). — „Нѣтъ,“ говоритъ Жилинъ, „я этого за-

[1]) Монисто — монеты на ниткѣ, надѣваемыя въ видѣ украшенія. [2]) Расчищенное и утоптанное мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ. [3]) Монетъ — рублей.

платить не могу.“ — Сколько же ты дашь? — Жилинъ подумалъ и говоритъ: „500 рублей.“ Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго. А красный только жмурится да языкомъ пощелкиваетъ. Замолчали они, переводчикъ говоритъ: — Хозяину выкупу мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не заплатишь, въ яму посадятъ. „Эхъ,“ думаетъ Жилинъ, „съ ними что робѣть, то хуже.“ Вскочилъ на ноги и говоритъ: „А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копейки жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!“

V.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ, и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то, толстый, босикомъ и ободранный; на ногѣ тоже колодка. Такъ и ахнулъ Жилинъ: узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было. Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ. Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ. „Вотъ,“ говоритъ Жилину, „ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный: онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо и обижать не будутъ.“ Жилинъ и говоритъ: „Товарищъ какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ. Я, говоритъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите — убивайте, пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу.“ Помолчали. Вдругъ какъ вскочилъ Абдулъ, досталъ сундучокъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ: „Пиши.“ Согласился на 500 рублей.

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ туда соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески[1]) старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно — съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай. Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Кормили плохо, только и давали, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепёшками печеный, а то тѣсто непеченое. Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ[2]), а другого не писалъ. „Гдѣ,“ думаетъ, „матери столько денегъ за меня заплатить. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться въ конецъ. Богъ дастъ — и самъ выберусь.“ А самъ по аулу насвистываетъ,

[1]) Черкеска — родъ кафтана у горцевъ. [2]) Онъ написалъ неправильный адресъ.

а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ: или изъ глины куколъ лѣпитъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

VI.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу. Пошли татары за водой. Хозяйская дочь, Динка, увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ и смѣются. Жилинъ снялъ куклу и подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что будетъ. Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала. На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутками красными убрала и качаетъ, какъ ребенка, сама по-своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу. Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, еще лучше, отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ. „Чего она радуется?“ думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ вода, а тамъ молоко. „Хорошо,“ говоритъ. Какъ возрадуется Дина! И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день крадучи[1]) молока носить.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый, какъ изъ ведра, лилъ. Вотъ, какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ. Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы; языкомъ щелкаютъ: „Ай, урусъ! ай, Иванъ!“ Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ: „Давай, починю.“ Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ; опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы. Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Заболѣлъ разъ татаринъ, пришли къ Жилину: „Поди, полѣчи.“ Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: „Авось, поздоровѣетъ самъ.“ Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастіе татаринъ.

VII.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, — такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, чтобы въ пору пролѣзть. „Только бы,“ думаетъ, „мнѣ мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону итти.“ Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ, и пошелъ послѣ обѣда за аулъ на гору: хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ

[1]) Тайкомъ.

малый за Жилинымъ, кричитъ: „Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!“ Сталъ его Жилинъ уговаривать: „Я далеко не уйду, только на ту гору подымусь; мнѣ траву нужно найти — вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. Я тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.“ Уговорилъ малаго, пошли. Сталъ смотрѣть въ русскую сторону. За ауломъ пониже гора, за нею еще двѣ горы, по нимъ лѣса; а промежъ двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости, дома жилъ, гдѣ солнце всходило и заходило. Видитъ — тамъ точно, въ этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Вернулись они домой. „Ну,“ думаетъ Жилинъ, „нынче бѣжать надо,“ и говоритъ Костылину. Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть, и сидятъ они, ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ. Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была, пестрая собака, звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ, залаялъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свистнулъ, кинулъ лепешки кусокъ, — Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и перестал лаять. Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно, низомъ вода по камушкамъ шумитъ. Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: „Ну, братъ, ай-да!“ Тронулись; только отошли, слышатъ, запѣлъ мулла[1]) на крышѣ. Значитъ, пойдетъ народъ въ мечеть[2]). Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дождались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло. Перекрестились, пошли.

VIII.

Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону итти. Въ туманѣ свѣжо, итти легко, только сапоги неловки: стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камушка на камушекъ да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать: „Тише,“ говоритъ, „иди: сапоги проклятые всѣ ноги стерли.“ — Да ты сними, легче будетъ. Пошелъ Костылинъ босикомъ, изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ: — Ноги обдерешь — заживутъ, а догонятъ — убьютъ, хуже. — Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ, покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ — вправо собаки залаяли. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору. — Эхъ, говоритъ, ошиблись мы, вправо забрали. Тутъ аулъ чужой, я его съ горы видѣлъ; назадъ надо да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть. А Костылинъ говоритъ: — „Подожди хоть немножко, дай вздохнуть: у меня ноги въ крови всѣ.“ — Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ!

1) Мулла — духовное лицо у мусульманъ. 2) Мечеть — мусульманская церковь.

И побѣжалъ Жилинъ назадъ и влѣво, въ гору, въ лѣсъ. Поднялись на гору, вошли въ лѣсъ, напали на дорожку въ лѣсу, идутъ. Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало, какъ лошадь, и остановилось. Тронулись они — опять затопало; они остановятся, и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ — стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, а на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Что-то за чудо! Свистнулъ Жилинъ потихоньку. Какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ, и затрещало по лѣсу, точно буря летитъ, сучья ломаетъ. Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ: „Это олень. Слышишь, какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ боится.“

IX.

Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны. Вдругъ слышать — впереди топаетъ лошадь. Легъ Жилинъ, сталъ по землѣ слушать. — Такъ и есть, сюда, къ намъ конный ѣдетъ! Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ — верховый татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычитъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину. — Ну, пронесъ Богъ, вставай, пойдемъ. Сталъ Костылинъ вставать и упалъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ: — Ой, больно! Жилинъ такъ и обмеръ. — Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко, услышитъ. Ну, говоритъ, вставай, садись, снесу, коли ужъ итти не можешь. Посадилъ на себя Костылина, вышелъ на дорогу, поволокъ.

Видно, услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ — ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ, — не попалъ, завизжалъ по-своему и поскакалъ прочь по дорогѣ. — „Ну,“ говоритъ Жилинъ, „пропали, братъ! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три, пропали.“ Костылинъ говоритъ: — Иди одинъ: за что тебѣ изъ-за меня пропадать? — Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать. Подхватилъ опять на плечи и понесъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Остановился, ссадилъ Костылина. Только прилегъ онъ, слышитъ — затопали сзади. Опять кинулись вправо въ кусты, подъ кручу, и легли. Слышатъ голоса татарскіе. Остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули, поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравливаютъ.

X.

Слышатъ — трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, залаяла. Лѣзутъ и татары — тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли. Проѣхали версты три, встрѣчаетъ ихъ

Абдулъ, хозяинъ, съ двумя татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ аулъ. Абдулъ уже не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними. Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята, камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ. Собрались татары въ кружокъ, стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что съ ними дѣлать. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить: „Если затѣешь опять бѣжать, я тебя, какъ собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!“ Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти, и спустили въ эту яму.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченное, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся: все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріунылъ: видитъ — дѣло плохо. Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить. Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ объ вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо на колѣни лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ вверху, а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: „Не поможетъ ли Дина?“ Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ, думаетъ: „Какъ придетъ Дина, брошу ей.“ Только на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ, собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

XI.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ — зашуршало что-то наверху. Видитъ — Дина присѣла на корточки, свѣсилась, мониcты висятъ, болтаются надъ ямой. Глазенки такъ и блестятъ, какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ: „Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На, вотъ.“ Сталъ ей швырять по одной. А она головой мотаетъ, не смотритъ. „Не надо,“ говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ: „Иванъ! тебя убить хотятъ.“ Сама себѣ рукой на шею показываетъ. — Кто убить хочетъ? — Отецъ: ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко. Жилинъ и говоритъ: — А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси. Она головой мотаетъ, что нельзя. Онъ сложилъ руки, молится ей: — Дина, пожалуйста! Динушка, принеси! — Нельзя, говоритъ, увидятъ, всѣ дома, и ушла. Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ, что будетъ. Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ.

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; взглянулъ кверху — шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ. Поглядѣлъ вверхъ, — звѣзды высоко на небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ: „Иванъ, Иванъ!“ — Что? говоритъ Жилинъ. — Уѣхали всѣ, только двое дома. Жилинъ и говоритъ: — Ну, Костылинъ, пойдемъ попытаемся послѣднiй разъ; я тебя подсажу. Костылинъ и слушать не хочетъ. — Нѣтъ, говоритъ, ужъ мнѣ, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ? — „Ну, такъ прощай, не поминай лихомъ.“ Поцѣловался съ Костылинымъ, ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать, полѣзъ. Раза два онъ обрывался: колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ, — выбрался кое-какъ наверхъ. Дина его тянетъ ручонками изо всѣхъ силъ, сама смѣется. Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ: — Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся, прибьютъ тебя.

XII.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ итти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ выйдетъ. Сталъ подходить къ лѣсу, — выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ: было свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. Дошелъ до лѣсу, — никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать. Нашелъ камень, принялся колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами, да Жилинъ издалека ихъ услышалъ, схоронился за дерево. Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. „Ну,“ думаетъ, „еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду.“ Прошелъ тридцать шаговъ, видитъ — лѣсъ кончается. Какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, и налѣво, близехонько подъ горой, огни горятъ, дымъ стелется, и люди у костровъ. Вглядѣлся, видитъ — ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: „Избави Богъ, — тутъ въ чистомъ полѣ увидитъ конный татаринъ; хоть близко, а не уйдешь.“ Только подумалъ, глядь — налѣво, на бугрѣ, стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его, пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ, что было духу, своимъ: „Братцы! выручай! братцы!“ Услыхали наши, выскочили казаки верховые. Пустились къ нему наперерѣзъ татарамъ. Казакамъ

далеко, а татарамъ близко. Да ужъ Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ: „Братцы! братцы! братцы!“ Казаковъ человѣкъ 15 было. Испугались татары: не доѣзжаючи, стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ. Окружили его казаки, спрашиваютъ, кто онъ, что за человѣкъ, откуда. А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ: „Братцы! братцы!“ Выбѣжали солдаты, обступили Жилина: кто ему хлѣба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ. Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину. Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ: „Вотъ и домой съѣздилъ. Нѣтъ, ужъ, видно, не судьба моя.“ И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ. Еле живого привезли.

Оглавленіе.

При составлепіи біографическихъ очерковъ руководствами служили труды Острогорскаго, Козьмина и Покровскаго, Павлова, Барышникова, Мартыновскаго и др.

Народныя сказки.

Изданія К. Г. Зихмана въ Ригѣ.

Андерсенъ, Э., Системат. грамматика французскаго языка:
I, этимологія, 40 к., II, синтаксисъ, 2-ое изд. 30
" Элементарный курсъ французскаго языка, часть I-ая 40 коп., часть II-ая..... 70
Андреевъ и **Степановъ,** Краткій курсъ географіи Россіи. Съ кратк. свѣд. изъ всеобщ. географіи, многими картинами и 2 картами. 4-ое изд. 20
Бирбаумъ, И., и **Б. Губертъ,** Краткая систем. грамм. французск. языка. Присп. для русск. учебныхъ заведеній В. П. Люцельшвабъ 50
Вертеръ и **Тихомировъ,** Нач. курсъ рисованія. Вып. I, 12-ое изд. 15 к., II, 6-ое изд. и III, 4-ое изд. .... по 20
Витоль, I., Родные звуки. Классное пособіе при обученіи пѣнію 3-ье изд. 20
" Пѣвецъ. Сборн. 100 трехгол. пѣсенъ. Съ приложен.: Элементарн. понятія о музыкѣ. 3-ье изд. 30
Воскресенскій, К., Краткая отечествен. исторія въ очерк. и біографіяхъ. Съ карт. 15-ое изд. 30
Галлеръ, К., Нѣмецкія и русскія коммерческія письма для самостоятельныхъ занятій, какъ и для употребленія въ училищахъ. 4-ое изд. Въ переплетѣ 100
Грачевъ, А., Золотая нива. Азбука 20
Григорьевъ, Л., Русское слово. Вып. I-ый. Букварь, 23-ое изд. 20
" и **Б. Оленинъ,** " " II-ой. Книга для чтенія, 18-ое изд. 30
" " " " " III-ій. Книга для чтенія, 15-ое изд. 40
" " " " " IV-ый. Сборн. статей образц. русск. писателей. Съ портретами. 3-ье изданіе 75
" Русско-нѣмец. словарь къ учебнику „Русское слово“. Къ вып. I 10 к., II 20 к., III 30
Дависъ, И., Руков. къ преподаванію русскаго языка въ инородческ. училищ. 3-ье испр. изд. 80
" Родной міръ. Книга для обученія русск. языку въ инородческихъ училищахъ.
Часть I-ая. Азбука. 12-ое изд. 20
Часть II-ая. Книга для чтенія. 10-ое изд. 30
Часть III-ья. Книга для чтенія. 8-ое изд. 40
" Русско-нѣм. словарь къ учебнику „Родной міръ“ къ вып. I 10 к., II 20 к., III . 30
" Русско-эстонск. словарь къ 1 вып. учебника „Родной міръ“ 10
" Русскія прописи. 7-ое изд. 6
" Элем. курсъ практич. русской грамматики для инородческ. училищъ. 7-ое изд.... 15
" Систематическій курсъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ. 4-ое изд. 20
Кузнецовъ, А., Краткій курсъ географіи Россіи. Съ карт. и мног. рисунками. 3-ье изд. 30
Кушнировъ, П., Русскія прописи для начальныхъ народныхъ училищъ. 5-ое изд. 5
Лафинъ, В., и **Г. Хохловъ,** Ученье – свѣтъ. Книга для обученія русск. яз. въ инородч. училищахъ. Часть I-ая. Азбука и послѣ азбуки книга для чтенія. 2-ое изд... 20
Москвинъ, К., Толкователь словъ къ учебнику „Русское слово“ Григорьева и Оленина: ко II вып., 6-ое изд., въ папкѣ 26 к., къ III вып., 4-ое изд., въ папкѣ 36
Мостовскій, А., Краткіе очерки исторіи Россіи. 8-ое изд. Съ картинами 20
Мюльманъ, Р., Сборникъ ариѳметич. задачъ и примѣровъ для начальн. народн. училищъ. Часть I-ая, 5-ое изд., часть II-ая, 3-ье изд. .... по 15
" Письменныя упражненія въ изложеніи мыслей для начальн. училищъ. 2-ое изд. 10
Ступель, А., и **Е. Гловъ,** Краткій курсъ географіи Россіи со свѣдѣн. изъ всеобщ. геогр. Съ приложеніемъ раскраш. карты Евр. Россіи и многими рисунками. 18-ое изд. 40
Янчковъ, Д., Школьный хоръ. Классн. пособіе при обученіи пѣнію. 8-ое изданіе... 30
" Дѣтскій хоръ. Классн. пособіе при обученіи пѣнію въ народн. школахъ. 4-ое изд. 15
Conradi, H., Oberlehrer, Deutsches Lesebuch für mittl. Lehranstalten. 3 Teile. Geb. I. Teil, 2. Auflage, 120 K., II. 3. Auflage, und III. Teil .... à 150
Hajek, H., Prakt. Lehrgang für den deutschen Sprachunterricht: I. T. 2. Aufl. Sprachübungen 40
" " " " " " " II. T. 2. " Orthographie.. 80
" " " " " " " III. T. Satz u. Stillehre 40
Hoffmann, W., Dr. Martin Luthers kleiner Katechismus. Mit Bibelsprüchen, Gebeten, Erklärung der Feste des Kirchenjahres, der bibl. Bücher u. s. w. 3. verb. Aufl. Geb. 15
Jaskowsky, T., Deutsche Fibel f. d. verein. Schreib-, Lese- u. Sprachunterr. 8. Aufl. Kart. 30
" Deutsches Lesebuch, Teil I, 6. verb. Aufl., und Teil II. Geb. .... à 60
Lützelschwab, W., La France. Chrestomathie littéraire. Avec illustr. 3. édit. Въ пер. 150
Mühlmann, R., Deutsches Lesebuch für Elementarschulen u. Vorbereitungsklassen. Mit vielen Ill. I. Teil, 9. Aufl. Gbd. 50 Kop.; II. Teil, 4. Aufl. Gbd. 80
" Rechenbuch f. Elementarschulen u. die unteren Kl. mittl. Lehranstalten. I. Teil, 8. Aufl. und II. Teil. Geb. .... à 36
Plutte, W., Pastor, Biblische Geschichten für Elementarschulen u. d. unteren Klassen mittl. Lehranstalten. Mit Illustr. nach H. Hofmann, J. Schnorr von Carolsfeld, Gustav Doré und and. und einer farbigen Karte von Palästina. 5. Aufl. Dauerhaft geb. 40
Sammlung kirchl. Kernlieder von Prof. A. v. Oettin
Wagner, Deutsche Fibel f. d. verein. Schreib-, Lese- u. Sprach

D02390351N
Duke University Libraries